E14 — 600

Делегату конференции
школ полуграмоте
22/XII
E14 — 600

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТПРОПОТДЕЛ КРАСНО-ПРЕСНЕНСКОГО РАЙКОМА Р. К. П. (большевиков)

ДЕКАБРЬ 1905 ГОДА НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. НЕВСКОГО

130

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
- 1925 -

Гиз. № 5713. Главлит. № 16667. Москва. Напеч. 3000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография. Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник есть, главным образом, сборник воспоминаний и поэтому не претендует на полное и всестороннее изучение декабрьского восстания. Это, гл. обр., сборник материалов. Но материалы эти имеют огромное значение для будущего историка этого движения.

Мы печатаем, во-первых, статью т. Доссэра, ответственного организатора Пресне-Хамовнического района в 1905 г. и члена руководящей боевой тройки (бюро).

Он стоял в центре событий, и те сведения, какие сообщает т. Доссэр, уже по одной этой причине имеют большое значение.

Тов. Костицын (ныне профессор физ.-мат. фак. Моск. унив.) и инженер М. Виноградов («Юрьев», «Дядя»), начальники боевых дружин, руководившие боевыми выступлениями, были, так сказать, в огне на передовых позициях. К боевикам принадлежат и авторы воспоминаний—т.т. Колокольчиков, Сидоров, «Наташа» (секретарь боевого штаба дружин). Ценность таких воспоминаний вне сомнений.

Воспоминания т. Николаева стоят особняком: они захватывают время и до и после 1905 г.

Помещая их целиком без сокращений, мы хотели дать образец жизни революционера - рабочего, *дошедшего* до Пресни и *пришедшего* через нее к Октябрю.

Затем идут воспоминания рабочих разных заводов и фабрик—Шмидта, Прохоровской, Брестской жел. дор. и т. д. Здесь, конечно, отражены не все фабрики и заводы, не только не вся Москва, но даже и не вся Пресня; но и в тех отрывках, что печатаются здесь, рисуется великая и славная эпоха декабря 1905 года.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 26358 1966

В. Невский.

Творчество масс.

«Новая форма выступления стояла перед такими гигантскими задачами, которые, разумеется, не могли быть решены сразу. Но эти задачи поставлены теперь перед всем народом ясно и отчетливо, движение поднято выше, уплотнено, закалено. Этого приобретения ничто не в силах отнять у революции».

В. Ленин. «Рабочая партия и ее задачи при современном положении».

Человечество, разумеется, трудящееся человечество, а не кучка господствующих паразитов, только тогда делает гигантские успехи в своем победном шествии вперед, когда приходят в движение огромные массы низов пролетариата и крестьянства. Только тогда особенно наглядно, особенно ясно проявляется творчество этих масс, и старушка-История руками этих масс разрушает гнилое здание прошлого и закладывает фундамент новой жизни, новых форм бытия.

Первая русская революция была именно таким прекрасным моментом этого великого творчества масс.

В самом деле, какие силы действовали тогда на исторической арене нашей страны? Две основные силы нашего времени—пролетариат и буржуазия, или, если детальней определить эти силы,—пролетариат, миллионные массы мелких собственников крестьян и крупная буржуазия. Стало быть, те же самые силы, что и всегда, что и до 1905 года и после него, но с тою разницей, что в 1905 году, в момент революции, все эти силы пришли в действие, в движение, дали максимум этого движения, довели его до величайшего напряжения, до небывалой высоты и энергии.

Вот почему в 1905 году нет отдельных героев; их сотни, тысячи, десятки, сотни тысяч, героем становится весь пролетариат. Сначала еще взор останавливается на отдельных личностях—Шмидте и др., а затем таких Шмидтов становится все больше и больше, таких геройских поступков, подвигов уже не считают, каждый борющийся готов на самопожертвование и подвиг, и героем становится масса, целый класс, весь пролетариат.

Вчитываясь в предлагаемые вниманию читателя воспоминания о декабрьской борьбе на Пресне в 1905 году, получаешь именно такое впечатление об этих великих днях.

Несомненно, что прежде всего бросается в глаза, когда читаешь все эти человеческие документы, это—наша неподготовленность. Об этом го-

ворят и член Комитета и революционного центра т. Доссэр, и боевик т. Костицын, и рабочий боевик Колокольчиков. Это проскальзывает и в остальных рассказах. Один, как товарищ Доссэр, трезво и немного схематично, как дважды два—четыре, раз'ясняет причины нашего поражения: «...надо было бы наметить конкретный план боевых действий для захвата власти, но эта сторона дела ускользнула от нашего внимания».

«Нужно было,—говорится в другом месте,—добыть оружие для своих безоружных товарищей. Однако в этом последнем основном вопросе нами ничего не было сделано».

Боевик т. Костицын со свойственной ему точностью подробно перечисляет ошибки, приведшие к поражению в декабре: непонимание психологии войск и неуменье ее использовать, пассивная тактика вместо единственно возможной и обеспечивающей успех активной, незнание противника и неуменье наметить его наиболее уязвимые пункты, неиспользование и распыление своих собственных сил.

Тов. Доссэр и рабочие указывают и еще один основной грех москвичей—нерешительность, их пристрастие к словопрениям, когда нужно было действовать. И еще множество, тысячи ошибок совершили москвичи... и все-таки, все-таки именно москвичи, именно московский пролетариат, именно пресненские рабочие были самыми лучшими, самыми последовательными, самыми решительными революционерами-марксистами в этот героический момент в декабре. Да, именно марксистами - революционерами.

В самом деле, нужно быть пустым болтуном, фразером и оппортунистом до мозга костей, чтобы не понимать, что тогда, когда действуют массы, те, кто не отказываются итти во главе этих масс, совершая миллионы частных ошибок, не совершают одной, и самой страшной,—не предают масс, не изменяют революции, а действуют с массами. Если представлять себе дело так, что научный соцализм есть только теория, тогда критики декабрьских дней правы; но ведь на самом деле между революционной теорией Маркса и действием масс во время революции нет никакой разницы, и научный социализм Маркса, его теория особенно наглядно, особенно ясно проверяется и подтверждается именно в моменты революции, когда действуют массы. Величие всех этих Седых, Колокольчиковых, Доссэров, Костицыных, Землячек, Виноградовых, Николаевых в том и состоит, что теперь, спустя десятки лет, они трезво говорят о своих ошибках, а тогда, в момент борьбы они сумели не сделать одной, и самой важной, ошибки—уйти от масс, отказаться от борьбы, а, наоборот, сумели слиться с массой, выразить ее стремления и желания, а стало быть, несмотря на миллионы ошибок, быть руководителями масс.

Стоит повнимательнее вчитаться в эти воспоминания рабочих (мы сознательно не изменяли в них ни выражений, ни слов, ни красок), и перед вами встает *масса,* именно масса. Она дышит на вас, она давит вас, вы чувствуете ее железную поступь. Прежде всего вас поражает то, что решительно все авторы подчеркивают массовый характер движения.

«Хорошее было времячко: движение ширилось, росло, полученная взмойка от японцев способствовала пробуждению масс; осмелела братва и валом валила на массовки». Так говорит т. Николаев.

«Митинги идут каждый день, даже были такие случае, что когда аудитория бывала занята, то рабочие стояли в очереди, дожидаясь, когда освободится зал для собрания». Так говорит т. Колокольчиков. Но так говорят все. Мало того, возьмите любое воспоминание и спросите себя: где же герой? кто строил баррикады? кто боролся с войсками? «Мы стреляли», «мы пошли», «мы бросились»,—вот какими выражениями пестрят воспоминания участников восстания. Пилили столбы, таскали колоды, ящики, валили вагоны...—вот какие картины рисуют все авторы. Редко, редко мелькнет отдельная фигура какого-нибудь «героя», кто-нибудь бросит фразу о Карасеве, сраженном вражеской пулей, о Седом, проявившем особенную энергию, смелость и мужество, о каком-нибудь удачном эпизоде борьбы, а затем масса, движение, шум борьбы, массовое действие, массовый, человеческий поток, огромное напряжение энергии. И напрасно было бы утверждать, что это хаос, что это беспорядочное движение без цели и смысла. О, совсем нет!

«3-го или 4-го декабря,—говорит т. Доссэр,—приехал из Петербурга «Вадим» (Любич) с поручением предложить Московскому Комитету взять на себя инициативу вооруженного восстания».

Центральный Комитет большевиков предложил начать восстание, Московский Комитет взял на себя эту инициативу, забастовка началась по призыву нашего большевистского Комитета, остальные организации, как политические организации, остались вне движения,*массы шли за большевиками*. Хаоса не было, шло огромное движение, где действовали массы, где каждый рядовой, подчиняясь вождю, в то же время сам становился вождем, если этого требовали обстоятельства.

И девятого января действовали массы; и там, несмотря на провокаторские миазмы Гапона, несмотря на стихийность движения, блещет красота его грандиозности, и там, как удачно выразилась Роза Люксембург, «веет духом Маркса», но здесь в декабрьские дни этот дух пронизывает каждого борца, становится логикой, сутью его действий, поступков, ибо сила и верность учения Маркса в том и заключается, что это—учение действия.

«Не нужно было браться за оружие»,—сказал Плеханов и, в сущности, другими словами только выразил ту реакционную мысль, какую выразил контр-революционер Гучков, когда, поднимая бокал под новый 1906-й год в честь Дубасова, произнес следующий тост: «От имени всех нас могу сказать вам, что в нашем содействии вы не должны сомневаться: всякий из нас готов положить на это дело все свое разумение, все свои силы. Но вместе с тем велико и то значение которое выпало на вашу долю в данном деле, как нашего руководителя».

Так говорил Гучков Дубасову, и плехановское «не нужно было браться за оружие» только укрепляло эту позицию буржуазии.

Пролетариат творил историю, формы его борьбы были наивысшим достижением революционного движения, а резонеры толковали об ошибках,

не пытаясь отдать себе отчет, что же означает эта высшая форма движения?

Пролетариат России в Москве в декабре 1905 г. на Пресне потерпел величайшее поражение и вместе с тем в своем революционном творчестве достиг высочайшей ступени, через которую ему удалось перешагнуть в феврале и подняться еще выше в октябре 1917 г.

Вот почему так правильны, так точны и так хороши слова вождя революции В. И. Ленина: «*Этого приобретения ничто не в силах отнять у революции*».

Этим приобретением была Пресня 1905 года, без этого приобретения мы не имели бы октября 1917 года.

З. Доссэр.

На Пресне и в Московском Комитете большевиков в декабрьские дни 1905 г.

Восемнадцать лет прошло с декабрьских дней и среди них, необычайно богатые переживаниями, последние годы революции. Новые впечатления ослабляют яркость воспоминаний, тускнеют картины и лица, путаются имена. Как ни мало свободного времени, заполненного ежечасными заботами текущей работы, надо спешить с записью еще сохранившегося в памяти.

Историку русской революции будет интересно проследить преемственную связь между первым революционным взрывом 1905 г. и решительной победой 1917 года.

1905 год был годом борьбы по преимуществу за идеологию. Революционные партии принуждены были бороться с политическим невежеством: прежде чем вести в бой, надо было об'яснить самый смысл борьбы, и каждая проясненная голова могла уже почитаться успехом. Не активные действия, не прямая борьба за власть тогда велась, а партийные заседания руководящих центров посвящались почти исключительно выработке резолюций, доступных пониманию широких масс и вместе с тем правильно освещающих смысл переживаемых событий.

Здесь, в резкой и беспощадной критике самодержавно-полицейского строя и капитализма, а также в разоблачении оппортунизма всех родов, большевики имели неоспоримый успех, и весь конспиративный аппарат, в первую очередь, был приспособлен именно для этой, основной для текущего момента задачи.

Активные выступления—демонстрации—преследовали ту же агитационную цель: с одной стороны, заставить задуматься тех, кто по своей малой восприимчивости поддается только воздействию очевидных фактов, с другой стороны, показать маловерующим, что широкая масса рабочих и молодежи проникается революционным настроением и готова вступить в бой.

О вооруженном восстании говорили все агитаторы и пропагандисты, для всех было ясно, что борьба может быть успешно закончена только вооруженным восстанием, но это были теория, лозунг. Сами говорившие о вооруженном восстании не представляли себе ни что это значит, ни что должны делать руководители восстания.

Для восстания приобреталось оружие, для восстания формировались боевые дружины, но практически они более приспособлялись для борьбы с погромами и охраны митингов и демонстраций.

В силу именно этих причин Московский Комитет большевиков в решительный момент не проявил ни надлежащей энергии, ни должного руководства восставшими.

Перейду теперь к возможно об'ективному изложению событий.

Первая вспышка произошла в саперных войсках, расположенных в Сокольниках. Волнения возникли стихийно, помимо желания революционных организаций, действовавших в тот момент под лозунгом накопления сил. Комитет был поставлен перед уже совершившимся фактом выступления сапер. Не было времени для обсуждения вопроса в заседании Комитета, почему случайно собравшимися отдельными членами Комитета было решено для руководства саперами командировать лучшего агитатора Комитета — Станислава (Вольского) и дать директиву району наапрaвить к казармам рабочих для поддержки восставших. Однако движение было подавлено в самом начале, прежде чем что-либо удалось сделать для его поддержки.

Спустя несколько дней восстали перновцы, расположенные в Спасских казармах, около Сухаревой башни. Офицеры были изгнаны из казарм, и солдаты, разобрав винтовки и патроны, приготовились дать отпор. Казармы немедленно были окружены казаками с пулеметами. Обе стороны держались пасоивно, но доступ к перновцам был закрыт, и Комитет опять не имел возможности оказать свое влияние на ход событий, как известно, окончившихся в Перновском полку выдачей зачинщиков и старанием заслужить себе прощение у начальства разгоном митинга 7/XII в Аквариуме и избиением участников митинга.

Одни эти события, помимо вестей из Петербурга об аресте Совета Рабочих Депутатов, показали, насколько близок кризис борьбы. Острота положения чувствовалась всеми, и все начали готовиться к решительным действиям. Не знаю, что предприняли эс-эры, но меньшевики, верные своей тактике «демократизма», поспешили расширить состав руководящего центра группы [1]). Большевики подошли к решению вопроса о создании руководящего боевого органа теоретически более правильно, избрав бюро, не помню, под каким названием, из трех лиц: «Марата» (Шанцера), «Южина» (Васильева) и «Лешего» (Доссэра), коему в решительный момент и надлежало действовать вместо громоздкого Комитета.

Членов Комитета в декабре было не менее 15 человек. Из них сейчас помню: «Марата» (Шанцера) — секретаря Комитета, «Землячку», «Тимофея»—ответственного организатора Замоскворецкого района, «Алексея Ивановича» (Войткевича), «Южина» (Васильева), «Станислава» (Вольского)—ответственного агитатора, «Платона» (Черномордика), «Евгения» (Кудрявцева)—ответственного боевого организатора, «Елену», «Веру Дмитриевну»—ответственного организатора Сокольнического района, «Романа» (Агапова)—ответственного организатора Городского района, «Павла Ивановича» (Первухина)—ответственного пропагандиста и «Михаила Мироновича» (Н. Мандельштама)—ответственного организатора Железнодорожного района.

---

[1]) В отличие от большевистского комитета меньшевики именовали себя группой.

Не помню точно, кто был ответственным военным организатором—«Емельян» (Ярославский) или «Василий». Не помню также, были ли в декабре членами Комитета «Семенов» (Владимирский) и «Владимир». Сам я тогда работал в Комитете под именем «Лешего» в качестве ответственного организатора Пресне-Хамовнического района, где больше был известен под именем «Семена Петровича».

3 или 4 декабря приехал из Петербурга «Вадим» (Любич) с поручением предложить Московскому Комитету взять на себя инициативу вооруженного восстания.

«Вадим» явился в бюро Комитета, где после больших споров и с большим раздумьем решили принять директиву центра к исполнению. Мы сомневались и в своих силах и в готовности масс к решительному бою; кроме того, нам казалось более правильным в момент, требующий дружного выступления, начинать с менее надежного города, в Москве же мы были уверены больше, чем в Петербурге, где чувствовалось уже пониженное настроение.

Собирать Комитет не было времени, почему и решено было сразу созвать общегородскую конференцию, на которой и поставить вопрос о всеобщей забастовке и вооруженном восстании. Для более правильного учета настроения районов решено было, чтобы все члены Комитета воздержались от выступлений, и предоставить слово исключительно представителям районов—самим рабочим.

Конференция сразу началась в весьма повышенном настроении. Все выступавшие дружно требовали оружия и решительных действий. По общему утверждению, рабочие рвутся в бой, все запаслись холодным оружием, и только одна беда—нет «горячего» оружия. Работники среди солдат один за другим делали сообщения о принятых полками решениях не выступать против рабочих. Диссонансом прозвучала, оставшаяся без поддержки, речь «Землячки», призывавшей к благоразумию и более спокойному учету своих сил.

Конференция закончилась речью «Станислава», призвавшего от имени Комитета к забастовке и вооруженному восстанию.

Итак, 5 декабря было решено дать бой самодержавию. 6-го это решение должен был подтвердить Московский Совет Рабочих Депутатов, большинство которого шло за большевиками, почему исход голосования в Совете был ясен заранее. Предстояла большая техническая работа по организации вооруженного выступления, надо было бы наметить конкретный план боевых действий для захвата власти, но эта сторона дела ускользала от нашего внимания. Все силы опять были отданы политике, заботам о согласованности выступления всех революционных организаций и обеспечению поддержки выступлению широкими рабочими массами. Все партийные силы были брошены на заводы и мастерские и призывали бастовать и оказывать полиции вооруженный отпор, а войска стараться склонить на свою сторону.

Для согласования действий всех революционных организаций было созвано межпартийное Совещание из представителей большевиков, меньше-

виков, эс-эров, крестьянского союза и железнодорожников. От большевиков вошли «Марат» и «Южин», арестованные вместе с большинством межпартийного совещания 6 декабря еще до начала забастовки. Кто вместо «Марата» и «Южина» были избраны в бюро Комитета—сейчас не помню. Бюро заседало непрерывно, вырабатывая общие директивы о проведении забастовки и устройстве демонстраций и митингов. Именно развитием массовых демонстраций и митингов (один из таких был назначен в Аквариуме) предполагалось вызвать столкновение с полицией и казаками, на почве которого было бы неизбежно выступление боевых отрядов. И эти отдельные стычки, по нашей мысли, стихийно должны были бы развиться в настоящее восстание.

Насколько решительно предлагалось действовать в отношении полиции и жандармов, настолько же осторожно советовалось держаться по отношению к войскам. Последних надо было всячески стараться привлечь на свою сторону. Особенное значение придавалось шествиям к казармам и снятию солдат, чтобы облегчить последним переход на сторону народа.

Для нас была ясна незначительность вооруженных сил в нашем распоряжении. Главная революционная масса была безоружна. Успех восстания, помимо привлечения на свою сторону войск, зависел от возможности активно использовать эти безоружные массы. Немало времени было потрачено на обсуждение более или менее остроумных планов, но все они, конечно, отвергались по своей несостоятельности. Революционные безоружные массы могли помочь восстанию только под'емом общего настроения и в том числе самих боевиков, на обязанности которых было в первую очередь добыть оружие для своих безоружных товарищей.

Однако в этом последнем основном вопросе нами ничего не было сделано. Мы предлагали народу добыть себе оружие, но где его легче достать, мы и сами мало знали. Наш боевой центр в этот ответственный момент страдал параличом, так как руководивший им «Евгений» и его ближайшие помощники заявили о полной безнадежности восстания в силу неподготовленности и тратили все свое время на истерическое излияние своих чувств.

Готовясь к решительным действиям, мы должны были предполагать таковые же и со стороны правительства и ожидать прекращения своеобразной идиллии, когда партийные органы и даже боевые существовали на полулегальном основании. Пришлось подумать об усилении конспирации и перемене более известных полиции квартир. В том числе решено было оставить Фидлеровское училище, ставшее с октябрьских дней штабом наших боевых дружин и местом митингов и партийных конференций.

К сожалению, эта необходимая предосторожность не была соблюдена эс-эрами, которые, узнав об освобождении нами Фидлеровского училища, поспешили использовать его гостеприимный кров для своей ученической боевой дружины.

9 числа, вечером, Фидлеровское училище было окружено войсками всех родов оружия до артиллерии включительно. После некоторого сопротивления, сломленного только пушками, застигнутые в училище юные эс-эровские боевики принуждены были сдаться. Здесь, под Фидлеровским училищем по

зеленой молодежи впервые заговорили пушки. Правительство решило не ожидать нападения и перешло само в наступление, стараясь с первых же шагов запугать революционеров крайними мерами.

7-го приостановилась работа на фабриках, заводах и железных дорогах, а 8-го начались уже столкновения демонстрантов с полицией и войсками. Эти столкновения пока ограничивались применением холодного оружия.

В пятницу же, 9-го, в разных местах города возникает стрельба то сумцев по толпам народа, то дружинников по полиции и сумцам.

Если не ошибаюсь, в ночь на 9-е, шмидтовская дружина произвела свое первое выступление, сделала «рейд», как бы выразились теперь, прошла по Новинскому бульвару и прилегающему району, перебив всех постовых городовых. На помощь городовым на выстрелы поспешил резерв из полицейской части; однако, отряд городовых, вооруженных смит-вессонами, не смог выдержать беглого огня маузеров, коими была вооружена покойным Шмидтом дружина его фабрики, и городовые рассеялись. На другой же день все полицейские посты опустели, только на некоторых углах стояли группы городовых, спешивших прятаться за спины войск при приближении демонстрантов: слишком серьезную опасность представляли лучше вооруженные дружинники.

С субботы, 10-го числа, начинается постройка баррикад, при чем центром событий, как и накануне, является район Тверской. Стычки и перестрелки все усиливались, и в середине дня раздались пушечные выстрелы. Стреляли картечью по густым массам толпы, наполнявшим Тверскую. По ним же открыли огонь из пулемета с колокольни Страстного монастыря. Ужас и возмущение охватил весь город. Такого озлобления даже простых обывателей и такого пренебрежения к грозящей опасности, пожалуй, мне не приходилось наблюдать и в революционные февральские и октябрьские дни. Будь в этот момент в руках народа оружие, защитникам самодержавия не сдобровать бы.

Вооруженных дружинников, вероятно, было несколько сотен, большинство обладало малогодными револьверами, но часть была снабжена достаточно сильным для уличного боя оружием: маузерами и винчестерами. На почве дезорганизации властей и невозможности использовать активно подавляющую часть московского гарнизона, можно было бы попытаться силой обезоружить какую-либо воинскую часть и вооружить восставший народ. Каждое практическое указание налету подхватывалось и толпой и дружинниками и немедленно приводилось в исполнение. Но этой-то ясно поставленной конкретной цели и не давалось восставшим теми, от кого их ждали. Я как сейчас помню наше заседание бюро Комитета в этот первый день разгоревшегося восстания.

Очередную общую директиву боевикам мы выработали очень быстро. В ней рекомендовалось, ввиду несомненного превосходства вооружения войск, придерживаться, главным образом, партизанского способа действия, нападая внезапно из-за углов, стреляя с крыш и из окон домов, и так же быстро

ускользая, утомлять войска непрестанным нервным напряжением; баррикад не защищать, используя их только, как средство для затруднения передвижения войск.

Но вот к нам стали поступать запросы из районов, как поступить в конкретном случае, куда направить ищущую себе выхода энергию масс? С Брестского вокзала явились железнодорожники. Вокзал охраняется командой в сорок человек. На вокзале выставлен только караул. Все остальные солдаты расположились в двух вагонах. Железнодорожники предлагают направить на вагоны груженный поезд и одновременно открыть огонь по уцелевшим от крушения солдатам. Подымается бесконечный спор о целесообразности и допустимости нападения на ничем враждебно еще не проявивших себя солдат.

Представитель печатников просит разрешения боевой дружине забаррикадироваться в одной из типографий, отвлечь на себя внимание войск и тем дать большую свободу действия другим дружинам.

Не кончив первого вопроса, принимаемся спорить по второму.

«Землячка» шлет посла за послом и, наконец, является сама с митинга на одной из замоскворецких фабрик. Настроение митинга весьма боевое, раздаются голоса с требованием итти к казармам, где солдаты обещали присоединиться, если их придут снимать. Но казармы охраняются чужой частью и, видимо, надежной. Все вопросы требуют немедленного решения (митинг разошелся, не дождавшись нашего решения), а среди нас не чувствуется решимости и необходимой готовности принять на себя ответственность. Мои настояния решать так или иначе, но без длинных споров, успеха не имеют. И к обсуждению вопросов привлекаются все, случайно заходящие за информацией, члены Комитета, при чем для каждого вновь пришедшего все рассказывается сначала.

Помимо психологических причин были и об'ективные, делающие совершенно невозможным исполнение нашей задачи руководить всем движением: наша связь с районами оказалась слишком слабой, сведения доходили к нам с большим опозданием и подчас недостаточно проверенными. Доходили ли до районов наши директивы, мы тоже не знали.

При таких условиях единственно правильным было принятое нами под конец дня решение: не пытаться создать единый боевой центр, разойтись самим по своим районам, чтобы там, на месте, своим личным участием руководить движением, насколько это окажется возможным, в центре же встречаться в определенный час для взаимной информации.

Поздно ночью, когда мы расходились, на улицах еще продолжалась постройка баррикад и легких проволочных заграждений. Эта работа, повидимому, не прекращалась всю ночь.

На утро Москва представляла небывалую картину. Особенное впечатление производила Садовая улица, сплошь оплетенная проволокой, пересеченная баррикадами ряд за рядами и абсолютно пустая в тот час, когда я пересекал ее, направляясь на Пресню. Далее, ближе к бульварам, улицы заполнялись буржуазной публикой, с веселым любопытством и вместе неко-

торой боязливостью осматривающей следы вчерашних боев. На линии бульваров начиналась неприятельская сторона, кое-где виднелись заставы и цепи солдат, которые приходилось обходить во избежание обыска. На Тверском бульваре пожарные жгли остатки баррикады, а стоящие около них спешенные драгуны брали на прицел каждого случайного прохожего. Сейчас же за бульваром, в переулках, начинались проволочные заграждения. Среди любопытствующих обывателей были заметны и фигуры несомненных боевиков. За Садовой ближе к Пресне картина неожиданно приобретала совершенно мирный вид. Ни баррикад, ни поваленных столбов. Правда, одна маленькая сценка выявила и здесь напряженность настроения. Из ворот одного дома выехал мальчуган верхом на ломовой лошади; по его адресу бородатый рабочий в шутку крикнул: «Смотрите какой драгун». И в это шутливое слово «драгун» невольно вложил столько злобы, что сразу стало ясно, что и здесь довольно только одного толчка, чтобы люди бросились в общий водоворот.

Воскресенье, 11-го,—день максимального кипения восстания в Москве. В этот день повсюду шла стрельба. Пушки перевозились с одной площади на другую. Отступая перед пушками, толпа рассеивалась затем, чтобы собраться в другом месте. Под прикрытием толпы дружинники производили одно за другим нападение на войска. Некоторые из них были особенно удачны. Так, на Театральной площади отряд, вооруженный винчестерами, подвешенными на ремнях подмышкой, скрыл их под накинутыми на плечи пальто, что дало отряду возможность, не внушая подозрения, приблизиться к драгунам и обратить их в бегство внезапно открытым огнем. На Каретной-Садовой конные жандармы, расстреливавшие толпу, были обращены с большими потерями в бегство. На Владимиро-Долгоруковской улице баррикада была занята войсками только после упорного боя.

В этот же день была разгромлена войсками типография Сытина.

Весь день грохотали пушки, и по всему городу гремели выстрелы. Только Пресня продолжала быть спокойной. События на Пресне ограничились внушительной демонстрацией. Демонстранты около Зоологического сада были остановлены отрядом казаков 1-го Донского полка, отказавшихся после увещания со стороны рабочих стрелять или, хотя бы, разгонять демонстрантов. 1-й Донской полк во все время событий держался пассивно. В городе говорили о полной забастовке значительной части полка.

После братания с казаками демонстранты повернули обратно к Прохоровской фабрике.

На другой день, с утра, преснецы начали готовиться к вооруженному выступлению. Столовая Прохоровской мануфактуры, ставшая с этого дня центральным штабом для боевиков, набита взволнованными рабочими. За общим шумом и неразберихой с трудом удается формировать боевые десятки и внести хоть относительный порядок. Все говорят сразу. Сразу передают прямо противоположные сведения и все настойчиво предлагают свой образ действия. Крики «казаки у ворот» на минуту посеяли панику. Казачий раз'езд неосторожно приблизился к фабрике и поплатился одним раненым. Остальные поспешили ускакать. Наконец отряд сформирован и под пред-

водительством Седого (Литвина) направляется к ближайшему полицейскому участку с главной целью захватить предполагаемое там у городовых оружие. Помещение участка было занято без малейшего сопротивления, но оружия не оказалось.

Одновременно начали баррикадировать все улицы, ведущие в город. Около баррикад у Зоологического сада вскоре началась перестрелка с солдатами, наступавшими со стороны Кудринской площади. Каждая попытка солдат наступать отбивалась дружным огнем. Выдвинутая для поддержки солдат пушка не ослабила силы сопротивления дружинников, и баррикада осталась за нами.

Отряд казаков, направленный переулками в обход баррикады, попал в засаду.

Из-за углов по нему был открыт огонь в то время, как лошади запутались в незаметно протянутых над самой землей проволоках.

Этот случай отбил на долгое время охоту пользоваться переулками, и до самого последнего дня дружинников не тревожили ни со стороны Грузин, ни со стороны Горбатого моста.

За один день Пресня покрылась баррикадами, за черту которых не смели и не могли переступить дубасовские силы.

Начало восстания было проведено блестяще, но оно опоздало: в городе уже начало чувствоваться понижение настроения, число митингов сокращалось, проходили они с меньшим воодушевлением, и район боев заметно сокращался, в центре города войска становились господами положения.

Недостаточность войск не позволяла Дубасову охранять весь, раз занятый район. Только казармы и вокзалы находились под постоянной охраной, прочие же пункты занимались войсками по мере надобности для боя; войска непрерывно передвигались в течение дня и отступали к вечеру в центр города, где в манеже сосредоточились все верные правительству части.

Такая тактика обеспечивала за командованием ударный кулак, но это вместе с тем давало возможность революционерам за ночь восстанавливать разрушенные баррикады и утром оказывать новое сопротивление наступающим из центра войскам.

Первые дни войска встречали на своем пути все, вчера разрушенные, баррикады. Теперь энергия восставших заметно ослабевала, и баррикад восстанавливалось все меньше и меньше. Во вторник, 13-го, весь центр до кольца Садовой был очищен от баррикад, за исключением района Бронных и Арбата.

Преснецы в этот день продолжали с неменьшим успехом защиту своего района. Ряды защитников постепенно пополнялись боевиками, вытесняемыми войсками из других районов. Особенно ценно было участие шмидтовской дружины, первоначально оперировавшей в Городском районе. Наиболее стойкие бойцы и отчасти лучше вооруженные концентрировались на Пресне, увеличивая силу ее сопротивления.

13-го, во вторник, Пресня подверглась бомбардировке со стороны Кудрина и от Ваганьковского кладбища; сверх того, ружейный обстрел велся с пожарной каланчи и с колокольни соседней с участком церкви. Особенно

Значение цифр:

1.—Бой на Пресне. 2.—Обстрел правительственной артиллерией с Поклонной горы. 3.—Стычки в Сокольниках. 4.—Бой в Миусском районе.

обстреливались пешеходы на Горбатом мосту, через который, главным образом, поддерживалась связь с городом. Новые повторные атаки солдат на баррикаду у Зоологического сада неизменно отбивались. Контр-наступлением удалось отогнать солдат до самого участка. Бежали не только солдаты, но и артиллеристы. Орудия остались без прикрытия и прислуги на опустевшей улице между противниками.

Развить достигнутый успех не удалось. Подоспевшими резервами дружинники были оттеснены и орудия вывезены из-под огня.

У Ваганьковского кладбища позиция для орудия была избрана вблизи дровяных складов. Этим обстоятельством воспользовались дружинники, скрыто приблизились к противнику, внезапным огнем обратили в бегство прислугу и захватили орудие. Успех был для самих дружинников совершенной неожиданностью. Повозившись около пушки и убедившись в своем неумении с ней обращаться, попробовали укатить ее на руках, но и это оказалось непосильным. Медлить же дальше было нельзя, и орудие перешло обратно в руки врагов.

В дальнейшем действия боевых дружин ограничились пассивной обороной. Обсуждались планы расширения операций за пределы Пресни, но, главным образом, эти планы преследовали цели только партизанские. Так, один из них, усиленно предлагаемый эс-эром, «Медведем», сводился к нападению на раз'езд драгун, охранявших Хамовнический район, и немедленному после того отступлению под прикрытием бомбистов.

Была мысль ночного нападения на участок, где были сосредоточены главные силы, действующие против Пресни, а также содержались захваченные пленные. Атака должна была бы начаться бомбистами с крыш соседних домов. Эта мысль была оставлена из опасения нанести урон своим заключенным товарищам.

Была попытка усилить оборонительную линию траншеями, на митингах устраивали нечто вроде лекций по окопному делу, но мерзлая земля плохо поддавалась лопатам, и попытка была брошена.

За эти дни боевиками был хорошо изучен опыт уличного боя. Наиболее целесообразным оказывалось при защите баррикад не занимать самих баррикад, ибо они служили плохим прикрытием от огня, стрелки размещались в соседних домах или несколько сзади или даже впереди баррикад.

Кроме того, выяснилось, что револьверные выстрелы не производят впечатления на атакующих солдат, ибо их безвредность слишком очевидна. Остановить атакующих можно только или ружейным или маузерным огнем. Но ружей и маузеров мало, их не хватит для обороны всех баррикад. И вот вырабатывается своеобразная система распределения вооруженных сил: каждый отряд по необходимости имеет большинство вооруженных револьверами, но обязательно в каждый отряд включается несколько обладателей или винтовок или маузеров.

Оружия было вообще мало, почему при смене дежурных отрядов передавалось и оружие.

В столовой Прохоровской фабрики было непрерывное движение; одни отряды усталые приходили со своих позиций, складывали оружие и располагались на еду и отдых, другие приходили взять оружие и итти на баррикады.

Пресня, окруженная баррикадами, жила своеобразной жизнью. В городе шли обыски и аресты. На партийные явки и собрания приходилось, в буквальном смысле слова, пробираться, всячески избегая встреч с патрулями. На улицах царила гнетущая напряженность. Но вот Горбатый мост, мимо ушей свистят пули, еще несколько шагов, и в переулках Пресни чувствуешь себя в полной безопасности от сыска. Улицы сравнительно оживлены, у всех ворот дежурные от жильцов, и везде кучки рабочих и боевиков, оживленно обсуждающих последние события дня. Настроение необычайной общности интересов и готовности помочь друг другу. Личные интересы отступают на задний план. Конспирировать здесь нет нужды, и хотя до вывески над партийной квартирой мы не дошли, адрес известен всем, и к нам идут в числе других и простые обыватели со своими мелкими нуждами.

Пришлось, конечно, создать и органы административной власти и суда. Преступлений за эти дни не было вовсе, но разных, почему-либо показавшихся подозрительными лиц было арестовано много. Большинство из них после допроса освобождалось, часть на всякий случай оставлялась под арестом и одного—околоточного Сахарова—расстреляли.

Угрозой ареста пришлось воспользоваться и против одной партийной работницы, имени ее сейчас уже не помню. Явилась она в район по моему вызову от центральной боевой организации помочь обучать дружинников, и вместо того занялась насмешками над боевиками, над ихней якобы игрой в солдаты. В такой помощи мы не нуждались и немедленно проводили «боевого организатора» до Горбатого моста с советом вновь не появляться.

До восстания у нас, большевиков, связи с рабочими на Пресне были очень слабые. Шмидтовская фабрика, где была сильна организация большевиков, входила в Городской район. В районе у нас был только один кружок, на заводе Грачева, куда входили двое или трое рабочих с сахарного завода. Самая большая фабрика и наиболее революционно настроенная—Прохоровская—находилась под исключительно эс-эровским влиянием. Здесь постоянно гастролировали эс-эровские ораторы, из них некоторые обладали весьма нескромными именами, как, например: «Непобедимый» (известный правый эс-эр Фундаминский) или «Солнце». Вся эта компания с момента восстания потеряла весь свой блеск и поспешила ретироваться. Единственный раз появились представители эс-эровского Комитета, да и то с речами о благоразумии, весьма холодно выслушанными рабочими. Иначе совершенно держали себя рядовые эс-эровские работники: «Медведь», «Пчелка» и многие другие, имен которых теперь не помню.

Симпатии к нашей, несомненно, последовательной революционности оказались у них сильнее партийного тяготения. На общей работе у нас установились и полный контакт и дружеское отношение.

В рабочей массе, не так связанной партийностью, наше влияние возрастало с каждым днем, и этому особенно способствовал Седой, проявивший себя в эти дни и исключительным агитатором и неутомимым распорядителем.

К концу недели среди защитников Пресни стало чувствоваться и утомление и сомнение в целесообразности дальнейшего сопротивления.

В городе кой-где уже приступали к работам. От меньшевиков и эс-эров поступили в район директивы ликвидировать оборону и забастовку. Мы же считали нужным продержаться до выяснения результатов движения в провинции.

На митингах пошли споры, в результате которых восторжествовала наша точка зрения, и борьба продолжалась.

В пятницу, 16-го, наши разведчики начали доставлять сведения об усилении войск, действующих против Пресни, появились раз'езды противника и в далеком тылу Пресни за городом.

Дубасов, несомненно, замышлял решительный удар и подготовлял полное окружение. Вместе с тем наши силы ослабевали, и запас патронов подходил к концу. Вечером все в той же столовой мы собрались последний раз, чтобы обсудить создавшееся положение. На мой прямой вопрос, сможем ли отбить серьезную атаку, Седой категорически заявил о немыслимости далее противостоять войскам, при первом же серьезном натиске мы не выдержим. Другие товарищи поддержали это безотрадное заключение.

Далее же наши голоса разделились. Я настаивал на немедленном прекращении сопротивления и уводе боевых дружин с Пресни, пока вооружение еще не закончено. Я считал нашу борьбу с правительством еще далеко не законченной и потому очень важным сохранение и людей и оружия.

Седой и вместе с ним большинство товарищей со мной не согласились. Они настаивали на необходимости защищать баррикады, пока рабочие не станут на работу. Прекратить организованно забастовку они не считали возможным ранее понедельника, и до понедельника, во избежание расправы над рабочими, надо-де во что бы то ни стало продолжать сопротивление. Они забывали, что мы были уже бессильны защитить рабочих.

Ночью было закончено окружение Пресни, и еще до рассвета, семеновцы двинулись от Брестского вокзала. Подступы с этой стороны охраняла железнодорожная дружина. Она была застигнута врасплох и не оказала сопротивления. К утру вся северная часть Пресни до Большой Пресненской ул. была занята солдатами, тщательно обыскивавшими каждый дом.

Около 7-ми час. утра я проснулся от непрерывного хлопанья дверей, как мне показалось. Это началась бомбардировка пушками Пресни с трех сторон —от Кудрина и Ваганьковского кладбища и гаубичной батареей из Дорогомилова. Горбатый мост обстреливался из пулемета. Были пулеметы и в других местах. Нападавшие сразу же развили интенсивный огонь, в минуту делалось до пяти орудийных выстрелов. Вся Пресня засыпалась свинцом и сталью. Окраинные дома загорались один за другим. Сопротивление дружинников было сломлено, но войска все же не решались проникнуть на площадь, непосредственно прилегающую к Прохоровской фабрике и ограниченную

Большой Пресненской улицей, Камер-Коллежским валом, рекой Москвой и прудами. Они занимались поджогом уцелевших домов и беспощадным расстрелом всех, кто пытался найти себе спасение через реку Москву или переулки. Бомбардировка не стихала до самой ночи, светлой от зарева пожаров. Мы были окружены огненным кольцом в буквальном смысле слова.

Сопротивляться было немыслимо, выхода с Пресни не было. Прятаться после всего пережитого как-то не хотелось, и мы большой компанией собрались в одной из школ. Ни у кого из нас не было сомнения в участи, нас ожидающей, но мы были готовы к смерти и примирились с ней. Нервы все время были в таком напряжении, что восприимчивость ослабела, наступало состояние одеревянения. Спать никому не хотелось и, чтобы скоротать время, развлекали друг друга, к ужасу приютившей нас учительницы, воспоминаниями прежде пережитых рискованных положений.

Утро принесло неожиданную радость: Малая Грузинская улица оказалась свободной для движения. Первым делом мы поспешили переодеть и возможно изменить наружность Седого, как наиболее всем намозолившего глаза, и его же первым выпроводили с Пресни. За ним поспешили и остальные, многие из боевиков рискнули пронести и оружие.

Выбравшись с Пресни, я поспешил зайти в первую же открытую парикмахерскую снять длинные волосы и сбрить бороду. Заходил я с некоторой опаской. Встретил же самое сочувственное отношение, и мастер, закончив работу, с удовлетворением заявил: «Ну, теперь вас никто не узнает».

Мне остается сказать еще о заседании Московского Комитета, созванного в первые же дни после подавления восстания для подведения итогов и намечения плана дальнейшей работы.

На улицах красовались об'явления Дубасова о подавлении восстания и бегстве руководителей «за пределы досягаемости».

В этот момент руководители собрались по недосмотру секретариата на одном дворе с жандармским отделением. Из окна квартиры собрания мы могли наблюдать, как жандармы принимали свозимое сюда арестованное оружие.

Подсчет своих сил определил полную готовность конспиративного аппарата к немедленной работе в несколько урезанном масштабе.

Наученные горьким опытом, мы решили в новой работе уделить особенное внимание боевой организации по созданию не просто вооруженных дружин, а обученных кадров будущих инструкторов и командиров.

Поставлен был вопрос и о личном составе Комитета: слишком большая известность членов Комитета во время «свобод» и восстания представлялась опасной для конспиративности Комитета.

Уезжать из Москвы всем было бы вредно для преемственности работы, почему двум—трем предложили выехать, а для всех остальных ограничились переменой имен и районов работы.

Оставаясь «за пределами досягаемости», благодаря строгой конспиративности всего аппарата, Комитет приступил к собиранию разбитых сил и вербовке новых.

В. Костицын.

Декабрьское восстание 1905 г.

Прежде чем говорить непосредственно о декабрьском восстании, мне кажется необходимым поделиться воспоминаниями и о предшествующих месяцах, в течение которых производилась подготовка к восстанию.

Я не знаю, велась ли до октябрьской всеобщей забастовки какая-либо подготовительная боевая работа. Сам я работал в качестве пропагандиста в Городском районе; кроме того, много сил и внимания нужно было уделять университетской большевистской организации: среди революционного студенчества, противопоставлявшего себя многочисленным, но неорганизованным академистам, мы, большевики, большинством не являлись, но пользовались значительным влиянием и часто увлекали за собою меньшевистско-эс-эровское большинство. Студенческая организация дала много энергичных и преданных партийных работников (П. И. Барсов, Н. Н. Овсянников, тов. Малинин, С. С. Кривцов, С. С. Чижевский, тов. Ежов и мн. др.).

Близился октябрь. В университете шли грандиозные митинги. Чувствовалось, что близится что-то, но было неясно, что именно. Помню один митинг. Университет, сумрачный вечер в конце сентября или в начале октября. Богословская аудитория в новом здании вся залита морем голов. Митинг заканчивается, и принимается резолюция с требованием созыва Учредительного Собрания. В этот момент к трибуне протискивается запыхавшийся рабочий и просит в спешном порядке слова для сообщения. «Товарищи,—говорит он,—наступает поворотный момент в нашем движении. Произошло событие огромной важности: забастовала типография Сытина, и к ней присоединяются другие типографии. Из нашей забастовки выйдет общая забастовка, и кто знает, быть может, на ней сломает шею царское правительство. Поддержите нас не митингами, а оружием. Научите нас делать бомбы, и мы изготовим их тысячи. Довольно слов». С этими словами неизвестный рабочий покинул зал, и после его ухода выступали представители различных партий, а также фабрик и заводов, и обсуждали вопрос о том, не провокатор ли говоривший, и рабочий ли он в действительности. Я не знаю, кто он был в действительности, но он, несомненно, обнаружил в десять раз больше чутья, чем все остальные, вместе взятые. Ведь царский режим, по образному выражению тов. Троцкого, действительно споткнулся тогда о запятую, из-за которой забастовала типография Сытина. И наступал тот момент, когда оружие критики нужно было заменить критикой оружия. Прошло еще несколько дней, быть может, неделя, и перед партийной организацией встал вопрос о самовооружении и вооружении масс.

Дело в том, что мобилизация революции вызвала мобилизацию контрреволюции. Начались понемногу погромы и избиения рабочих и интеллигенции. Черносотенная агитация имела успех среди той части мелкой буржуазии, которой трудно было понять смысл происходивших событий и которая вместе с тем от них страдала материально: богатый либерал прекрасно мирился с отсутствием света, воды и т. д., для него это был лишь вопрос денег; бедный ремесленник сидел без работы, без света, без воды, и вместе с тем, до него не могла добраться наша агитация. Эта мещанская Москва и была неистощимым резервом черной сотни. Избивали рабочих, избивали партийных работников по пути в предместья, избивали студентов. Помню, как привезли в Александровскую больницу на Щипке (ныне больница имени Семашко), где работала в качестве фельдшерицы преданная и деятельная большевичка Серафима Ивановна Надеина, избитую до неузнаваемости пропагандистку, направлявшуюся в Симоновскую слободу, и как ей, по выздоровлении, был устроен побег из больницы при содействии доктора Трушковского. Необходимость противодействия погромам и избиениям заставила вооружаться партийных работников и подумать об организации отрядов для борьбы с активной черной сотней. Многие заводы, не надеясь получить огнестрельное оружие, занялись изготовлением пик, кастетов, кинжалов, оболочек для бомб и т. д.

На 13 или 14 октября вечером в университетских зданиях был созван грандиозный митинг, где уже мало говорилось об Учредительном Собрании, а обсуждались меры активной борьбы. Была принята резолюция с требованием от Городской Думы организации Национальной гвардии, и производилась запись в ее батальоны. Для поддержания этого требования была назначена на следующий день вооруженная демонстрация перед зданием Городской Думы. Эта резолюция предлагалась в целом ряде аудиторий Г. А. Алексинским, тогда одним из лучших большевистских агитаторов.

На следующее утро, захватив с собою неизменно сопровождавший меня маленький и, по правде говоря, довольно бесполезный револьвер, я отправился к зданию Думы. Там нашел я не то, что ожидал. Площадь была пуста. Раз'езжали казаки, видны были кучки городовых. Я сделал попытку подойти к Думе, но сделался об'ектом усиленного внимания и воздействия и был принужден обратиться вспять. Пройдя на Театральную площадь и увидев там ту же картину, я пошел по Моховой к университету, где надеялся найти раз'яснение. Раз'яснение последовало несколько раньше: в Охотном группы штатских избивали проходивших людей сколько-нибудь интеллигентного вида. В университете, на дворе, была огромная толпа из рабочих и студентов. Оказалось, что демонстрация была отменена, по слухам, из-за нежелания Думы «разговаривать с толпою». В Думе велись переговоры представителями партий, союзов и общественных организаций, а снаружи мобилизованная черная сотня, полиция и казаки избивали немногих демонстрантов, по недоразумению приходивших к Думе. Действительно, организованный на-спех лазарет в Физическом институте оказал уже помощь нескольким пострадавшим, и раненые прибывали. Шли упорные слухи о натиске на университет, а пытав-

шиеся уйти возвращались обратно, ибо незаметно окружившая университет цепь солдат никого не выпускала. Пришлось подумать об обороне. Старое здание было забаррикадировано со всех сторон, вооруженные разделились на десятки и отряды по 4 десятка, невооруженные стали вооружаться палками, из химической лаборатории разобрали колбы с кислотами. Так началась «университетская осада», длившаяся до вечера следующего дня и показавшая яснее ясного, что без своей вооруженной силы пролетариату не обойтись, и расходившиеся оттуда уносили твердое решение вооружаться и силе противопоставить силу. На первом же заседании университетской организации было постановлено организовать боевую дружину, и выполнение этой задачи было возложено на В. П. Зачинщикова и на меня. Оба мы согласились лишь скрепя сердце, ибо работа по районам, в рабочих организациях, нас гораздо более привлекала. Позднее В. П. Зачинщиков сумел быть отозванным, и руководство боевой организацией было возложено исключительно на меня.

События после манифеста 17 октября еще более показали необходимость вооружаться. Побежденная власть отплатила победителям погромами, перед которыми бледнели дооктябрьские избиения. Убийство Баумана, убийство Грожана, ловля и избиение студентов, расправа на вокзале в Иваново-Вознесенске с Ольгой Михайловной Генкиной, погромы в Одессе, Твери, Томске, расстрел в Москве около манежа толпы после похорон Баумана, нападение на университет, на Инженерное училище, на рабочий клуб в Сокольниках — вот события первых же дней после 17 октября. Было ясно, что борьба не кончена, а только начинается, и очередным лозунгом дня сделалось вооруженное восстание и планомерная подготовка к нему. Но, прежде чем для партии выяснился вопрос о существе этого лозунга, пришлось подумать о необходимой обороне, и уже к похоронам Баумана (22 октября 1905 г.) были организованы многочисленные отряды крайне пестрого состава и пестрого вооружения и далеко не всегда боеспособные, но в общем и целом давшие хороший отпор черной сотне. Боевые организации различных партий разделили между собою город на участки и установили дежурства и обходы. После нескольких перестрелок, иногда анекдотических, когда и погромщики и дружинники обращались в бегство, погромы и избиения в Москве прекратились, но отряды не были распущены и остались для охраны собраний, митингов, для борьбы с полицией и тому подобной очередной работы.

Лозунг «вооруженное восстание» все чаще и чаще раздавался на собраниях, но понимался различными партиями по-разному. Всего меньше симпатии к этому лозунгу испытывали меньшевики. После удачной октябрьской забастовки им казалось, что достаточно будет еще раз скрестить руки, чтобы доломать хребет самодержавию, и к организации боевых дружин они приступили нехотя и под давлением низов. Эс-эры все еще не изжили героический период единоборств и, не имея корней в рабочих массах, организовывали небольшие отряды преимущественно интеллигентного состава. Под их влиянием находились также союзы, сыгравшие известную роль во время октябрьской забастовки (союз адвокатов, союз инженеров и т. д.), и сильно помогали им оружием, деньгами и т. д. Рабочие массы Москвы находились,

главным образом, под влиянием большевиков, и боевая организация большевиков была преимущественно рабочей по составу и связывалась с заводскими, фабричными, районными и т. д. организациями, как выражались тогда, общепролетарскими.

Через несколько дней после похорон Баумана я получил приглашение на совещание представителей боевых дружин. Оно имело место в реальном училище Фидлера (Лобковский переулок, около Чистых прудов), где в то время собиралось большинство революционных организаций Москвы. Председательствовал на собрании представитель боевой организации при М. К. Р. С.-Д. Р. П. «Афанасий Иванович» (Владимир Константинович Иванов). Представителем Замоскворецкого района был уже пожилой рабочий, старый партийный работник, имя которого я, к сожалению, забыл, хотя и встречался с ним впоследствии, после восстания, очень часто, а его помощником был т. Яловецкий. Представителем Бутырского района был т. «Коловрат», как и я, снятый с пропаганды и поставленный на боевую работу. Представителем Рогожского района был брат Г. А. Алексинского. Представителем Высшего Технического училища был «Иосиф Георгиевич» (И. Г. Урысон, впоследствии под кличкой «Виктор», работавший в Петрограде). Пресня была представлена «Марьей Федоровной»—той самой партийной работницей, которой удалось бежать из Александровской больницы, о чем я уже говорил выше, и т. «Горьким», рабочим с мебельной фабрики Шмидта. От Железнодорожного района присутствовал «Ермил Иванович» (Ильин — брат известного профессора И. А. Ильина). Представителей других районов я, к сожалению, не помню.

От Московского Комитета присутствовал ответственный боевой организатор т. «Евгений» (Кудрявцев), в короткой речи сообщивший нам об учреждении боевой организации и об ее строении и задачах. По его мысли, боевая организация складывалась из следующих частей: часть «строевая» — ведающая живой силой, боевыми дружинами, их организацией, обучением и т. д., часть техническая, ведающая изготовлением бомб, взрывчатых веществ и т. д., часть оружейная, ведающая закупкой оружия, его транспортом, распределением и т. д. Данное совещание об'единяло лишь работников по «строевой» части, и две остальные части были строго законспирированы.

На совещании выяснилась прежде всего чрезвычайная численная слабость организации: во всех районах, во всех дружинах оказалось вместе не более 250 дружинников. Подсчет оружия дал также печальные результаты: часть была вооружена револьверами старых систем, половина — браунингами, остальные — маузерами, винчестерами, парабеллумами, а некоторые даже варварскими дробометами Браунинга. Конечно, первым делом мы вынесли постановление об однородности вооружения, но по вопросу о желательном типе оружия не могли притти к соглашению. Какой тип оружия наиболее пригоден для уличного боя и как представлять себе самый уличный бой? В этом отношении взгляды очень расходились. Одни читали и хорошо читали книжки П. Ро — ля «Как происходили революции в Западной Европе» и Северцова (В. В. Филатова) об уличном бое и представляли себе уличный бой

в виде баррикадной, а по Северцову—даже окопной войны, при чем войска атакуют и берут приступом баррикады, как это делалось во время июньского восстания 1848 года, под градом пуль осажденных. Другие не менее хорошо читали истории партизанских войн и представляли себе восстание в виде малой войны небольшими кучками, без всяких баррикад, не захватывая определенных районов, против врага, которого эта тактика измора все более и более деморализует. Первые были сторонниками более тяжелого оружия, понимая под этим пистолеты Маузера, с приставными ложами, и легкие карабины, другие защищали браунинги и решительно отвергали всякое более громоздкое оружие, как «неконспиративное». Последнюю точку зрения защищал «Евгений». Мы увидим, что ошибались и те и другие тем, что недооценивали дальнобойности современной винтовки и преуменьшали расстояние, на каком начинается боевое соприкосновение с войсками.

Организация боевых дружин была принята в следующем виде. Низшей единицей был десяток под командой десятника. Ввиду малочисленности районов, три—четыре десятка, приходившиеся на район, сводились в *район,* подчинявшийся организатору района. При каждом районе должен был состоять инструктор для обучения дружины, ибо далеко не всегда организатор обладал необходимыми техническими сведениями. Во время выступлений командовать должен был инструктор, а организатор оставался в качестве политического руководителя и наблюдателя. Этот вопрос все время нас всех беспокоил: партийные работники, за немногими исключениями, не обладали военными знаниями, а офицеры-инструктора обладали, но не теми, какие были нужны: они переносили в городскую обстановку понятия полевой войны, и обучение дружинников производили так, что потом все пришлось переделывать; и командовали в конце концов те же партийные работники. Что касается до пополнения военных знаний самих политических работников, то сделать это было очень трудно. Все мы добросовестно ознакомились с оружием, стрельбой, но по тактике уличного боя никаких руководств не было, а книжки Ро—ля и Северцова явно никуда не годились. Некоторые полезные сведения дало чтение руководства для прапорщиков запаса, но эти сведения не относились к тактике. В этом отношении чрезвычайно полезно было изучение революции 1848 года и истории Парижской Коммуны. Много дала также многотомная книга экономиста Блоха «Будущая война».

По вопросу о взрывчатых веществах и бомбах информация на упомянутом совещании сводилась, в сущности, к одним обещаниям, которые так и остались невыполненными. Те немногие бомбы, которые к моменту восстания были розданы по дружинам, были очень плохого качества.

После этого совещания для меня началась пора кипучей работы с раннего утра до позднего вечера. «Евгений» ввел меня и в оружейную комиссию, в которой, кроме него и меня, работал еще «Иосиф Георгиевич». Деятельность этой комиссии шла, несомненно, по ошибочному пути. В то время легче всего было доставать трехлинейные винтовки и патроны к ним. В московских полках было значительное количество запасных, призванных на русско-японскую войну и еще не распущенных по домам. Они томились по караулам, подры-

вали дисциплину в полках и... понемногу занимались распродажей. Кроме того, бывали предложения винтовок партиями, по нескольку сот штук, но комиссия отказывалась, ввиду упомянутого мною мнения «Евгения» о «неконспиративности» винтовок. Позже, по иронии судьбы, свободно расхаживая с винтовкой, «неконспиративной» винтовкой по улицам Пресни, я не мог без улыбки и без чувства сожаления вспоминать об «Евгении» и о тех предложениях, которые мы упустили. Вместо дешевых винтовок (продавались по нескольку рублей штука), комиссия покупала дорогие браунинги (20 — 25 руб. штука). Правда, свою университетскую дружину я старался вооружать маузерами, и в значительной степени этого достиг, так как университетская организация обладала особыми средствами. Однако винить нельзя ни «Евгения», ни комиссию: легко выносить осуждение, когда знаешь, что было, что вышло, а тогда, в напряженной послеоктябрьской и додекабрьской обстановке, в непрестанной работе трудно было не ошибиться, и ошибки делали все мы—и постоянно.

В эти дни значительно ослабела всякая конспирация. Явочным пунктом боевой организации, вернее, ряда боевых организаций разных партий, было реальное училище Фидлера. У меня явочным пунктом служила студенческая столовая на Малой Бронной, и бывавшая там публика прекрасно знала, что «вот, в том углу, собираются боевики», настолько хорошо, что однажды ко мне пришла оригинальная депутация—от классных дам какого-то института—с просьбой устрашить их свирепую начальницу. К Фидлеру свободно привозилось оружие, там перегружалось и развозилось или разносилось по районам. Даже у меня на квартире, несмотря на сопротивление мое и моих сожителей, хранивших еще воспоминания о старой конспирации, как-то сам собою создался явочно-транспортный пункт.

Я жил в то время в Трубниковском переулке, с Поварской, в старом доме, по нечетной стороне, в доме, которого теперь уже как будто не существует. Мы жили втроем. Моими сожителями были: Петр Иванович Барсов, мой давний друг и товарищ, и наш земляк Даниил Иванович М. Мы снимали под чердаком две комнаты с отдельным ходом и даже с отдельной лестницей. Мы с Петром Ивановичем были большевики, а Даниил Иванович был меньшевик, и, возвращаясь поздно вечером с работы, мы вели бесконечные споры. Один раз даже П. И. был свидетелем нашего спора во сне: сонный Д. И. пробормотал что-то о вхождении во временное правительство, а я тоже во сне стал ему возражать, и дискуссия длилась до тех пор, пока хохот Петра Ивановича не разбудил нас обоих. Д. И. работал в меньшевистском Замоскворецком районе пропагандистом, а П. И.—в большевистском Железнодорожном, тоже пропагандистом. Часто, взглянув на горы большевистской и меньшевистской литературы и на оружие, Петр Иванович весело восклицал: «А ведь влетим мы с этим добром, ребятушки!», и потом добавлял: «Ну, да ничего, сейчас и на каторгу попасть не страшно: будет вооруженное восстание—и там опять свобода!». Бедный, милый Петр Иванович: он погиб от туберкулеза на каторге и до последнего часа сохранял ту же бодрость и жизнерадостность, ту же надежду на победу, до которой он не дожил целых семь лет.

На совещаниях у Фидлера организаторами районов делались очередные доклады о работе. Работа расширялась, но не хватало средств, и нас радовал и удивлял от времени до времени представитель Пресни «Горький» сообщениями о пожертвованиях фабриканта Шмидта на вооружение рабочих своей фабрики. Мы неоднократно задавали «Горькому» вопросы о причинах такого странного поведения фабриканта, и тот всегда об'яснял это заигрыванием с рабочими. Однако мне вскоре пришлось убедиться, что «Горький» ошибался. Однажды ко мне приехал изящно одетый молодой человек и предложил в распоряжение организации большое количество патронов к маузерам и браунингам. Я немедленно поехал с ним к нему на квартиру, и дорогой выяснилось, что это и есть тот самый фабрикант Шмидт. На мой вопрос о причинах своего «антиклассового» певедения, он мне ответил следующее: «Я ведь фабрикант только по имени: мой отец, фактический хозяин фабрики, умер так недавно, что я не успел вступить в управление фабрикой. По взглядам я—социал-демократ-большевик, но в партию не вступаю, так как во мне еще слишком силен ветхий Адам. Мое состояние позволяет мне помогать товарищам в их борьбе, и когда я его отдам и истреблю в себе ветхого Адама, я войду в партию». Эту программу ему удалось выполнить только отчасти. Сейчас же после восстания он был арестован и умер в Бутырской тюрьме, по слухам, от истязаний, которым его подвергали. Свое состояние он, действительно, отдал партии.

Мы неоднократно настаивали на необходимости иметь бомбы, и представитель техники Ц. К. тов. «Чорт» (В. И. Богомолов) на одном из свиданий у Фидлера обещал нам мелинит, но просил подкрепить технику, и «Евгений» перевел в технику организатора Замоскворецкого района «Василия Петровича», поручив район тов. Яловецкому. Точно так же испытывался недостаток и в инструкторах. Мы приглашали неоднократно офицеров из офицерского союза; но потом перестали это делать, после того, как один начал обучать дружинников гимнастике, а другой—строю. Чувствовалась также несогласованность с боевыми организациями других партий, и бывали недоразумения, когда в одном и том же районе наши патрули встречались с эсэровскими. Только к началу декабря удалось добиться учреждения некоторого совещательного органа. Наконец, мы были слабо связаны с военной организацией и имели зачастую совершенно фантастические сведения о положении в войсках московского гарнизона.

Незаметно подходил конец ноября. Настроение становилось все напряженнее. Политика правительства была совершенно ясна. Кадеты правели, а русский либерализм разбился на массу оттенков—от розового до черного—в лице П. П. П. (Партия Правового Порядка). Петроградский Совет Рабочих Депутатов всеобщими забастовками показал, что реакция уже сорганизовалась, и что ее забастовкой не свалишь. По стране прокатывались аграрные волнения и стихийные солдатские бунты. Чувствовалось, что близится пора решительных действий. Начало декабря ознаменовалось волнениями в войсках московского гарнизона. Я уже упоминал о массе запасных и старослужилых солдат, которых правительство задерживало на военной службе. Же-

стокая дисциплина внутри казармы являлась полным противоречием тому, что делалось снаружи. К тому же, и материальное положение солдат было плохое. Поэтому неудивительно, что солдаты-крестьяне, солдаты-рабочие даже без всякой пропаганды часто бывали нашими союзниками, и достаточно бывало ничтожного повода, чтобы вызвать активное выступление воинской части.

Из волнений в московском гарнизоне начала декабря особенно выделяется восстание Ростовского гренадерского полка. В то время как в других полках выступала только та или другая рота, здесь выступил весь полк целиком. Ростовцы арестовали своих офицеров, разобрали оружие, захватили пулеметы и потребовали от революционных партий указаний, что делать дальше. Волнение перекинулось и в другие полки. Одни из них обещали поддержку ростовцам, а другие — наоборот.

Момент был серьезный и ответственный. Для согласования действий партии созвали междупартийное совещание, где помимо представителей Комитетов участвовали и представители военных и боевых организаций. «Иосиф Георгиевич» немедленно созвал и боевых организаторов районов, и мы стали обсуждать положение. Наше общее мнение было, что пришел момент вооруженного восстания, что если мы упустим этот момент, то благоприятное положение вряд ли повторится. Собрание командировало на упомянутое междупартийное совещание «Иосифа Георгиевича» и меня, дав нам наказ самым решительным образом настаивать на восстании. Там мы застали полную неразбериху и полный хаос мнений. Некоторые, в том числе представитель московской группы Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков) «Василий» (Вановский, в следующем году уже большевик и активный работник нашей боевой организации) доказывали, что воинская часть не может ждать несколько дней, что если ее не двинуть в дело сейчас же, то в ней наступит разложение. Другие занимались арифметикой и, подсчитав число штыков в московском гарнизоне, указывали на безнадежность борьбы одного полка против всего гренадерского корпуса. С большим трудом мы с «Иосифом Георгиевичем» добились слова, но нас еле выслушали. В это время пришло новое сообщение, которое отвлекло внимание от Ростовского полка. Один из моих дружинников, студент-казак Чеботарев, имевший постоянные связи в казачьих полках города Москвы, явился с экстренным сообщением: волнения начались и в казачьих полках, при чем одна из сотен 1-го Донского полка, стоявшего в Николаевских казармах, прислала делегатов за «ораторами» и инструкциями. В этих же казармах размещался и один из гренадерских полков, значившийся по данным военной организации сочувствующим. Кто-то из наших оппонентов предложил не без иронии, обращаясь к нам с «Иосифом Георгиевичем»: «Вот, господа любители выводить полки, отправляйтесь в Николаевские казармы». Мы согласились. К нам присоединили еще одного эс-эра, одного меньшевика; в качестве агитатора дали «Станислава» (Вольского), бывшего в то время любимейшим оратором рабочих собраний, и мы, руководимые Чеботаревым и делегатом сотни, отправились. Инструкция нам была дана широкая и неопределенная, вплоть до вывода полков в действие.

Дело было к вечеру. Николаевские казармы находились не близко—на Ходынском поле,—и мы добрались туда уже совсем к ночи. После коротких переговоров дневальный нас пропустил во двор, делегаты пошли за казаками, а мы остались ждать и распределили роли. Первым должен был говорить «Станислав» (Вольский). Как только вызвавшая нас сотня собралась на дворе, он заговорил, но я не узнал блестящего «Станислава». Не знаю, действовала ли на него непривычная обстановка, непривычная аудитория, отсутствовал ли обычный тон взаимного доверия и симпатии, столь необходимый для агитатора, но «Станислав» говорил бледно, вяло, слабо, заикаясь, и на лицах слушателей все более вырисовывалось удивление. Казаки начали мяться и слушали с неохотой, и даже раздавались голоса: «Он все про царя, а когда же про дело?» Дело в том, что «Станислав» забыл обычное правило при агитации среди солдат: начинать с шеврона и кончать царем,—и к этой аудитории обратился прямо с царя, и так на царе и доехал до конца речи, конца бледного и вялого, как вся речь. После него заговорил эс-эр, повидимому, более опытный и лучше знающий эту среду и ее предрассудки. Его слушали с большим вниманием, но вдруг послышался звон копыт по мерзлой земле, и во двор в'ехала другая сотня того же полка, возвращавшаяся с разгона какого-то рабочего митинга. По команде офицера сотня моментально окружила нашу группу, при чем слушавшие нас казаки быстро загородили нас собою. Раздалась команда: «Шашки вон, руби», но казаки не спешили повиноваться, видя перед ссбсй однополчан. «Что это за люди?».—«Да это свои же казаки в вольном».—«Вот погодите, мы сейчас пришлем дежурного офицера посмотреть, что это за казаки». Приехавшая сотня отправилась к казармам, а вызывавшие нас казаки смущенно говорили нам: «Вот что, братцы, удирайте-ка вы, пока целы». В этот момент пришел дежурный офицер, как я узнал впоследствии, есаул Щербаков и сказал нам следующее: «Господа, я вас обязан арестовать, но я сочувствую вам всей душой и прошу немедленно бегом отправиться к трамваю, иначе будет поздно. Все остальное я беру на себя». Мы последовали его совету, а он, действительно, все взял на себя, был арестован и через полгода военным судом приговорен к трем годам крепости.

Мы вернулись назад очень сконфуженными и попали на совещание к шапочному разбору. Не знаю, какое было принято решение, но мы с «Иосифом Георгиевичем» уговорились поехать на следующее утро в Спасские казармы в Ростовский полк: нас охватывало отчаяние при мысли, что благодаря нерешительности организаций придется проводить вооруженное восстание силами наших дружин, слабость которых мы знали лучше, чем кто бы то ни было, и при этом весь московский гарнизон будет против нас. К Спасским казармам мы приехали часов в 11 утра и уже сунулись в ворота, как вдруг нас поразило нечто необычное, происходившее во дворе. Там расхаживали офицеры, перед которыми в струнку вытягивались солдаты. Мы отошли в сторону и старались из разговоров в толпе выяснить, в чем дело. А дело оказалось очень простое и для нас слишком неожиданное: полк, прождав два дня, начал естественно разлагаться. Ночью часть раскаяв-

шихся солдат освободила арестованных офицеров, и одного их появления было достаточно для приведения к покорности всего полка. Полк был потерян, а вместе с этим был потерян для нас и весь московский гарнизон. Трудно было ожидать, чтобы после неудачи ростовцев хоть одна воинская часть в Москве пожелала выступить. К тому же правительство приняло ряд мер, которые еще раз показали, что «слуги реакции не краснобаи». Экономические требования солдат были удовлетворены. Запасные и отслужившие срок были немедленно отпущены. Точно так же были отпущены и вольноопределяющиеся, и наиболее неблагонадежные из солдат. Московский гарнизон был разбит еще до боя.

Вечером того же дня зашел ко мне т. «Валентин» (Перес), член М. К., ответственный пропагандист; мы долго обсуждали положение. Оба мы приходили к мнению, что восстание неизбежно, но что этот момент наиболее для него неблагоприятен. «Валентин» высказал даже, что в данный момент восстание будет чистейшей авантюрой.

Кажется, через день или два после этого состоялась в реальном училище Фидлера та знаменитая конференция Московской большевистской организации, на которой решался вопрос о вооруженном восстании и был решен положительно. Я присутствовал на ней в качестве одного из представителей боевой организации. Помню этот большой зал, наполненный рабочими — представителями заводов, и море рук с белыми бумажками — билетами, поднимающихся при каждом голосовании. Район за районом, завод за заводом давали сообщения о положении дел почти всегда в такой форме: «район такой-то, завод такой-то, рабочих столько-то, все рвутся в бой и готовы выступить по первому указанию М. К., оружия мало, но завод может изготовить то-то и то-то, дайте указания, и мы пустим все станки для изготовления оружия». Диссонансом в это боевое настроение ворвалось сообщение «Евгения» о положении боевой организации: триста пятьдесят дружинников (я не помню, называл ли он цифру, но помню, что малочисленность дружин и наших и других партий была им очерчена вполне определенно), незначительное количество оружия и патронов, отсутствие бомб. Доклад военного организатора тов. «Андрея» не отличался определенностью, и его можно было истолковать так, что восстание будет поддержано некоторой частью московского гарнизона. Очень осторожную речь произнесла тов. «Землячка», тогда секретарь М. К. Она указывала на всю трудность положения, на ответственность решения, но вместе с тем подчеркивала и опасность постепенного уничтожения всех завоеваний революции, если реакция не получит отпор. На указания, на необходимость согласованных действий Москвы и Петербурга представитель Ц. К. т. «Любич» (Самер) отвечал, что Ц. К. примет все меры, чтобы восстание в Москве не осталось изолированным, и что железнодорожный союз не допустит перевозки войск для подавления восстания. Это же было подтверждено и представителями железных дорог. В этой напряженной нагретой атмосфере таял мой скептизм, и когда пришел момент решения, я поднял руку за восстание.

Это было, если не ошибаюсь, вечером 5 декабря. На другой день с утра пришлось мобилизовать боевую дружину: были получены сведения о готовящихся в честь царских именин погромах. Действительно, опять участились нападения: был тяжело ранен тов. Али, начальник Кавказской боевой дружины, было нападение на «Ермила Ивановича» (см. выше), но его отбили его железнодорожники. На каждое нападение этого рода было постановлено отвечать «снятием» полиции во всем районе, и первый опыт этого рода был произведен тов. «Горьким» в районе от Новинского бульвара к Пресне. Мобидизация дружин, начавшаяся в декабре, прошла быстро и успешно. Представители боевых организаций разных партий и союзов, как и в октябрьские дни, поделили город на районы; штаб был устроен у Фидлера, и от каждой дружины для связи по 2 дружинника находились при штабе. На долю университетской дружины выпал район между Мясницкой и Покровкой. Все прошло спокойно. Черная сотня не показывалась нигде.

7 декабря боевые организации с'ехались на утреннее совещание, которое происходило, насколько помню, в Промышленном училище на Миусской площади. Мы все приступили к «Афанасию Ивановичу» с вопросами о положении дел и о планах на будущее. Указали на брожение на окраинах, кустарное самовооружение рабочих, на неминуемость вооруженного восстания, которое разразится вот-вот самоопроизвольно, и на необходимость влить это движение в организационные формы и руководить им. Спрашивали, как, с какими предложениями пойдем мы в районы, какой тактики будем держаться, заключено ли боевое соглашение между партиями, выработан ли какой-нибудь общий план действий, как держаться по отношению к войскам,—словом, задали не в первый раз все накопившиеся у нас вопросы и высказали все свои сомнения. «Афанасий Иванович» ответил только, что, кроме известных нам строевого, технического и оружейного отделов, существует еще тактический отдел под руководством «Евгения», который и разрабатывает все эти вопросы, и результаты разработки будут немедленно сообщены. Нас, конечно, эти раз'яснения удовлетворить не могли: имея дело с низами, мы лучше, чем «Афанасий Иванович» или «Евгений», чувствовали, что близок момент, когда рассуждать и обсуждать будет поздно. В это время приехал «Евгений» и подтвердил, что, действительно, имеется тактическая комиссия, в которой принимает участие один товарищ с гениальными военными способностями, что вечером должно быть заседание М. К., на котором он постарается все выяснить, и призывал нас к дисциплине и терпению. Вместе с тем он дал распоряжение дружинам: университетской, Технического училища и Инженерного училища,—прибыть к вечеру в реальное училище Фидлера и находиться в распоряжении М. К. для выполнения экстренных поручений.

Вечером у Фидлера было заседание М. К. «Иосиф Георгиевич» и я привели туда свои дружины и ждали. Наконец, я вызвал «Евгения», и просил осведомить нас о том, какого рода будет поручение, чтобы мы могли своевременно подготовиться. «Евгений» высказал мысль в высшей степени дельную, и я неоднократно жалел потом, что она не была приведена в исполнение. Он не особенно верил в железнодорожную забастовку (то же самое мне

неоднократно говорил и Петр Иванович Барсов, работавший в Железнодорожном районе) и полагал, что было бы полезно и своевременно начать порчу железных дорог и прежде всего Николаевской и Брестской, чтобы не было неприятных сюрпризов. Мы вполне согласились с этим предложением, но высказали сомнение, что наша порча без взрывчатых веществ будет бесполезна, так как войска, несомненно, будут двигаться, имея при себе железнодорожные батальоны или роты, и кустарная порча будет быстро исправлена. «Евгений» обещал тогда снабдить нас пироксилиновыми шашками, некоторое количество которых было в распоряжении организации. Не знаю, обсуждалось ли предложение «Евгения» в М. К., но ждали мы напрасно, и когда после заседания я встретил т. «Алексея Ивановича» (кажется, врач; в 1906 г. работал в Замоскворецком районе; впоследствии в Париже работал в Пастеровском институте под руководством Мечникова) и задал ему вопрос о железных дорогах, он мне ответил, что он об этом предложении знает, но находит его несвоевременным и до об'явления железнодорожной забастовки даже вредным.

Кажется, утро следующего дня принесло извещение о всеобщей забастовке и вооруженном восстании, подписанное Комитетами партий, союзов и общественных организаций. Помню чувство, с каким я его читал,—чувство облегчения, что, наконец, кризис начинает разрешаться, и вместе с тем огромной ответственности. Я немедленно поехал к Фидлеру, где уже собрались и остальные боевые организаторы, и мы в упор снова поставили «Афанасию Ивановичу» все те же проклятые вопросы. Он ответил только на часть из них. Так, к войскам рекомендовалось относиться с крайней осторожностью и без крайней необходимости в них не стрелять. Что же касается до полиции, то она подлежала безусловно из'ятию везде и при всяких обстоятельствах. Боевое соглашение с другими партиями было заключено, но оно оказалось «свисткового» характера. У каждого начальника дружины и у каждого десятника должна быть сирена, на звуки которой обязаны отзываться дружинники, к какой бы партии они ни принадлежали. Районы действия между партийными организациями не поделены, и боевая дружина каждой партии действует в том районе, откуда набраны дружинники, так что и наша дружина должна разойтись по районам, и каждый отряд должен был взять на себя руководство восстанием в своем районе. Но вопросы тактики все-таки продолжали оставаться неясными. Тактическая комиссия т. «Евгения» рекомендовала, по словам «Афанасия Ивановича», строго партизанскую тактику: разделиться на небольшие группы по 3 — 5 человек, подстерегать войска и их обстреливать, потом скрываться, переходить на другое место, там делать то же самое и т. д. С другой стороны, уже раздавался на улицах призыв, кажется, от московской группы Р. С.-Д. Р. П. (меньшевиков), итти на центральные митинги, т.-е. митинги в центре города на площадях, начиная от линии бульваров. Как будто этот лозунг был сочувственно принят и нашей организацией.

Все три решения—центральные митинги, партизанская тактика и прикрепление дружин к районам — находились в полном противоречии друг

с другом, и ни одно из них не содержало в себе элементов активности. Войну можно вести только наступая, и инициативу нужно было взять сразу в свои руки. Нужно было расстроить сообщения противника, захватить жизненно необходимые здания, пытаться продвинуться в центр города. Вместо этого—распыление по районам своей вооруженной силы, пассивная партизанская тактика и центральные митинги, которые повлекут только расстрел безоружной рабочей толпы. Все эти соображения мы высказали «Афанасию Ивановичу», и он обещал к вечеру дать дополнительные раз'яснения. Вечернее совещание мы назначили уже не в реальном училище Фидлера, которое было признано нами ненадежным. Мы условились встретиться на одной из явочных квартир, кажется, не то на Долгоруковской, не то в Каретном ряду, и раз'ехались по дружинам. Моя дружина, состоявшая из трех десятков, находилась на Малой Бронной в студенческой столовой. Войск не было видно. Встречались лишь небольшие патрули драгун (кажется, Сумского драгунского полка) человека по три. Я разослал также патрули по два человека, рекомендовав им не заходить дальше Тверской, Тверского бульвара, Никитской, Садовой. Разбрасываться на больший участок было невозможно. Часа в три неожиданно пришел «Евгений», крайне расстроенный. Я ему передал все наши сомнения, но он только устало махнул рукой и сказал: «Вы неправы, и, может быть, скоро сами увидите, что неправы». Я возразил ему, что лозунг «вооруженное восстание», под которым сегодня подписались все революционные организиции, нас обязывает делать именно вооруженное восстание. «Бросьте,—ответил он,—вы знаете вооруженные силы и наши и других партий; все они вместе не насчитают тысячи человек, а сколько из них способных сражаться? Я убежден, что и сражаться не придется: у правительства здесь тоже нет никаких сил, и ему не на кого опереться; оно уступит без боя». В этот момент вернулся один из патрулей и сообщил, что на Патриарших прудах полиция устроила засаду и иногда обстреливает проходящих. Я послал десяток ликвидировать это дело, и мы с «Евгением» продолжали беседу. Дружинники очень быстро вернулись с трофеями: несколько наганов и шашек. Из городовых трое было убито, двое обезоружены и отпущены на слово, а остальные разбежались. Наганы были в крови. Я взглянул на «Евгения», и тут только понял, какой Гамлет скрывался в нем под холодной и бесстрастной оболочкой. На меня тоже очень тяжело повлиял вид первой крови, пролитой если не мною, то по моему распоряжению, но я сумел скрыть это ощущение и сейчас же роздал оружие кандидатам в дружинники. «Евгений» встал, простился и уехал, дав обещание на вечернем совещании окончательно выяснить все неясные для нас вопросы.

К вечеру за мной заехал «Иосиф Георгиевич», и мы с ним на извозчике, с трудом найденном, поехали на совещание. Ехали мы Тверским бульваром, и чем ближе под'езжали к Страстной площади, тем больше встречали народу, а на самой площади перед нами открылась незабываемая картина. Освещения не было, кроме костров, привычных всем москвичам в морозные дни. Сама площадь была почти пуста, но Тверская дальше, к Садовой, была за-

пружена огромнейшей толпой, стоявшей густой стеной. Раздавался гул, и смутно виднелись знамена. Напротив толпы, с другой стороны Тверской, по направлению к нынешнему дому Московского Совета, стояла кавалерия, те же сумские драгуны. Сумский полк почему-то в наших кругах пользовался хорошей репутацией, быть может, потому, что расходившиеся после «университетской осады», о которой я рассказывал выше, были охраняемы сумскими драгунами. По данным военной организации, этот полк причислялся к сочувствующим и в худшем случае нейтральным.

Извозчик волей-неволей остановился. Мы стали уговаривать толпу нас пропустить, но никто не двигался с места. Мы уже собрались повернуть обратно, но нам пришли на помощь несколько рослых штатских, поддерживавших порядок в толпе. Один из них подскочил к нам и спросил, куда нам ехать. Мы назвали улицу. «В таком случае, поезжайте по Тверской вниз и дальше по Садовой».—«А мимо Страстного мы не проедем?»—«Не советую: будет опасно, да и там делается то же самое», и с этими словами он и другие по его знаку очистили дорогу нашему извозчику и всем другим проезжавшим мимо. Мы проехали по Тверской, и когда находились на Садовой, вдруг со стороны бульваров послышались залпы и им в ответ треск револьверных выстрелов. «Началось,—сказал мне «Иосиф Георгиевич» и прибавил:—А как вы думаете, кто это помог нам проехать?».—«У меня впечатление, что это переодетый околоточный и переодетые городовые», — ответил я. — «У меня тоже»,—сказал он.

На совещании все были в сборе. Не было только «Евгения» и «Афанасия Ивановича». «Евгений» не пришел совсем, что же касается «Афанасия Ивановича», то он опоздал на час и был страшно взволнован. «Вы знаете,—рассказал он нам,—я ехал на извозчике, но извозчик меня высадил около Страстной площади, и дальше я пошел пешком. На Тверской стояла толпа и против нее драгуны. Я пересек площадь и пошел мимо Страстного. В этот момент раздались револьверные выстрелы, затем залпы, и кругом меня все побежали. На Малой Дмитровке я вынул сирену и засвистал. Ко мне сбежалось около десятка человек, оказавшихся дружинниками. Большинство были эс-эры, а двое были ваши, — обратился он ко мне. — Я пытался с ними пройти на площадь, но толпы уже не было. Тогда я отпустил дружинников и отправился сюда». После этого сообщения были пред'явлены те же запросы и последовали те же ответы, которые никого не удовлетворили. Прения были кратки, резки, грубы и несправедливы. Все, в том числе и я, обрушились на неповинного «Афанасия Ивановича». Дело кончилось тем, что он отказался от дальнейшего руководства нами, и вместо него мы выбрали исполнительное бюро из «Ермила Ивановича», «Иосифа Георгиевича» и меня, а затем разошлись по своим дружинам, поручив «Иосифу Георгиевичу» служить постоянной связью между нами. Однако этому исполнительному бюро не пришлось ни разу заседать: «Иосиф Георгиевич» был через несколько дней тяжело ранен, а «Ермил Иванович» и я имели слишком много прямых обязанностей со своими дружинами, чтобы иметь возможность пытаться осуществлять неосуществимое общее руководство.

Я отправился по Садовой к своей дружине и часть ее встретил раньше, чем ожидал. На углу Триумфальной-Садовой и Тверской толпа строила баррикаду. Это были остатки той толпы, которую я незадолго перед этим видел на Страстной площади. Баррикаду строили как попало—из ворот, столбов, извозчичьих саней. На звук моей сирены прибежало несколько человек, среди которых были и мои дружинники. Их прислал сюда мой помощник. Мы несколько упорядочили постройку баррикады. При этом мне вспоминались советы Северцова делать окопы. Попробовал бы он их создавать за четверть часа, при морозе, из промерзшей мостовой. Врага мы ждали по Тверской, а он явился неожиданно справа, от Аквариума. Не знаю, была ли там засада, или же туда проникли из Ермолаевского переулка, но мы были неожиданно обстреляны. Толпа разбежалась, мы тоже отбежали, попрятались за столбами и наудачу ответили на выстрелы. Все затихло. Лежало несколько тел на снегу. Понемногу толпа начала снова собираться. Мы подошли к Аквариуму. Там уже не было никого. А затем баррикада была обстреляна орудийным огнем, не причинившим нам вреда, так как мы отошли в сторону, но разогнавшим толпу и разметавшим баррикаду. Наступала ночь. Делать здесь было больше нечего, и мы вернулись на место стоянки дружины.

Утро открылось стрельбою, доносившеюся со всех сторон. Разведка выяснила, что баррикады у Аквариума за ночь были разобраны, и собравшаяся с утра толпа продвинулась до Страстной. Манеж был занят войсками, и по Моховой было прекращено движение. Вверх по Тверской от Страстной площади были драгуны, пехота и артиллерия. Устья всех переулков от Тверской к Никитской были заняты пехотой, которая не пропускала отдельных лиц, а группы обстреливала. Я сделал попытку с десятком пробраться через Брюсовский переулок, который перед Тверской делает изгиб и дает возможность незаметно подойти. Мы обстреляли солдат, которые в свою очередь подвергли длительному обстрелу переулок. Продвинуться дальше не было возможности. Здесь впервые для меня обнаружилось преимущество трехлинейной винтовки перед нашими браунингами. Наши пули им не делали вреда, тогда как какой-то мирный прохожий, упрямо сунувшийся за угол, сразу был убит.

Это место пришлось оставить как безнадежное, тем более, что угрожала опасность с тыла, из Малого Чернышевского переулка. Мы вернулись на Большую Никитскую, прошли на Малую Бронную и по Большой Бронной отправились к Страстной площади. Там снова была толпа, не такая густая, как накануне, но еще более возбужденная. Войск не было. Шла постройка баррикады, пересекавшей Тверскую. Мы разместились за прикрытиями и стали ждать. Раздался мерный топот, и на площадь вылетел эскадрон драгун. Они быстро спешились и по команде дали несколько залпов вниз по Тверской и по Тверскому бульвару. Мы обстреляли их, но без особенного вреда: остался один раненый. Эскадрон ускакал вверх по Тверской, и оттуда была открыта стрельба. Одновременно с этим и неожиданно для нас заговорила колокольня Страстного монастыря, при чем первыми выстрелами был убит студент-медик

Богословский, подававший помощь раненому. Осуществлялся приказ адмирала Дубасова—стрелять по революционному Красному Кресту. Из толпы было несколько убитых, а на Тверском бульваре был убит случайный прохожий-старик. Помню, как его осматривал мой дружинник-медик. Морозный воздух рвал пули, а в голове звучали слова: «семя грядущего сеем». Толпа разбежалась, начатая постройка баррикады остановилась. Опять пришлось пожалеть о более тяжелом оружии. Браунинги были бесполезны. Вернувшись на Малую Бронную, я узнал, что другой десяток, поместившись у церкви, на углу Б. Козихинского и Садовой, обстрелял из маузеров скакавший от Аквариума эскадрон драгун и заставил их повернуть обратно. Вербовочный пункт в студенческой столовой принял около двух десятков новых членов дружины, но по большей части безоружных. Было отмечено не особенно дружелюбное отношение к дружинникам жителей этого района, и было ощущение, что мы здесь находимся в пустоте. Я созвал начальников десятков, и мы стали обсуждать вопрос,—что делать дальше? Для нас была необходимость укрепиться в районе, но для этого не хватало сил. Нужно было, имея пятьдесят—шестьдесят человек, из коих часть невооруженная, удерживать переулки, выходящие на Тверскую и на Тверской бульвар, т.-е. не менее шести, и при этом еще иметь охранения с других флангов. Не знаю, как разрешили бы мы эту задачу, но разрешать ее пришлось не нам. Прибыл товарищ Яловецкий, пробиравшийся к себе в Замоскворечье, и принес неожиданное распоряжение мне с дружиной передвинуться в Симонову слободу, чтобы подкрепить Замоскворечье и вместе с тем попытаться войти в сношения с Крутицкими казармами, где стояли расположенные к нам, по сведениям военной организации, полки. «Там,—сказал Яловецкий,—вы будете иметь прочную опору среди исключительно рабочего населения Симоновой слободы». Эта переброска на другой конец Москвы не особенно улыбалась нам всем, и часть дружины осталась на М. Бронной. Порядок переброски был такой: сборным пунктом было назначено Алексеевское училище, или на Николо-Ямской, или на Алексеевской. Каждый дружинник должен был добраться туда в одиночном порядке к шести часам вечера. Оттуда мы все вместе должны были итти в Симоново.

Придя в Алексеевское училище к шести часам, я уже нашел в сборе большинство дружинников. Там же ожидали меня «Евгений» и «Ермил Иванович», с интересом распрашивавшие меня о том, что делается в городе, и, в свою очередь, осведомившие меня о разгроме эс-эровской боевой дружины в реальном училище Фидлера. Дело происходило так: несмотря на общее мнение о ненадежности этого места, боевая дружина эс-эров собралась там и, повидимому, собиралась захватить почтамт, но выходы на Чистопрудный бульвар оказались заняты пехотой, а на углу Машкова переулка с Лобковским стояли два орудия. Офицер, командовавший отрядом, предложил сдаться, но, получив ответ, что «боевая дружина партии с.-р. умирает, но не сдается», открыл артиллерийский огонь, после которого находившиеся в реальном училище Фидлера сдались. Вероятно, части дружины удалось выбраться. Среди захваченных находился и известный впоследствии по фронту Учредительного Собрания эс-эр Б. К. Фортунатов, расстрелянный Колчаком.

Разгром эс-эровской дружины был большим ударом: она была многочисленна и хорошо вооружена. Буржуазия, относясь с подозрением к нам, охотно жертвовала на вооружение эс-эрам.

Мне хотелось бы, чтобы мое описание осады Фидлера не было понято как упрек в недостатке мужества эс-эрам. Боевые дружины того времени, набранные из неопытных и необстрелянных людей, находящиеся под командой неопытных начальников, обладали всеми достоинствами и недостатками добровольческих частей: иногда проявляли удивительный героизм, иногда неожиданно впадали в панику. Это бывало решительно со всеми действовавшими тогда дружинами. Дело не в том, чтобы не бежать, а в том, чтобы суметь вовремя вернуться и возобновить нападение. Через неделю на Пресне я встретился с эс-эрами, и среди них были удивительные по мужеству люди, как, например, «Медведь», повешенный впоследствии по делу о Фонарном переулке, или «Володя» (Мазурин), первая жертва военно-полевых судов в Москве.

«Евгений» и «Ермил Иванович» увели меня на совещание, происходившее в каком-то доме в каком-то из Коломенских переулков. Кроме нас троих, там присутствовало еще двое неизвестных мне товарищей. Речь шла вот о чем: где-то на путях Московско-Курской ж. д. стоял вагон с пулеметами и патронами к ним, под охраной взвода солдат Ростовского полка с одним офицером. «Ермил Иванович» предложил напасть с силами своей железнодорожной дружины на этот вагон, но просил меня обеспечить ему тыл и отвлечь от него внимание нападением на взвод солдат, охранявший участок на Николо-Ямской. Я согласился, но указал на ранее данное мне задание — итти в Симоново. «Прекрасно,—сказал «Евгений»,—вы и идите в Симоново, только сделайте по дороге то, о чем вас просит «Ермил Иванович».

Я вернулся в училище часам к восьми. Дружину я застал в большом возбуждении. Меня окружили и самым резким образом требовали отмены путешествия в Симоново. «Какой смысл нам итти туда? Все мы живем в Центральном районе, там у нас все связи, там у нас налаживалось дело. Вместо этого мы только перемещаемся». Особенно волновался и возбуждал других уже пожилой дружинник восточного типа, недавно приехавший из Туркестана. Я сам разделял все опасения дружины, но, будучи связан организационной дисциплиной, постарался успокоить дружину сначала уговорами, а потом твердостью. Я предложил желающим уйти, но сказал, что у них отбирается оружие, а об их недисциплинированном поведении будет сообщено во все партийные организации. Это подействовало; желающих уйти не оказалось. Только упомянутый дружинник волновался и требовал, чтобы каждый шаг дружины обсуждался всей дружиной. «В конце концов нас всех перебьют случайные пули»,—говорил он. На это я ответил, что все операции обсуждаются мною совместно с десятниками и что время митингования кончилось. После этого мы двинулись. Этого дружинника я поместил ближе к себе, чтобы за ним наблюдать.

На небольшой площади перед участком на Николо-Ямской было темно, и виднелись группы солдат. Мы осторожно заняли позиции и начали обстрел.

В ответ раздались залпы, и в этот момент голос этого дружинника произнес: «Спасайся, кто может». Сам он упал убитым, но началась паника, остановить которую мне удалось не скоро. Среди солдат, повидимому, тоже была паника. Они спаслись в здании участка. Мало-по-малу я собрал дружинников и подсчитал потери. Они выражались одним убитым и одним пропавшим студентом Калашниковым, который, как потом оказалось, был ранен, лежал без чувств и был подобран солдатами.

После этого, руководимые проводником-рабочим, которого нам дал Яловецкий, мы направились в Симоново. Не знаю, что помешало «Ермилу Ивановичу», но впоследствии офицер-ростовец, командовавший взводом, охранявшим вагон с пулеметами, говорил мне, что они ждали нападения и заранее приняли решение не сопротивляться, однако, никто к ним не приходил; «Ермила Ивановича» же я с тех пор не видал. Кажется, он в 1909 или 1910 году умер в Петрограде.

Рабочий-проводник заблудился в неосвещенных переулках и вместо Симонова вывел нас к Рогожскому кладбищу, потом мы очутились за городом и, проплутав целую ночь среди железнодорожных насыпей, кустарников, рвов и т. д., только к утру, озябшие и истомленные, пришли в Симоново.

Дружина нуждалась в отдыхе, и отдых ей пришлось дать. Разместились мы в столовой на заводе Бари. Немного поспав, я пошел знакомиться с положением дел. Оказалось, что власти исчезли уже несколько дней. Симоновым правил Рабочий Совет, в котором преобладали большевики. Оружия было мало, и патрули, рассылавшиеся для охраны порядка Советом, были вооружены пиками. Солдаты в Крутицких казармах не имели никакого желания поддержать рабочих. С другим берегом Москвы — Замоскворечьем — связь была слабая, так как у Симоновского моста на Дербеневской набережной в помещении какой-то фабрики стояли драгуны и мешали сообщениям. В Замоскворечьи шла стрельба, и от времени до времени слышались пушечные выстрелы. Более глухо звуки перестрелки доносились и из города.

Я отправился выяснять возможность выполнения задания. Прежде всего пошел к Крутицким казармам. Солдаты не желали выступать никак и даже отказывались слушать ораторов. Во двор нас не пустили и угрожали стрелять. Чувствовалось, что здесь настроение безнадежно пассивное. Оттуда я направился к пороховым погребам. Команда там была немногочисленная, но, повидимому, стойкая. Она тоже отказалась вступать в переговоры, а предпринять что-либо было невозможно ввиду опасности от взрыва. Опасения дружины оправдывались. Симоново было дырой, в которой можно было спокойно, но без всякого толка, просидеть все восстание. Выяснив это, я с пятком дружинников отправился на Москва-реку посмотреть, где удобнее всего можно перебраться в Замоскворечье. Пользуясь прикрытием барж, мы подошли к Симоновскому мосту, но сейчас же были обстреляны. Укрываясь за баржами, я по пояс провалился в прорубь, но был вытащен дружинниками. Было уже совсем темно, когда мы вернулись обратно. Я проклинал в душе «Евгения», Яловецкого, «Афанасия Ивановича», и прежде всего проклинал свою дисциплинированность, из-за которой мы потеряли два дня боевой деятельности.

В столовой завода Бари я нашел дожидавшегося меня тов. «Станислава» (Вольского). Он был в состоянии полной прострации. «Все погибло,—говорил он,—войска нас не поддержали, получается полный разгром всех наших сил. Нас постепенно оттесняют к окраинам, а там пролетариат невооружен и беззащитен. И я виновник этого разгрома». Я прервал его и спросил, что же делать нашей дружине, чтобы наши силы не пропали даром? Он подумал и сказал: «Знаете, идите на Пресню. Это единственное место, где дела идут хорошо. Там командует Седой. Замоскворечье ближе, но там уже делать нечего». После беседы со «Станиславом», я обсушился перед огоньком и вызвал десятников на совещание. Мы решили, ввиду позднего времени, переночевать в Симонове и затем поодиночке перебраться через Замоскворечье в Хамовники, назначив сборным пунктом студенческое общежитие на Малой Царицынской, а оттуда уже итти на Пресню.

Ночь была неспокойная из-за одного дружинника, который сошел с ума. Он разбудил меня следующим экстренным сообщением: «Дверь повалена, и на нее уложен часовой». Я вскочил, думая, что на нас напали, но дело оказалось гораздо проще. Все скамейки были заняты спящими, и дежурный десятник, отыскивая место, где мог бы лечь отдежуривший часовой, снял кухонную дверь и использовал ее как ложе. Я поместил больного в заводскую амбулаторию под надзор одного из товарищей и снова лег.

Рано утром мы встали и пустились в путь попарно. Моим спутником был Федор Иванович Тимахович, мой земляк, студент-филолог, веселый и беспутный малый, но смелый и преданный организации человек. Впоследствии он погиб на австро-германском фронте. Мы с ним спокойно перешли через Симоновский мост, почему-то на этот раз никем не охранявшийся, направились Жуковым проездом и попали на Щипок. Здесь мы зашли к Серафиме Ивановне Надеиной в Александровскую больницу. Работая в больнице как фельдшерица, она вместе с тем вела пропаганду в Железнодорожном районе, и у нее мы надеялись узнать новости. Однако новостей не было. Она была всецело поглощена ранеными, которых было довольно много в больнице, и даже одна раненая дружинница лежала у нее на квартире, в маленьком подвальчике. Там же мы застали и моего бывшего дружинника Бориса Сергеевича Кустова. Кустов был моим товарищем по факультету и по курсу, а также по партийной работе. Последние месяцы он работал в партийной нелегальной типографии, находившейся где-то около Пресни, кажется, в Б. Конюшенном переулке. Он рвался в бой и с самого начала записался в дружину, но,—увы!—перед восстанием М. К. решил, что все технические работники должны оставаться на местах, не вступая в дружины и не вмешиваясь в военные действия. Он негодовал на это, вполне целесообразное запрещение, но был принужден подчиниться. К Серафиме Ивановне он зашел, чтобы узнать, где мы и что с нами, и теперь с завистью нас расспрашивал и все повторял: «Вот вы в действии, в огне, а я все жирею: за неделю прибавился на полпуда». Каково же было мое удивление, когда через несколько недель после восстания я узнал, что Борис Сергеевич был расстрелян семеновцами на Пресне, где я его не видал между дружинниками. По тогдашним сведениям дело рисовалось так:

во время разгрома Пресни семеновцами, в типографии были получены сведения о возможности провала; работавшие в ней поторопились эвакуировать типографию, что в тот момент было сопряжено с огромными затруднениями, а потом стали расходиться. И вот Борис Сергеевич, по близорукости, пошел по другому направлению и не заметил патруля семеновцев. Его арестовали, привели к Горбатому мосту, нашли в кармане печатную рабочую марсельезу, а под штатским пальто студенческую тужурку. Этого было достаточно для расстрела. Говорят, он перед смертью оказал отчаянное сопротивление. По крайней мере, солдат, выдававший родным его пробитое девятью пулями тело, говорил им: «Вот этот попортил многих наших». Мир праху твоему, честный товарищ! Но в тот момент, когда мы с ним разговаривали, он жаловался на спокойную жизнь, а мы не умели прочесть гиппократовых черт на лице его

Из Александровской больницы мы прошли на Серпуховскую. Серпуховская была занята солдатами, расставленными почти у каждого дома. Они обыскивали редких прохожих. Нечего сказать, в хорошем положении мы были, я с браунингом в кармане, а Федор Иванович с винчестером под пальто. Тем не менее, отступать было некуда. Приходилось итти вперед. Не знаю, помогал ли тут вид веселого шалопая Федора Ивановича, но мы благополучно прошли кусок Серпуховской, свернули в Арсеньевский, прошли Шаболовку, Камер-Коллежский вал и очутились на Москва-реке. Беспрепятственно мы перешли ее по льду и еще через четверть часа были уже в общежитии. Мало-по-малу сошлись и все остальные, и дружина была в сборе. Здесь же был и мой сожитель Петр Иванович, которого я не видал больше недели. Он работал среди железнодорожников как пропагандист, потом как агитатор, проводил железнодорожную забастовку, а потом взялся за оружие и оберегал вокзалы. И вот с ним случилось неприятное обстоятельство: он утратил свой браунинг. Он был послан разыскивать М. К., натолкнулся на патруль, который остановил его и стал опрашивать, куда он идет. Он, находясь далеко от дома, сказал, что ему нужен сапожник. «Зачем?» — «Оторвалась подошва». Действительно, подошва была в оторванном виде, а в доме, куда он направлялся, случайно оказался сапожник. «Ну, ладно, иди пришивай подошву, — ответили ему солдаты, — а мы тебя подождем». Делать нечего, Петр Иванович пошел к сапожнику, и пока тот пришивал подошву, он пошел в уборную и там спровадил опасный браунинг. Вышел, расплатился, надел сапоги, а солдаты вовсе и не думали его ждать, так что браунинг погиб напрасно. Мы утешили его, что все равно он со-слепу налетел бы на другой более умный патруль, который его обыскал бы, и дали ему новый браунинг.

Вслед за тем, я с Федором Ивановичем поехал в город разыскивать организацию и собирать сведения, поручив В. П. Зачинщикову ознакомиться с положением в Хамовническом районе и, если понадобится, применить дружину. Я заехал прежде всего на Б. Никитскую к С. С. Чижевскому, но там узнал о ранении «Иосифа Георгиевича» при следующих обстоятельствах. Его задержал патруль в каком-то из переулков между Никитской и Тверской. Солдаты были пьяны. При нем было два револьвера: браунинг в одном кармане и вельдог—в другом. Найдя вельдог, они закричали: «А, сволочь,

вот тебе твоя пуля»,—и, приставив вельдог к сердцу, спустили курок, но он успел дернуться и пуля миновала сердце; рана, однако, была очень тяжелая, и его без сознания подобрали санитары Револ. Кр. Креста. Затем мне показали тактическую инструкцию, выпущенную от имени Боевой Организации Р. С.-Д. Р. П., в которой повторялись те же рецепты партизанской войны, с которыми мы боролись в свое время. Далее я отправился на Арбат, где надеялся через посредство художника С. В. Иванова, постоянно оказывавшего нам большие услуги, найти члена М. К. «Павла Ивановича» (Первухина)— тщетная надежда. До «Колокола» (контора издательства на Моховой), где можно было найти «дядю Мишу» (М. А. Михайлова), тоже не удалось добраться. Мы отправились в Замоскворечье — тоже без результата, и, наконец, часов в 5 — 6 вечера на извозчике, взятом от Серпуховской площади, поехали в Хамовники, настойчиво рекомендуя извозчику не ехать мимо Хамовнических казарм, чтобы не потерять ни седоков, ни платы. «Не беспокойтесь, господа хорошие, я уж знаю, где ехать: с патрулями дело иметь тоже никому не охота». Едем. И вот мой спутник, вообще никогда не отличавшийся конспиративностью, вдруг начинает обсуждать детали событий, в которых нам приходилось принимать участие. «Бомб, вот чего нам не хватало». Я прерываю его и говорю: «Муку-то нужно продавать скорее, а то дороги пойдут, привоз будет, и цены упадут». Едем дальше, под'езжаем к Крымскому мосту. Опять Федора Ивановича тянет за язык: «И о чем это думала организация...» «Да,—отвечаю я ему, муку-то продашь, а дороги-то не пойдут, вот тут и погадай». Заворачиваем в переулок, и тут опять Федор Иванович заговаривает: «А что мы будем делать с нашими...», как вдруг раздается окрик «стой», и извозчика окружают солдаты: он все-таки ухитрился наехать на казармы. «Стой», что за люди?» Что делать? Выручай, мука! «Да мы с Серпуховской по мучной части, а это приказчик мой будет».—«А чего вас в эту пору носит?»—«Да как же, днем дело, а здесь в клиниках жена больная». «Ну, слезай, обыскивать будем». Но здесь извозчик, боясь потерять седоков и убежденный моими мучными речами, вдруг вступился: «Да что вы, солдатики, я их знаю, они на Серпуховской мукой торгуют». «Дело стало быть, имеете», совсем уже дружелюбным тоном обратился ко мне унтер, и нас без затруднений пропустили и даже показали, где проехать, чтобы избегнуть следующих патрулей. Приехав на М. Царицынскую, я узнал, что дружина не сидела без дела, но дела было немного, и оно было странное. На М. Царицынской была выстроена баррикада. Ожидалось нападение на баррикаду со стороны Девичьего Поля, и дружина, естественно, разместилась «по ту сторону баррикады». И вдруг, оглянувшись назад, В. П. Зачинщиков увидал, что с другого конца М. Царицынской движется рота несвижцев. Он не успел ничего сказать, ничего скомандовать, как солдаты дали залп, после которого все дружинники попадали. К удивлению В. П., ни один не был ни убит, ни ранен: к еще большему его удивлению, несвижцы не развивали успеха и ретировались. После их ухода был забаррикадирован и другой конец М. Царицынской, чтобы не было неожиданностей. Ночью противник проявил некоторую активность. Дежурные дружинники заметили, что не-

сколько десятков человек осторожно пробираются к баррикаде и начинают ее разбирать. После небольшой перестрелки нападавшие отступили и больше не возвращались. Следующий день прошел спокойно, но было ясно, что в этом районе делать нечего, и пребывание в нем имело смысл только в качестве законного отдыха для дружины. На утро на третий день мы, обсудив положение, решили, что один десяток постарается пройти на Малую Бронную, которая еще оказывала сопротивление, а другой десяток со мною направится на Пресню. И к вечеру этого дня мы были уже на Пресне.

Совершенно своеобразное впечатление производила эта, отрезанная от мира Пресненская республика. Окруженная баррикадами,—не теми грозными баррикадами, которые описаны у Виктора Гюго в романе «Несчастные», а скромными деревянными баррикадами,—она являлась последним оплотом восстания. Управлял ею Совет с участием представителей партий, при чем от М. К. туда входил тов. «Леший» (Доссэр). Вооруженными силами командовал т. Седой, ранее широко известный рабочей Москве лишь как агитатор. Это командование он, впрочем, разделял с «Медведем», представителем эс-эров. Там же находилась и Евгения Ратнер, та самая, которая судилась по делу правых эс-эров. Из известных мне лиц назову еще тов. «Горького», который был там со своими шмидтовцами. С ним мы давно не видались, и он очень мне обрадовался. Мои сожители, Петр Иванович и меньшевик Даниил Иванович М., тоже были там. Наслушавшись разговоров о силе пресненских дружин, я был очень удивлен, когда, придя в столовую при Прохоровской мануфактуре, увидел там не больше ста—ста пятидесяти человек, вооруженных самым сборным оружием. Ночь с 15 на 16 декабря прошла более или менее спокойно. Утром принесли очень неприятные вести: было вполне ликвидировано восстание почти везде; сопротивлялся еще Миусский парк, где распоряжался энергичный большевик, инженер М. П. Виноградов. Из Петрограда прибыли войска. Более того. Эти войска уже продвигались к Пресне. День прошел в незначительных перестрелках, при чем особенное озлобление в нас вызывала колокольня Кудринской церкви, откуда какие-то любители стреляли в нас на выбор, когда мы ходили по улицам или проходили по дворам. Попаданий, насколько помню, не было, но все-таки это раздражало. Я обменял свой браунинг на винтовку и без результата выпустил несколько пуль в колокольню.

Наступал вечер. Проходившие приносили известия о том, что семеновцы уже стоят на Кудринской площади. Несколько раз по Верхне-Прудовой проскакали казаки, тогда как накануне, когда мы проходили на Пресню, мы решительно никого не видали. Вечером я отправился с двумя дружинниками на разведку за Пресненскую заставу к Камер-Коллежскому валу. Сумрачно выглядывало из мрака сгоревшее здание у заставы. Людей не было. Тревожно лаяли собаки, и лай их, начавшись издали, распространялся и подхватывался другими и слышался все ближе и ближе. «Слышите—окружают», сказал мне один из дружинников. «Почему вы знаете?»—«А по лаю— собака зря лаять не станет. А может, просто верхним чутьем чувствую». К ночи мы вернулись обратно.

Едва я напился чаю, как пришел «Горький» и позвал меня на совещание. На совещании были, кроме нас с «Горьким», представители пресненских рабочих, представители партий и начальники дружин. Началось заседание информационным докладом, который сводился к тому, что теперь Пресня является единственным очагом восстания и что завтра, повидимому, предстоит решительный натиск. Кто-то поставил вопрос, имеет ли смысл продолжать сопротивление и не проще ли всем разойтись, не подставляя рабочее население Пресни под удар. На это было отвечено, что слишком поздно — Пресня окружена (таким образом, дружинник был прав), и бой неизбежен. Стали выяснять рессурсы, оказалось, главная бедность в патронах, при чем благодаря разнородности оружия вопрос этот особенно трудно разрешим. Кто-то заговорил о необходимости укрыть особенно скомпрометированных лиц. На это возразил «Медведь», что есть люди с особыми приметами, например, он сам (маленькая плешь сбоку) или Седой, и с великолепной беспечностью прибавил, что это — последний вопрос, о котором следует думать. В окончательном итоге было принято решение, если позволят обстоятельства, с завтрашнего дня начать эвакуацию Пресни. Затем зашла речь о пленных и о том, что делать с ними. Решено было немедленно допросить их, чтобы выяснить, кого из пленных можно завтра отпустить. Затем заседание закрылось. Я пошел взглянуть на пленных. Они помещались в одной из комнат казармы для рабочих. Помню, когда открылась дверь, на меня метнулся взгляд одного из заключенных, взгляд, в котором я почувствовал всю предсмертную тоску человеческого существа, не знающего, что ему приносит эта открывающаяся дверь. Среди заключенных был корреспондент какой-то французской газеты, арестованный дружинниками за попытку фотографировать баррикады. Комиссия опрашивала пленных с полной благожелательностью, и в отношении к ним не было никакой предвзятой жестокости.

Немного погодя Седой послал меня, Мазурина и еще одного дружинника к баррикаде у Пресненского моста. Мы пришли туда, сменили и стали прислушиваться. Все было спокойно. Город спал. Изредка вдали раздавались одиночные выстрелы. Мы присели на ступеньках какого-то дома. Мазурин взглянул на дом и сказал: «А знаете, ведь в этом доме сейчас лежит тело расстрелянного Войлошникова». Затем он рассказал, как происходил этот расстрел. Войлошников был начальником московской сыскной полиции и проживал в районе Пресни. Как только его обнаружили, его привели, назначили суд. Суд приговорил его к смертной казни. Войлошников спокойно выслушал приговор и попросил разрешения проститься с семьей. Это было ему позволено, а затем он был расстрелян. Все время он держал себя с большим мужеством и достоинством. Таков был рассказ Мазурина. Я выразил сомнение в целесообразности расстрела человека, который никакого отношения к политическим делам не имел, а был специалистом по ловле уголовных преступников. Мазурин стал горячо доказывать мне, что сыскная полиция работает рука об руку с охранкой, и что у Войлошникова при обыске были найдены компрометирующие в этом отношении документы. Не знаю, прав ли он был, но мне пришлось год спустя выслушать другую сторону в этом деле.

Я ехал по партийным делам в Петроград, и моей соседкой в купэ оказалась свояченица Войлошникова, которая жила с ним и с его семьей. И вот она рассказывала своим спутникам об аресте Войлошникова, об его прощании с семьей, и уверяла, что компрометирующие Войлошникова документы были просто списком разыскиваемых уголовных преступников.

В этих разговорах прошла наша смена, и мы отправились спать. Улегся я на скамье в столовой и сейчас заснул. Проснулся я от поталкивания в бок. Смотрю, стоит около скамьи Седой и говорит: «Пора! Глотните стакан чаю, возьмите пяток и отправляйтесь к Пресненскому мосту! Там уже есть пять дружинников, но нужно подкрепление». Я взял свою винтовку с пятью патронами. Ко мне присоединились Петр Иванович Барсов, П. А. Михайлов и еще двое неизвестных дружинников, и мы отправились. Светало. Над головой был потолок из пуль, которые с пением пролетали по разным направлениям. Мы вышли на Среднюю Пресню, а оттуда дворами и около заборов, чтобы избегнуть внимания колокольни, пробрались к пресненским баням и к баррикаде у Пресненского моста. Тех пяти, которые нуждались в нашем подкреплении, не было. Разыскивая их, мы по одиночке перебежали на другую сторону Большой Пресни, но и там никого не было. Никого не было и в Волковом переулке. А пули летели над нашими головами и пели. Баррикада стояла на месте и мешала нам видеть, тогда как нас видели с колокольни. Нужно было все-таки отыскать противника, который держался вдали и был для нас недосягаем. Особенную досаду испытывал Петр Иванович со своим браунингом. Я ему посоветовал итти обратно в столовую. «Почему?» — «А какой толк из твоего браунинга?» — «А какой толк из твоих пяти пуль?» Возражение было правильное. Мы разбрелись в поисках мест, откуда противник был бы досягаем, и, кажется, в течение нескольких минут истратили свой небольшой запас патронов. Наше оружие превратилось в палки, и делать больше было нечего, тем более, что противник ограничивался обстрелом, не двигаясь ни на один шаг дальше. Мы покинули бесполезные и не нуждавшиеся больше в нас баррикады и вернулись в столовую. Туда же постепенно возвращались и все другие. Нам было рекомендовано стараться в одиночку выбираться с Пресни.

Мы уговорились с Петром Ивановичем искать временного приюта на университетской обсерватории. Он ушел; я несколько задержался. К сожалению, вышла ошибка. Я считал обсерваторией дом с вышкой в конце Средней Пресни. На месте недоразумение выяснилось, но семья рабочего, жившего в подвальчике, так мило предложила мне скрывать меня, пока можно будет выбраться, что я остался. Из верхнего этажа, пустовавшего по случаю выезда жильцов, были очень хорошо видны Пресненские пруды и оба моста — Пресненский и Горбатый. По Верхне-Прудовой располагались войска. На Горбатом мосту ставилась артиллерия и подготовлялся последний акт — расправа с безоружным врагом. Вскоре заговорили пушки, и бомбардировка беззащитной Прохоровской мануфактуры продолжалась до вечера. Изредка с Нижне-Прудовой доносились одиночные выстрелы, последние выстрелы шмидтовских дружинников, на которые войска отвечали бе-

шенными залпами. Но страх перед безоружной Пресней был так силен, что войска не двигались с места к баррикадам, которых некому и нечем было защищать. Вскоре начались пожары на Нижне-Прудовой, и зарево пожара то затихая, то разгораясь, освещало грохотавшие пушки и молчаливо двигавшуюся прислугу. С наступлением ночи орудийный огонь прекратился, но ружейная перестрелка продолжалась всю ночь.

Утром мой хозяин пошел на разведку и принес известие, что через Горбатый мост выпускают с Пресни публику. Хотя мои хозяева и предлагали укрывать меня дальше, но я предпочел не отсиживаться, а пробраться домой. Сердечно простился я с давшими мне приют людьми, спустился на Нижне-Прудовую и пошел к Горбатому мосту. Меня обогнало несколько извозчиков, и на одном из них ехал мой товарищ и дружинник П. А. Михайлов. Мои хозяева мне тоже рекомендовали взять извозчика, говоря, что на извозчике легче пропускают, но я отказался. У Горбатого моста стояла огромная толпа желавших пройти. Ей перегораживали путь два ряда солдат: один у Нижне-Прудового конца моста, другой у Верхне-Прудового. За вторым рядом на возвышении размещались офицеры, наблюдавшие за всей операцией и вместе с тем решавшие дела заподозренных. Порядок выхода был такой: каждый, желавший пройти, опрашивался кем-либо из солдат первого ряда и затем с поднятыми вверх руками перебегал ко второму ряду, где его обыскивали и затем пропускали или задерживали. Сцены были раздирающие. Стояли в очереди старик и старуха, повидимому, муж и жена. Жену пропустили, а мужа задержали, задержали потому, что какой-то штатский что-то шепнул одному из офицеров. Несчастная женщина валялась в ногах и у солдат и у офицеров. Все было тщетно. Был и такой случай. Человек, прошедший сквозь сито и уже отпущенный, вдруг бросился бежать, вероятно, растерялся от всех пережитых ощущений. По знаку офицера, за ним бросился солдат и всадил ему в спину штык. Тело продолжало лежать.

Наконец, очередь дошла и до меня. Мои об'яснения сразу показались подозрительными опрашивавшему солдату, и он поместил меня в особую группу. Не знаю, долго ли я стоял в ней, но момент был жуткий. Вдруг я почувствовал устремленный на меня взгляд. Смотрел один из солдат другого ряда, и во взгляде его чувствовался молчаливый призыв. Я, не отдавая себе отчета, поднял руки вверх и перебежал расстояние между рядами, направившись прямо к этому солдату. Он велел мне расстегнуть пальто, слегка похлопал по бокам, громко сказал: «Ничего нет. Идите, — и тихо прибавил,— Не торопитесь». Я тихо пошел, прошел Б. Девятинский, пересек Новинский бульвар и проходным церковным двором вышел прямо к своей квартире, где не был уже две недели. Петр Иванович и Даниил Иванович были дома. Даниил Иванович прошел кружным путем через М. Грузинскую и Владимиро-Долгоруковскую. Петр Иванович, действительно, нашел приют на обсерватории у астрономов С. Н. Блажко и С. А. Казакова, провел там ночь, а утром без затруднений прошел через Горбатый мост, при чем обыскивавший его солдат взглянул ему в глаза и сказал: «Может быть, ты стрелял

в нас, ну, да бог с тобой, иди». Неблагополучно было с И. А. Михайловым. Его погубила кожаная куртка, под которой была студенческая тужурка. Он был расстрелян. Хотелось бы сказать о нем несколько слов. Он был сын артистки и учительницы пения Михайловой. На нашем курсе он считался одним из самых способных студентов, и действительно, обнаруживал редкие дарования и большую разносторонность. Политически он был настроен право, и в то время как я был лидером левой части нашего курса, он был лидером правой, академической части. Но осенью 1905 года в нем начался поворот. Он прочел Маркса, увлекся научной красотой и внутренней логикой его построений, некоторое время уверял меня, что мы делаем из верных посылок неправильные выводы, потом вдруг вступил в партию, и то короткое время, которое ему пришлось работать, был одним из активнейших пропагандистов и во время восстания — дисциплинированным и смелым дружинником.

Из наших окон в Трубниковском переулке была видна Пресня, и когда наступила ночь, она вся осветилась заревом пожара. Залпы не прекращались до поздней ночи. Мы не могли понять, что́ там происходит и в кого стреляют семеновцы. Позже нам стало ясно, что это было торжество победителей, мстивших безоружным пресненским рабочим за пережитые во время восстания страхи.

Оставаться в нашей квартире было невозможно, так как она все время была слишком на виду. Мы разошлись по знакомым. С первыми поездами приехал из Смоленска мой отец, не надеясь найти меня. Он был так рад меня видеть, что не сказал ни слова упрека за всю тревогу, которую пережил. Я не думал о родителях, которые не найдут своих детей, думал о наших и о своих ошибках, и у меня зрела решимость вести подготовку второго восстания, использовав весь опыт первого. Но об этом — в другой раз.

В заключение хочу сказать несколько слов о настроениях среди партийных работников на другой день после восстания. Начались обвинения и самообвинения. «Евгений» образовал группу протеста, которая требовала предания партийному суду всех виновников наших неудач. Когда он предложил мне присоединиться к ним, я ответил, что начинать нужно с самих себя, что все мы виноваты нашей неопытностью, неумением, непониманием, но что, с другой стороны, других, опытных, умелых рук не было и не могло быть. Восстание не было нами придумано. Оно надвигалось естественно, стихийно, и не в нашей власти было предотвратить его. Я напомнил ему энтузиазм наиболее сознательных рабочих на конференции 5 декабря, напомнил настроение масс по районам, непобедимое течение рабочих волн к центру в первые дни восстания,—движение, постоянно отбрасывавшееся назад, но не прекращавшееся. Не судить и осуждать надо, а учесть опыт, учесть ошибки свои и чужие и готовиться к следующему восстанию. Кампания «Евгения» не имела больших результатов, и группа протеста скоро сошла на-нет. Этот душевный кризис после восстания надломил многих партийных работников.

Я уже перечислял наши главнейшие ошибки, которые обусловили военный неуспех восстания: непонимание психологии войск и неумение ее использовать, пассивная тактика вместо единственно возможной и обеспечивающей успех активной, незнание противника и неумение наметить его наиболее жизненные пункты, неиспользование и распыление своих собственных сил. Мне кажется, что эти ошибки все-таки были неизбежны и от нас не зависели и что этот низкий уровень военно-технической подготовки и проведения восстания неизбежно вытекал из всей тогдашней политической обстановки.

М. Виноградов.

Декабрьские дни в Миусском подрайоне и в других местах.

М. Виноградов («Юрьев, Дядя»).

Декабрь 1905 г. горит, как яркий маяк на путях революции. Это долгожданный поворотный пункт в отношениях русского пролетариата и русских народных масс к правящей власти.

Это—школа, где люди научились разговаривать на языке оружия. Это горнило, где отковывался меч революционного правосудия.

Если до 1905 г. массы и пролетариат сносили гнет и наглое самовластие правителей, одурманенные царским вином и царскими попами, заколачиваемые, одурачиваемые капиталистами, помещиками, полицией и царскими войсками, то в 1905 г. пролетариат в первый раз расправил свою согнутую спину и противопоставил царской наглости свою революционную организованность.

Пусть это движение и не привело к окончательной победе. Пусть самодержавию удалось лишний раз задушить порыв, и кровавой расправой, пытками, тюрьмами, виселицами вновь забрать в руки на несколько лет, «всю полноту власти», как выразился кровавый галстучник Столыпин,—все равно, дело было сделано: самосознание масс проснулось, и с этой минуты великого Декабря его нельзя было уже усыпить ничем. Механические средства еще действовали, в ожидании того, что им будет противопоставлена еще более глубокая организованность пролетариата. Но обман был вскрыт, шулер был понят,

и о дальнейшем доверии, дальнейшем уважении и о подчинении не за страх, а за совесть не могло быть и речи.

Дорога к свободе, путь к коммунизму были указаны и увидены. Оставалось пройти еще несколько этапов, чтобы сначала сбросить грубые цепи царизма, а затем терпеливо и постепенно распутать более тонкие и умелые сети и путы капитализма, чтобы в дальнейшем дойти до создания своего нового и светлого мира—коммунистического.

Борьба и сейчас еще не кончена. Не мало этапов надо нам пройти, но мы идем, и мы пройдем все этапы, какие необходимо. Железная воля пролетариата осилит все препятствия, справится со всеми трудностями, сломит, разобьет, взорвет и разрушит все преграды, сумеет раздавить всех паразитов труда, предусмотреть все хитрости и козни капитала, разоблачить всю ложь во всем ее разнообразии, которой удерживают свою власть мировая буржуазия и бюрократия.

Каждая эпоха. требует своего оружия и своей специфической готовности, чтобы взять верх. Готовности такой не было в 1905 г., и потому с самого начала декабрьской революции ясно было, что к победе привести она не может. Она была неизбежна, как маневры, как смотр боевым силам пролетариата, и так мы к ней и готовились и так мы ее и вели, экономя силы и сберегая оружие.

Декабрь был необходим, как проба сил, как проверка на практике решимости сопротивления для тех, кто прозрел, и как доказательство возможности для тех, кто не решался, кто был слеп, кто предпочитал мириться с болезнью царизма и подставлять свою спину под царскую нагайку, нежели свою грудь под царские пули.

Но декабрь был не только необходим. Он был неизбежен. Пропаганда действием, предпринятая обнаглевшим царизмом, не могла не привести к вооруженному восстанию. Такая пропаганда неизмеримо действительнее, чем любая революционная подпольная пропаганда. Каждый, до самых глухих углов, с трепетом следил за газетными известиями, и когда известия эти сообщали о сдаче Порт-Артура, хваленой «первоклассной крепости», обнаруживая грабеж при постройке этой крепости,—эти известия сообщали о разгроме армии и ее отступлении перед врагом, который в начале войны изображался в смешных карикатурах, как жалкий, ничтожный народишко, как лягушка, старающаяся допыхтеться до вола. Те же газеты приносили известия о кровавом бессмысленном избиении мирной рабочей делегации в Петербурге,—делегации, шедшей с женами и детьми к царю, неосведомленному якобы о народном горе. Эти пули, всаженные в женщин и детей, всаженные в безоружных наивных рабочих, были всажены не только в них. Они были всажены морально в каждого, продолжавшего еще глухо верить в царя, заслоняемого от народа генералами, князьями и опричниками; всаженные в жену и детей этого каждого, пули эти убили не только тех, кто под них подвернулся, они убили веру в царя, веру в возможность договориться, веру в возможность мирного устранения бедствий страны, мирного устранения наболевших, измучивших вопросов.

Оставался один способ разрешения—оружие, оставался один язык, на понятность которого можно было рассчитывать,—оружие.

И вот в стране повсеместно начинаются вооруженные выступления, то тут, то там строили баррикады, то тут, то там начинается восстание.

Начинается небывалый рост массовок, митингов, собраний, демонстраций. Надо было пережить этот период, чтобы видеть, с какой жадностью ловились на массовках слова ораторов, как быстро размножались ораторы из рабочих, до самой глубины сознания проникали их яркие, образные речи на знакомом, понятном, привычном языке, как многолюдны и многочисленны были массовки за городом.

В Москве с весны 1905 г. и до осени—все лето—шли непрерывные массовки в окрестностях: Сокольниках, Богородске, Петровском парке. По особым лозунгам пролетариат поодиночке забирался в какой-нибудь уединенный лесок или кусты и там делился политическими впечатлениями. Там велись жестокие споры о тактике. Так пролетариат укреплял свою готовность к сопротивлению, отковывая свою революционную волю.

По заводам, в мастерских, шли собрания за собраниями, приглашались партийные ораторы, но больше обходились своими ораторскими силами. Необходимость борьбы, необходимость вооруженного восстания, необходимость организовывать боевые дружины и запасать оружие выявлялись все с большей и большей настоятельностью.

К осени 1905 г. начались митинги в различных залах общественных зданий, использовались музеи, высшие училища, консерватория; университеты и технические училища постепенно превратились в революционные штаб-квартиры, в революционные центры, откуда шли директивы и куда непрерывным потоком лилась толпа рабочих, заполняя все аудитории, которые превратились из научных в аудитории революции.

Буржуазия также устраивала «революционные» обеды, банкеты, собрания, лилось вино, лились революционные речи с оглядочкой и оговоркой, на рояле раздавались звуки марсельезы, чередуясь с кэк-уоками. Революционные надежды возлагались на пролетариат, а добычу от революции буржуазия приготавливалась проглотить сама.

Между тем со всех концов России шли известия о начавшейся революции. То на юге, то на востоке, то на западе, то на севере вспыхивали отдельные вооруженные восстания. Крестьянство поднималось против помещиков. Возвращавшиеся из Сибири армии не внушали никакого доверия власти, которая, как кошка, знала, чье мясо с'ела. Эти возвращавшиеся отряды тщательно обезоруживались, но и без оружия они представляли революционную силу, растекавшуюся по стране и своими рассказами будившую сознание.

Если бы наша партия была более подготовлена, если бы она сумела вовремя отбросить свою полубуржуазную половину—меньшевизм, то этот момент был бы использован до конца; все силы, разрозненные и разновременно подымавшие восстание то там, то тут, то сегодня, то вчера, могли бы быть об'единены, могли бы слиться в могучий поток, не знающий ни преград, ни удержа.

Но ставить подобные «если» безусловно смешно. Партия набирается и слагается из живых людей. Она также подчинена в своем развитии, в своем миропонимании и в своем расцвете законам экономической причинности, какие управляют всей страной и всеми странами в совокупности. Только постепенно люди, входящие в партию, начинают понимать истинную ценность тех или других сторон жизни, тех или иных методов, неотложность тех или иных шагов.

Помимо этого, сама оттяжка окончательной победы сыграла лишь на руку полноте этой окончательной победы над царизмом и, вне всякого сомнения, привела к тому, что накопившихся запасов революционной энергии хватило не только на установление демократической республики, но и на порыв к коммунизму.

Вооруженные выступления начались в Москве демонстрацией эс-эров, о которой нас, в Миусском парке, известили в тот же день утром. Оружия не было. Наскоро отковав и отточив в мастерских кинжалы из кусков стали, мы присоединились к демонстрации, которая шла по Тверской к дому генерал-губернатора (ныне здание Московского Совета). Демонстрация вышла неудачная. Оружия не было, и при первом натиске полиции, начавшей шашками рубить демонстрантов, раздались три револьверных выстрела из рядов демонстрантов, марсельеза смолкла и демонстрация рассеялась. Отряд казаков, стоявший с винтовками за полицией, так и не был пущен в ход.

Все же так необычно было впечатление от этого первого открытого выступления, что полиция растерялась. Раненые демонстранты гордо расхаживали с белыми повязками на головах по бульварам и Тверской. Их не трогали, и обысков после демонстрации не было.

Оружия! Оружия! Во что бы то ни стало! Вот мысль, которая сверлила мозг.

И к следующей вспышке оружие был уже в должном количестве в руках. Следующее вооруженное выступление произошло вокруг университета. Отступая перед нападением отряда черносотенцев, участники митинга, в центре города, сбились во дворе университета и там забаррикадировались. Ожидали прибытия войска. Решено было защищаться. Сначала на дворе царил полнейший хаос, но очень скоро за организацию взялись большевики. По предложению т. Параболы, все забаррикадировавшиеся были разбиты на десятки. В каждый десяток могли входить лишь товарищи, знавшие друг друга. Одно это внесло сразу порядок и дисциплину: исчезли темные личности, вносившие смуту и распространявшие вздорные слухи. Отдан был приказ готовить холодное оружие для безоружных. Огнестрельное оружие все было зарегистрировано, так же, как и патроны. Железные решетки разламывались на копья и дротики, из полос железа изготовлялись и оттачивались сабли. Баррикады у всех входов в университет приняли грозный вид, и товарищи, вооруженные огнестрельным оружием, были распределены равномерно по баррикадам. Десятки также были размещены по баррикадам. Разобрана была мостовая на дворе и камни огромными количествами доставлены в верхние этажи университетских зданий, граничивших со входами, чтобы градом кам-

ней встречать нападающих на баррикады. Учреждены были дежурства и очереди отдыха, расставлены часовые, появились костры, аудитории превращены в спальни для сменных товарищей. Университет превратился в вооруженный, хорошо дисциплинированный лагерь, способный отразить нападение и держаться. Запасена была провизия и правильно распределялась. Вокруг костров загремели революционные песни. Настроение было сильное и полное решимости биться до конца.

Это были незабвенные дни и ночи, полные восторженного под'ема, что наконец-то начинается вооруженное сопротивление вековому гнету, перед которым до сих пор люди покорно гнули спину и мирились со всеми ужасами безудержной тирании.

Правительство не решилось атаковать университет. Оно вступило с нами в переговоры, которые закончились согласием правительства пропустить наш отряд с оружием в руках из университета и дать возможность разойтись по домам.

Ранним утром, выстроившись в боевой порядок, с правильным распределением по нему огнестрельного оружия, выступили мы из ворот, выходящих на Никитскую, и между двух шпалер войск прошли по всей Никитской до бульваров, в суровом молчании, сжимая свои винтовки и револьверы, каждую минуту готовые к отпору в случае предательского нападения; у Никитских ворот разошлись по разным сторонам.

Трудно передать тот революционный под'ем, какой охватывал нас, ту жгучую радость сознания, что работа лета не пропала даром, что наконец-то мы подходим к цели, что пролетариат не только на массовках обсуждает вооруженное восстание, но приступил к делу и к разговорам оружием.

К концу осени положение стало настолько грозным, что правительство манифестом от 17 октября сочло себя вынужденным дать свободы.

Помню, манифест этот пришел в расчетное бюро трамвая, помещавшееся в Кузнецком переулке, где я служил, в 11 ч. утра; помню то впечатление огромной радости, что, наконец-то, первая неприятельская позиция сдалась, и то сознание необходимости закрепить сейчас же, немедленно результаты этой победы: «На площадь, в открытую борьбу с отступающим врагом!», и мы ринулись с кучкой товарищей на Театральную площадь, взобрались на возвышение бассейна, превратив его в импровизированную трибуну, и на всю площадь загремел призыв использовать широко отвоеванное, отстоять захваченные позиции, укрепить их и расширить завоевание. Сравнительно небольшая кучка людей, собравшихся вначале вокруг бассейна, чрезвычайно быстро разрослась в огромную разношерстную толпу, обуреваемую самыми различными чувствами. Тотчас же появились ораторы, и открылся бурный митинг. Поддерживать порядок было не легко: зажигательные речи ораторов встречали отпор элементов робких и монархически настроенных; речи умеренных ораторов вызывали взрыв негодования среди решительных слушателей. Проезжавший отряд казаков вызвал было панику и толпа отхлынула от трибуны, но так как на трибуне люди вели себя спокойно и продолжали свое дело, то толпа вновь сомкнулась и еще более выросла. Появился с трехцветными фла-

гами отряд черносотенцев и вклинился в толпу. Его встретили враждебно, не давали слова, требовали, чтобы они убрались, с их трехцветных знамен были вырваны белая и синяя полоса, и знамена превратились в красные. Громовой голос председателя покрывал всю эту сумятицу и вводил митинг в должные рамки. Постепенно митинг принял более или менее стройные формы и создавалось более или менее общее революционное настроение.

Боевой под'ем был использован, и мы увлекли толпу к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных. По дороге срывали трехцветные флаги и превращали их в красные знамена. С пением марсельезы и революционных песен мы добрались до Таганской тюрьмы. К офицеру у ворот тюрьмы мы пред'явили требование, чтобы ворота были немедленно открыты, и они открылись. В дверях тюрьмы нас встретила стража с направленными нам в живот наганами. Как руководитель толпы, я обернулся к сопровождавшему офицеру и властным голосом потребовал удаления стражи, а затем с красными знаменами в руках мы ринулись вверх по знакомой, еще со времени студенчества, лестнице, вверх в приемную, и там потребовали у тюремного начальника, чтобы политические заключенные были немедленно освобождены.

Дело несколько подпортили адвокаты, которые были уже в приемной и вели дипломатические переговоры на умеренный, постепеновский манер. Но, несмотря на это, удалось вырвать почти всех заключенных. Кое-кого из них мы снабдили оружием. Они целовали полученные браунинги и бежали с ними назад в камеры вырывать оставшихся.

К ночи мы покинули тюрьму и по пустынным улицам вернулись в город, к университету, где шли поздние митинги и где нас встретили овациями и пением марсельезы. Новые возбужденные и захватывающие речи, пьянящие призывы к борьбе, красные знамена вокруг...

В тот же вечер в Хамовническом районе был убит черносотенцами Бауман во время уличного митинга... и решено было в виде протеста устроить ему торжественные похороны...

На следующее утро я вступил официально в партию с.-д. большевиков, чтобы с этого момента открыто продолжать ту работу, которую я уже давно вел тайно и в одиночку. Вступил в партию, которую я уже давно считал, как единственную, способную достойно довести Россию к революции.

Похороны Баумана, устроенные через несколько дней, представляли совершенно небывалое по своей грандиозности зрелище.

Тело товарища лежало в Техническом училище, и туда с раннего утра стекалось все революционно настроенное города Москвы. Толпа достигла нескольких десятков тысяч человек: рабочих, студентов различных училищ, интеллигентов, молодежи и пожилых людей всех наций, партийных и беспартийных. Все это скопилось в здании Технического училища, заполнило двор и близлежащую улицу.

Строжайше разработан был план шествия чрез всю Москву до Ваганьковского кладбища. Все, кто имел оружие, составили боевые дружины, которые были вкраплены в шествие. Шествие растянулось более, чем на версту,

было окружено цепью молодежи, рука за руку, был дан строжайший наказ никого не впускать внутрь цепи по пути, чтобы избежать провокационных выходок.

С пением похоронного марша шествие двинулось.

Красного бархата гроб с красным бархатным расшитым покрывалом, красные перевязи у всех участников, красные роскошные знамена, руководители все в красном, революционный похоронный марш перемежается с марсельезой. Полный идеальный порядок, никакой суматохи, никакой толкотни, из улицы в улицу медленно и торжественно подвигается красное шествие.

Из окон, с балконов домов, где мы проходили, нас встречают свешивающиеся огромные красные знамена и красные плакаты с революционными надписями.

Около революционных центров, как университет, консерватория и т. д.—остановки, речи, новая толпа, ожидавшая там, сливается с нами, и шествие движется дальше. Около консерватории нас встречает превосходный оркестр погребальным маршем, новые красные знамена и красные толпы вливаются в процессию и дальше и дальше медленно подвигаемся мы к кладбищу. На могиле зажигательные речи, могила скрывается под горой венков с красными надписями, и понемногу участники процессии начинают расходиться, возвращаясь в город.

Высокоторжественный день закончился мирно, оставив неизгладимое впечатление у всех участников.

Но боевую дружину, которая возвращалась в университет, чтобы там уже разойтись, ожидал кровавый финал. Нас было 80 человек вооруженных. Быстрым шагом подходили мы к университету с Никитской и заворачивали за угол против манежа, как вдруг со всех сторон перекрестный огонь, загремели выстрелы и 40 человек дружинников уложили на месте, некоторые были ранены.

Засада была хорошо организована: угол Никитской и манежа был освещен электричеством, тогда как на всех прилегающих улицах весь свет был потушен, и мы не могли видеть, кто и откуда в нас стреляет.

Мы проникли во двор университета, захватив всех своих убитых и раненых. За последним, оставшимся лежать на мостовой, я вернулся и унес под градом пуль. Но и на двор еще сыпались пули, пока, наконец, нам не удалось войти в самое здание университета.

Там мы тотчас же забаррикадировались в ожидании дальнейших нападений, но ночь прошла спокойно. Раненых перевязали, убитых уложили на столы, а утром их увезли близкие, явившиеся за ними.

Ясно стало, что против винтовок нужна винтовка и, кроме того, нужна тактика уличного боя, нужна хорошо обученная боевая дружина, обученная и стрельбе, и приемам передвижения, и приемам боя, и с этой минуты я все внимание перенес на организацию такой дружины в Миусском парке.

Революционными связями были добыты средства — тысяча рублей, на них купили 40 винтовок-винчестер, коротких, чтобы можно было носить

их под пальто. К ложу каждой винтовки прибит был ремень, в который продевалась рука, после чего уже надевалось пальто. Винтовка оказывалась подмышкой, и дружинник по внешнему виду ничем не отличался от обыкновенного прохожего. Кроме того, были приобретены два маузера для руководителей—меня и т. Щепетильникова. На патроны денег не хватило и пришлось обратиться к асссоциации инженеров, которая в складчину раскошелилась всего-навсего на 100 целковых на вооруженное восстание, каждый же «революционный» банкет обходился им в несколько сот рублей.

В людском материале, разумеется, недостатка не было, и боевая дружина в 48 человек была быстро сорганизована. Дружина была разбита на 3 шашки по 16 человек. Нормальный строй был: 3 шашки, друг за другом по 4 ряда и по 4 человека в ряд. Из этого строя, по беззвучному сигналу, дружина переходила мгновенно в любой другой строй: развернутый направо, налево, вперед, назад, в карре, по двум сторонам улицы и, главным образом, в рассыпной строй с использованием естественных прикрытий. Командовать дружиной приучался каждый дружинник, и во время упражнений командование велось по очереди всеми, по дню каждый. Цель была та, чтобы, в случае гибели вождей, дружина продолжала оставаться боеспособной. Начальники шашек стояли в общих рядах, так что ничем не отличались от остальных дружинников. Для упражнений в строе мы отвели бывший цейхауз во дворе и там целыми часами ежедневно вели строевые упражнения, пока не добились полной отчеканенности движений.

Кроме различных видов строя, мы упражнялись немало также в невидимых передвижениях по городу. Покидая Миусский парк, мы условливались, где сойтись, и, выходя поодиночке, шли туда, каждый своей дорогой.

Придя на условленную площадь, мы циркулировали по ней, пока все не успевали добраться, и затем, по условленному сигналу, как по мановению волшебного жезла, сразу выростала вокруг начальника боевая дружина в 48 человек в полной боевой готовности. Однако между появлением первого дружинника в условленном месте и приходом последнего проходило не более 5 минут.

Пока у нас в распоряжении были только револьверы в небольшом количестве, упражнения в стрельбе мы вели в мастерских Миусского парка, но когда мы вооружились винтовками, то пришлось подумать о стрельбище. Такое мы нашли в Сокольниках, в глухом месте рощи, где были сложены поленицы дров.

Мы брали трамвайный вагон, ставили на нем вывеску «служебный», засаживались в него все 48 человек и через несколько минут были уже у Сокольничьего круга. Вагон ставился на запасный путь, а сами мы направлялись на наше стрельбище гуськом друг за другом, ступая, как волки, в след друг друга, чтобы на снегу оставался след только одиночный, а не от толпы людей. Придя на место, мы также, не топча снега, развертывались в шеренгу против поленицы дров. Стреляли по очереди, всякий со своего места, все в одну точку поленицы, начиная с очень близкого расстояния и постепенно увеличивая и увеличивая его изо дня в день, при чем предварительно в мастерских

парка мы вели упорные упражнения в прицеле без патронов, в спуске курка и вообще во всех тонкостях, обеспечивающих точное попадание. Каждый выброшенный из винтовки патрон тщательно подбирался; это делалось для того, чтобы не оставалось следа, и использовать патрон в дальнейшем; ввиду ограниченности их, мы их перезаряжали и вновь пускали в дело. По окончании стрельбы точка, куда ложились пули, замазывалась грязью и снегом, дружина свертывалась и по старому следу гуськом возвращалась к вагону, который уносил нас обратно.

Результаты стрельбы получались блестящие: каждый дружинник бил очень метко, можно сказать, без промаха, и уверенность в их меткости была настолько велика, что руководящий стрельбой стоял в нескольких шагах от цели и концом палки указывал ту точку, куда попала последняя пуля.

Когда Миусская дружина была сорганизована и обучена, партия начала употреблять ее для охраны митингов. Нас извещали заранее, и к назначенному часу мы появлялись.

Помнится один случай. Нас вызвали охранять митинг в здании Политехнического музея. Революционная атмосфера была уже сильно насыщена электричеством, на улицах народу было мало. Но этот раз мы предпочли итти вместе, глухими переулками, чем невидимым строем. Когда мы двумя шеренгами сворачивали по двум тротуарам с Лубянской площади в Китайский проезд, то увидали следующую картину: отряд полиции, совместно с отрядом казаков, хозяйничали перед входом в музей. Мелькали нагайки, мелькали кулаки полиции. Около стен толпились товарищи, пытавшиеся пробраться в музей. Поодиночке, иногда то одному, то другому удавалось перебежать через улицу в музей, но большею частью под ударами приходилось возвращаться обратно. Казаки кружили, по временам врезались в толпу, и толпа тогда шарахалась в стороны. Слышались разные возгласы: «Ассади на плитувар» и прочее. Мы молча подходили двумя шеренгами по двум тротуарам. Едва нас заметили, как все внимание было сосредоточено в нашу сторону. Казаки выстроились. Полиция с шашками наголо бросилась на нас. В молчании мы спокойно подвигались вперед.

Расстояние уменьшалось. Вот шашка первого городового замахнулась над головой переднего дружинника. Я уже поднес к губам сирену, чтобы дать сигнал к бою, но в эту минуту казаки повернули лошадей и во весь опор понеслись прочь от нас, а полиция за ними тоже спрятала свои селедки и показала пятки. Поле без выстрела осталось за нами.

Товарищи спокойно начали входить в музей на митинг, и мы вошли туда же. Нам отвели особую комнату, где мы начали наши упражнения в строе, чтобы не терять времени.

При возвращении с митинга произошла очень памятная встреча. Мы выходили с Лубянского проезда на Лубянскую площадь, когда путь наш пересек отряд конной артиллерии. Был огромный соблазн отдать приказание стрельбы. Так легко можно было бы уничтожить людей, подбить передних лошадей, и мы были бы с пушками и могли бы превратить Миусский парк в

грозную крепость, способную вести наступательную борьбу. Но, с другой стороны, это значило бы начать в Москве вооруженное восстание и тем, быть может, сорвать революцию в целом. И сигнала к стрельбе я не отдал.

В ожидаемом со дня на день вооруженном восстании необходима была согласованность выступления различных мест и, главным образом, Петрограда. Правительство находилось там, там и надо было его крыть. Москва была второстепенным городом, и не ей должно было принадлежать первое слово. Она должна была быть лишь готова выступить по первому сигналу, чтобы поддержать Петроград.

На деле этого все же не удалось достичь: революционное напряжение московских пролетарских масс было настолько велико, что удержать его в должных границах не удалось, и революция в декабре все же развернулась в Москве стихийно. Революция 1905 г. вследствие этого не привела к окончательной победе, но общее дело революции от этого не пострадало: оттяжка окончательной победы сделала ее лишь более глубокой и полной.

Революция между тем развертывалась. Из отдельных городов поступали известия об отдельных вооруженных выступлениях и забастовках, которые все ширились. В Москве вспыхнула всеобщая забастовка, охватившая все заводы и городские предприятия. Всюду шли многолюдные собрания, раздавались зажигательные речи, массы спешно вооружались: разбивались оружейные магазины, обезоруживались городовые и казаки, и, наконец пришло известие, что во многих местах Москвы приступили к постройке баррикад.

Пилились телеграфные столбы и валились поперек улицы. Целые склады досок и бревен были вытащены на Садовой и превращены в груды поперек улицы. Все шло в дело: ворота, бочки, снег, телеги, домашняя утварь и мебель. Полиция была бессильна. Войска были под сомнением, на них надежды у властей не было. Принимались строгие меры лишь к тому, чтобы войска изолировать от влияния масс и обезоружить их. Все свои силы, какие оставались надежными, правительство стянуло в центр города. Там были по площадям и перекресткам расставлены пикеты казаков, но в забаррикадированные районы они не отваживались, делая большие обходы вокруг города, когда нужно было сообщиться, например, с Бутырской тюрьмой.

При первых известиях о баррикадах, Миусский парк начал строить свои. Чрезвычайно остро рисуется в памяти эта первая ночь. Город был темен. Газовый завод бастовал. Трамвайная станция тоже, и трамвайный ток был выключен. После совещания в моей квартире, наша боевая дружина пришла баррикадироваться в Миусский парк. Мы начали с того, что завладели подстанцией и ее аккумуляторами, испортили телефоны, чтобы отрезать возможность нежелательных осведомлений, но телефоны были испорчены так, что, в случае надобности, мы сами могли мгновенно оживить их и использовать. Один только телефон не позволял применить, по своему устройству, эту систему порчи, и у него пришлось перерубить кабель. Всюду расставлены были часовые, и, главным образом, у распределительного щита подстанции.

Аккумуляторный ток был включен, и парк вспыхнул, осветив тьму ночи своими фонарями. Принесены были рукоятки контролеров вагонов, и началась работа. Трамвайные вагоны были от входа в парк отведены на запасные пути, а вагоны, оставшиеся от конной тяги, покатились вручную вверх и вниз по Лесной улице, чтобы свернуть их с рельс и перегородить улицу. Едва мы успели сделать это, как по нас был открыт огонь казаками от Бутырской тюрьмы и полицией из участка близ Тверской. Все же огонь был настолько беспорядочен, что мы вернулись в парк без потерь и принялись за укрепление самого парка: у ворот парка мы соорудили бастион, выдвинув трамвайный вагон, обложив его внутри стальными и железными листами достаточной толщины. Такие же листы были поставлены и укреплены на земле вокруг него и непосредственно у ворот.

К утру баррикады в общих чертах были готовы, план действий разработан, и дружина отрядами заняла позиции. Отряд А. Ф. Кудинова выдвинулся на баррикады Весковского переулка, чтобы сшибать наблюдателей с пожарной каланчи, что и было быстро достигнуто. Отряды Езопова и Шоричева разместились по чердакам парка и из слуховых окон били по Лесному винному складу, где сосредоточилась полиция. Отряд Красникова наблюдал за Миусской площадью. Отряд Щепетильникова занял бастион из стальных листов. Этот бастион был и моим любимым местом, куда постоянно приходили мои дети и слушали свист пуль и их завывание, когда, зацепив за какой-нибудь предмет, пуля рикошетом шла дальше.

Бутырские казаки, очевидно, истолковали наше возвращение в парк от первых вагонов, как отступление противника, набрались духу и, заняв эти вагоны, открыли по нас стрельбу, при чем нахальство их было так велико, что они стали перед вагонами с нашей стороны и огонь открыли после звука рожка. Первый же наш ответный залп уложил их 12 человек, они удрали и своей наглости уже не повторяли, ограничиваясь стрельбой из-за прикрытий.

По баррикаде Кудинова били с пожарной каланчи на Селезневской улице, но, взяв правильный прицел на дальность расстояния, дружинники быстро отвадили их от этого занятия, и в дальнейшем каланча пустовала.

Полицейский участок тоже скоро прекратил огонь, и полиция из него перебралась в винный склад, который с его стенами представлял естественную крепость, и две недели шел бой между нами и двумя пунктами: Бутырской тюрьмой и винным складом.

Наша дружина значительно увеличилась. Первоначальный отряд в 48 человек состоял исключительно из рабочих, кондукторов и вожатых Миусского парка и из 8 человек рабочих Городской типографии. Теперь к нам присоединился отряд с фабрики «Габай» в 35 человек, вооруженных наганами, с водопровода пришел к нам т. Кудинов, пришел т. Красников со своей винтовкой. В общем, сформировалась дружина около 90 человек.

Если бы нам понадобились перевязочные средства, то мы использовали бы приемный покой Миусского парка, но это оказалось ненужным, так как, несмотря на то, что за 2 недели боя мы переколотили немало

народа, из нас никто не был ранен. Это об'ясняется, помимо удачи, несомненно, и умелым ведением боя, и большой меткостью стрельбы, державшей противника на почтительном расстоянии. Каждый их наглый выпад жестоко наказывался, и им пришлось уважать наше оружие.

Казаки били от угла Лесной и Долгоруковской и из единственного окна тюрьмы, выходившего в нашу сторону. Это окно мы держали под непрерывным обстрелом, и огонь был настолько меток, что, как это обнаружилось после на суде, казаки и тюремные сторожа были убеждены, что в нашем распоряжении имеется пулемет, который был направлен на это окно.

Полиция сосредоточилась в здании и дворе винного склада. Пристав Ермолаев имел наглость выходить на рекогносцировку, переодевшись в штатское, и был нами убит. Других мы от рекогносцировки этим отвадили, и они ограничивались обстрелами парка со двора и из окон склада, но и это занятие дорого им обходилось: из слуховых окон парка был прекрасно виден двор склада и все здания склада. Полиция предполагала, что наша дружина засела внизу, в конюшнях парка, и держала окна конюшен под непрерывным обстрелом, ранила несколько лошадей конной тяги, но отряды товарищей Шоричева и Езопова залегли на чердаке и оттуда били полицейских на выбор.

К ночи огонь утихал, и тогда мы, посмеиваясь, расходились по домам спать, в полной уверенности, что почтение к нашему оружию удержит противников от каких бы то ни было попыток сунуть нос поближе. С раннего утра мы были уже в парке и возобновляли обстрел неприятельских позиций. Оружие каждый уносил на ночь с собой, при чем некоторым приходилось проходить мимо казачьих пикетов, но все сходило благополучно, и на утро мы в полном составе оказывались на своих постах. На обед мы также уходили домой, но по очереди, при чем дальние обедали у меня и у некоторых из ближних товарищей.

Вечерами мы отправлялись на разведки в разные стороны небольшими отрядами. Город представлял любопытное зрелище: всюду баррикады. Около некоторых — отряды дружинников, преимущественно вблизи полицейских участков и других средоточий оставшихся наемников царизма. Так, солидная баррикада преграждала Малую Бронную от Тверского бульвара. Там стоял польский отряд дружинников и отстреливался от казаков, расположившихся у Никитских ворот, вблизи полицейской части на Малой Никитской. Дружинники были вооружены преимущественно маузерами, но были и другие виды револьверов. Винтовок не было.

Мы знали, что на Пресне забаррикадировалась сильная дружина рабочих фабрики Шмидта и Прохоровской фабрики, но там быть нам не пришлось.

По Грузинской улице мы доходили до Зоологического сада и Горбатого моста, оттуда обстреливали полицейский участок по Кудринской улице, но дальше не проникали.

Тверская была забаррикадирована слабо.

В Оружейном переулке были сильные баррикады, с двух его концов обстреливали полицейский участок в середине Оружейного переулка. Участок энергично отвечал на огонь баррикады.

Садовая вся от Кудринской площади до Сухаревской башни представляла чуть ли не сплошную баррикаду, но эти баррикады, разумеется, пустовали, так как и противника не было. Лишь в голове этого бесконечного ряда баррикад, с переходами и проходами, сторожил отряд дружинников, обстреливая Кудринскую площадь.

Линия Никитской улицы от города и до Кудринской улицы была в руках казаков и полиции, и что делалось за этой линией, мы не знали.

Долгоруковская и Малая Дмитровка были баррикадированы, но дружин на баррикадах не было. Баррикады, так же, как на Садовой, лишь преграждали путь.

Строились они преимущественно обывателями, которые заботились о том, чтобы до них не дошли войска, в таком же положении был и весь район переулков до I Мещанской и сама I Мещанская. Кое-где попадались небольшие группы вооруженных дружинников, которые несли дежурства на своих баррикадах.

Все хорошо вооруженные и желавшие драться сосредоточились на Пресне, в Миусском парке и в районе Бронной.

В начале восстания были сильные ожидания, что Петроград восстанет, ходили слухи, что там все готово, и что восстание в Москве неизбежно найдет отклик и там.

Но затем начали доходить другие слухи, что на Петроград надежды нет, что Москва осталась изолированной, и что дальше вооруженное восстание не распространится.

Эти слухи производили удручающее впечатление на дружинников, и приходилось их ободрять, чтобы вести борьбу дальше, и мы продолжали отстреливаться со своего вооруженного островка изо-дня в день.

Возможности перейти в наступление у нас не было. Сколько раз мы вспоминали пушки, которыми так легко мы могли овладеть на Лубянской площади полтора месяца тому назад, но в то же время ясно было, что в течение месяца едва ли мы смогли бы их где-нибудь продержать в ожидании восстания. Эх, если бы теперь эти пушки были у нас в руках, совершенно иначе повернулось бы дело! Можно было бы начать громить участок за участком, двигаться к центру города и вообще перейти в наступление, а наступление одно только и может зажечь массы и побудить их присоединиться к восстанию.

Но «если бы, да кабы» дела не поправляет, и нам приходилось ограничиваться отстаиванием нашей крепости и единичными вылазками по близлежащим улицам.

Полицейские части представляли собой такие же небольшие крепости, как наш Миусский парк, и ни мы на них, ни они на нас не имели возможности итти на приступ. Пороху и свинца было у нас достаточно. Истраченные патроны вновь заряжались. Пистонов было запасено большое количество, и

Объяснение цифр:

1.—Бой у ворот Миусского парка. 2.—Дом Краснова—баррикадн. заграждд. 3.—Баррикады между домами 18 и 31. 4.—Угол Подвесков. Баррикады. 5.—Баррикады параллельно Тверской. 6.—Бой у баррикад в Оружейном переулке. 7.—Бой у баррикад студенческ. и польск. дружин. 8.—Бутырская тюрьма. 9.—Пикеты и артиллерия в концах Никитских улиц. 10.—Долгоруковский винный склад. 11, 12, 13, 14.—Полицейскиѣ участки и части.

мы могли бы держаться совершенно неограниченное время. На московскую артиллерию у властей надежды не было, но и у нас также не было артиллерии.

Затянувшийся узел был разрублен приездом в Москву Семеновского полка с артиллерией под командой Римана и Мина. Отряд с Николаевского вокзала пробил дорогу к центру города, а оттуда по линии Никитской начал артиллерией громить баррикады Бронной, Садовой и, наконец, наши, а с другой стороны, от Зоологического сада, двинулся к Пресне, при чем Пресню он, кроме того, обошел вне черты города и начал громить с близлежащей возвышенности.

Баррикады Садовой сначала громились артиллерией, а затем сжигались, так как были сделаны преимущественно из досок. Так семеновцы дошли до пересечения Садовой и Тверской. Там они разгромили баррикады Оружейного переулка, добрались до участка в этом переулке, а оттуда, разломав заборы, ранним утром проникли на Миусскую площадь, установили на ней артиллерию и начали громить Миусский парк и окружающие здания, какие казались им подозрительными.

Когда мы с разных сторон подошли утром к Миусскому парку, то всюду вокруг Миусской площади стояли вооруженные отряды семеновцев.

Впоследствии мы узнали, что смотритель Миусского парка, после первых орудийных выстрелов, разбивших то здание Миусского парка, которое нам служило местом обучения дружины, вышел к семеновцам и заявил, что парк пуст, что последние недели, действительно, в нем собирались вооруженные люди, но что эти люди никому неизвестны, и что сейчас их в парке нет. Семеновцы прекратили артиллерийский обстрел парка и заняли его.

Значительная часть дружины обходным путем добралась до моей квартиры, и там мы устроили совет, как быть дальше.

Всюду грохали орудия. Орудия громили и Пресню. Дальнейшее сопротивление кучки дружинников представлялось явно бессмысленным, тем более, что все мы твердо были уверены, что поражение это временное, что декабрьское вооруженное восстание является лишь прелюдией, лишь маневрами революции, и что ближайшая работа будет состоять в подготовке, идейной и технической, следующего очередного восстания в ближайшие годы. И мы решили сложить оружие, но сберечь его, сохранить нашу организацию, подготовляться к следующему восстанию и работать в этом направлении.

Часть оружия взялся спрятать т. Щепетильников, а часть оружия взялся спрятать я. Щепетильников со своими людьми ушел прятать свою часть, остальные остались у меня до вечера, чтобы замуровать оружие на дворе нашего дома в каменную ограду.

Место это давно было присмотрено, и когда наступила ночь, мы со всеми предосторожностями сделали наше дело, после чего товарищи разошлись.

Жена настояла, чтобы мы тотчас же перебрались на другую квартиру. Мне казалось, что спешить нечего, что это поспеется и завтра, но она была непреклонна. Мы забрали кое-какие вещи и ночью же исчезли со всеми ребятами. Она была права, так как ранним утром явился к нашему дому отряд

семеновцев, чтобы меня арестовать и расстрелять, но им пришлось уйти, с чем пришли.

Странную и жуткую картину представлял город в эту ночь.

Полная ненарушимая тишина, ни одной живой души, на улицах тьма. Те самые улицы, которые еще вчера оглашались возгласами: «товарищ», каковым начинался каждый разговор, улицы, находившиеся всецело в наших руках, и где так свободно было ходить от баррикады к баррикаде, теперь совершенно вымерли. То отсутствие света, связанное со всеобщей забастовкой, которое так было понятно и уместно, теперь производило совсем новое, жуткое впечатление, когда баррикады были разрушены и улицы абсолютно пусты. Обыватель, запуганный, сидел в своем углу, а власти, еще не уверенные в своей победе, не отваживались проникать на улицы, так недавно еще такие грозные. Эта ночь была ночью междуцарствия, полная какого-то томительного ожиданья.

А затем началась расправа.

Дикая, безудержная, зверская расправа пьяных победителей над первым подвернувшимся.

Всюду, на всех перекрестках были расставлены пикеты вооруженных винтовками городовых, казаков и семеновцев. Всюду зашныряли шпики. Непрерывно то тут, то там грохали выстрелы, которыми или развлекались, или же старались сами себя ободрить эти пикеты, неуверенные в себе, пьяные, трусливые и наглые.

Они останавливали всякого прохожего возгласом «руки вверх», направляя на него винтовки. Они обыскивали, ощупывали всякого, затем ругались, били и набрасывались на следующего. При малейшем подозрении хватали, тащили к Москва-реке и там расстреливали, а иногда приканчивали тут же на месте.

Начались повальные обыски по домам.

И вот многие, чтобы сберечь драгоценное оружие, добытое с таким трудом и которое вот-вот опять пригодится, шли на риск проносить его из своей квартиры, которой угрожал обыск, в более надежное, по их соображениям, место. Не мало таких смельчаков и преданных революции товарищей нарывались на пикеты и тут же были уничтожены.

Я помню, одна девушка несла браунинг, подвязав его под юбками между ног. Его нащупали, ей задрали юбки и штыками прокололи ее снизу вверх.

Помнится, один рабочий нес браунинг в шапке. Его нашли и штыком прикончили несшего.

И таких случаев было не мало.

Иным, несмотря ни на что, все же удавалось проносить оружие. Так, один рабочий во время обыска пикетом так ловко ухитрился подвертывать полу своей куртки, где лежал браунинг, что эта пола так и не попала под руки ощупывавших, которые ограничились тем, что дали ему пинка прикладом и отпустили.

В тоже время браунинги, купленные буржуазией для самозащиты, летели, разумеется, без всякого сожаления, в ватер-клозеты, в помойные ямы и т. д.

Наступила эра карательных отрядов, производивших неслыханные зверства по всей стране, везде, где только были вооруженные выступления в течение 1905 г., везде, где шли за этот год забастовки. А где их не было?

Подавив московское вооруженное восстание, семеновцы двинулись в карательную экспедицию по Казанской ж. д. Их зверства, их издевательства описаны ярко в книжке Владимирова, а затем другие карательные отряды поползли на юг, на восток, на запад и на север, всюду неистовствуя с безудержной, бессмысленной, дикой жестокостью разбивая головы детей об углы печек, насилуя женщин, пристреливая и прикалывая стариков, измываясь над первым встречным, расстреливая, избивая прикладами и штыками без суда и следствия, кто подвернется, и тем углубляя злобу, бешенство против царизма, служа наилучшей пропагандой против его бесстыдства и озверелости.

Если в 1917 г. с такой легкостью, с такой быстротой царизм был сметен с дороги, то, конечно, главной основной причиной являются подвиги карательных отрядов 1906 г. Эти подвиги не забылись, не могли забыться. Бешеная злоба, тем более сосредоточенная, чем бессильнее она была, замечалась в пролетарских массах и в массах народных и, конечно, первого повода сорваться этой злобе и проявить себя было достаточно, чтобы она безудержным потоком разлилась по стране от края и до края, и чтобы в три дня она покончила всякие счеты с ненавистным, осточертевшим царизмом...

Тогда, в 1906 г., невозможно было представить себе, что аккумулятор народного негодования сможет не разрядиться в течение 12 лет. Мы ждали, что разряд неизбежно наступит очень скоро, что декабрь еще не закончен, что вот-вот обрезанная нить революции восстановится, и мы самым деятельным образом принялись за техническую подготовку средств и способов осуществить, развить и усилить это ожидавшееся новое вооруженное восстание.

Разумеется, пришлось перейти на нелегальное положение, пришлось радикальнейшим образом маскироваться, чтобы не быть узнанным на улице, так как меня искали по Москве весьма тщательно.

Для пробы, насколько достаточно я замаскировался, я зашел в измененном виде к отцу в обеденное время. Отперла сестра. Я спросил ее, дома ли Михаил Петрович. Она ответила «нет», и была весьма встревожена, так как знала, что меня ищут. Она начала расспрашивать меня, для чего мне понадобился Михаил Петрович; я об'яснил ей, что я его товарищ, назвался какой-то трамвайной фамилией и спросил, нельзя ли мне обождать. Она ввела меня в столовую, и там мы беседовали минут 10 под перекрестным взглядом всех наших. Наконец, я не выдержал и расхохотался. Она так и присела: «Мишка, да ведь это ты».

После такой пробы можно было смело пуститься в город.

Были восстановлены партийные, технические и дружинные связи, найдены квартиры, и мы открыли действия В. Т. Б.—Военного Технического Бюро большевиков—в целях приготовления бомб и выработки нового ору-

жия для предстоящего восстания. Дело удалось постепенно развернуть достаточно широко и подобрать значительный персонал сотрудников.

Теоретическим руководителем явился инженер Гопиус (Парабола), с которым видеться мог только я, и мне он передал весь огромный запас сведений и соображений по бомбистской части. Эти сведения были несколько теоретичны, но наши конструкторы, с одной стороны, и наши опыты, с другой, вносили практические поправки, и в результате вырабатывались хорошие вещи: наши бомбы шли всюду, ими пользовались, кроме большевиков, также эс-эры, максималисты, анархисты. Многочисленные опыты производились над взрывчатыми веществами, над различными системами запальников, предохранителей, оболочек, начинок. Вырабатывались боевые ракеты, при чем остальные тонкостенные, цельнотянутые гильзы для них, длиною в метр, мы получили из Германии от Манесмана под легализированным соусом. Разработаны были прессы для изготовления начинок этих ракет. Опытный пресс был построен в имении моих родных. Опыты над бросанием ракет производились там же, а также в просеках Лосиноостровского леса. Этот лес служил нам и для опытов над взрывчатыми веществами: вещество в количестве килограмма подкладывалось к столетней сосне, и по результатам разрушения судили о силе вещества и о его пригодности.

Были разработаны пушки и снаряды для них в таком виде, чтобы можно было их быстро изготовить в любой мастерской из имеющихся под руками материалов: трамвайных мачт, стальной проволоки, обрезков труб и проч. (Впоследствии, в Америке стали приготовлять такие проволочные пушки, изменив профиль проволоки.)

Была изобретена и разработана масса мелочей, о которых теперь я уже не помню: самодельные ружья, складные, направляющие для боевых ракет и проч., проч.

Вся эта техническая работа велась, можно сказать, на ходу, так как определенного пристанища иметь было нельзя. Ночевать все эти два года—1906 и 1907—приходилось по ночевкам, которые, правда, добывались без затруднения. Ночевки были систематизованы: у меня было около 15 мест, где можно было ночевать, и всегда я проводил 2 ночи подряд в одном и том же месте, а на следующие две ночи переселялся в противоположную сторону города и т. д. и, благодаря этому каждую квартиру я беспокоил своей ночевкой раз в месяц, а затем исчезал на месяц.

Изготовление взрывчатых веществ тоже приходилось вести по разным местам. Механические части изготовлялись по мастерским легально под различными техническими соусами и предлогами. Вообще, дело легализации было поставлено настолько серьезно, что, несмотря на обыски, наши «товары» оставались нетронутыми, не вызывая подозрения. Все было тщательно подразделено, и каждая деталь, в больших количествах, лежала всегда в таком месте, где она могла казаться необходимой для совершенно другой технической цели, и эта другая цель была заранее продумана и за ней закреплена. Очень часто владелец помещения сам глубоко был убежден, что он любезно хранит самую невинную вещь.

За эти два года пришлось посидеть и по тюрьмам под чужим именем, бежать оттуда и вновь налаживать работу. В тюрьме время тоже не проходило даром. Тотчас же образовалось Т.-Т. Б. — Тюремно - Техническое Бюро и отчасти продолжало работу В. Т. Б., а отчасти занималось организацией побегов и отчаянной борьбой с тюремным начальством.

Из этого периода можно было бы набрать для описания целый ряд ярких, красочных картин, целый калейдоскоп приключений, ухищрений, приспособлений, к которым мы прибегали, чтобы вывернуться из того или иного положения, чтобы одолеть то или иное препятствие.

Средства денежные добывались на дело без особого труда: часть давала партия, часть удавалось урывать у сочувствующих денежных людей, которым столыпинский режим служил достаточным прессом, чтобы они давали денежный сок, а впоследствии — экспроприации, которые мы снабжали бомбами, а они нас — средствами.

Когда мы затруднялись в каком-нибудь, том или ином, разрешении сложного технического вопроса, то к нашим услугам были профессора и инженеры всей Москвы, к которым мы находили ходы через студентов, легализируя и эту сторону вопроса так, что профессора и инженеры давали нам решения вопросов или не подозревая, какие вопросы они решают, или же и догадываясь, но глядя сквозь пальцы, под давлением столыпинского пресса.

Впрочем, когда мы обратились за одним решением к проф. Н. Е. Жуковскому, то он, несмотря на нашу легализацию, сразу учуял, что дело не тем пахнет и, будучи всецело против какой бы то ни было революции, решительно отказался. Разумеется, с вопросом мы справились и без него.

Литературой мы тоже не страдали. Библиотеки университета и технических училищ были к нашим услугам, а позднее мы получали взрывчатую и боевую литературу и из-за границы. Кое-что из заграничной литературы сохранилось у меня и сейчас с того времени.

Математические и технические расчеты мне и моим товарищам приходилось вести в вагонах трамвая, на ночевках, по тюрьмам, и вообще в разных неподобающих местах.

Таким образом мы, не имея определенного центра, не имея определенного пристанища, располагали конструкторским бюро, лабораториями, складами, для нас выполнялись заказы по всей Москве, в мастерских и на заводах, мы имели деловую связь с заграницей, пользовались обширной библиотекой, и все это налету, наюру, под непрерывной слежкой, специально разыскиваемые полицией, следя строжайшим ежесекундным способом за своей внешностью, за каждым своим движением на улице, чтобы не выдать себя, не нарушить той замаскированности, которая прятала меня от взоров людей, наизусть знавших и изучивших меня на митингах, собраниях и уличных выступлениях 1905 года.

Энергии, непрерывной выдержки, изворотливости, изобретательности требовалось не мало, но память о декабре 1905 г., страстное желание повторить его в более совершенных формах были настолько сильны и резки, что помогали превозмочь все и биться дальше и дальше.

Политическая атмосфера была гнетущая. Сначала зверства Мина и Римана, прошедшие полосой от Москвы до недр Сибири, разбой Думбадзе в Крыму, пытки и в Москве, и в Риге, всюду по участкам, по охранным отделениям, с выламыванием пальцев, с применением каленого железа, тюремные камеры с раствором негашеной извести, налитым на полу, расстрелы без конца и счета, сжигание крестьянских домов и целых деревень с крайними пределами зверств над жителями и проч., и проч., без конца и края, а затем столыпинские виселицы, эпидемией распространявшиеся по Москве и по всей стране, все это, вместе взятое, вызывало такое бешенство, из которого, как из водопада, можно было получать неограниченное количество и энергии, и готовности преодолеть все препятствия, лишь бы дорваться до нового вооруженного восстания, и лишь бы оборудовать восстание всем, чем надо.

Прямых, ощутимых результатов этой затраты энергии было мало. К вооруженному восстанию мы тогда не подошли. Правда, мы снабжали бомбами всех, кому они были нужны, но это—мелочь. Косвенные же результаты и декабря 1905 г. и его последствий, работы 1906—1907 г.г., теснейшим образом связанной с ним, так как он одушевлял нас, давал нам крылья, давал нам возможность и силы биться и бороться в этом горниле, косвенные последствия для страны, для революции и для коммунизма огромные.

Энергия неразрушима. Она может менять формы и вид, но свое она сделает и исчезнуть она не может, и люди, которые понимают это, могут со спокойной совестью вливать свою революционную энергию в страну в безграничном количестве, нисколько не печалясь о том, что видимых результатов ни сейчас, ни в ближайшие годы не получается. Пусть и при их жизни этих результатов добиться не удастся. Какая разница? Все равно, этот бешеный поток энергии возьмет свое. Он пробьет русло и выкатит свои волны в безбрежный океан людского счастья и коммунизма.

Чрезвычайно важно проследить психологию масс за революционный период России. Так было—так будет. Вот лозунг массы до 1905 г. Эта громада царизма с его пушками и ружьями, с его нагайками и штыками, с его полицией, жандармерией, казаками и шпиками, с его учреждениями, с его жестокостью, силой и безграничной решимостью расправы, с его многовековым существованием, с его уменьем давить, обманывать и держать в повиновении народ не за страх, а за совесть, рисовалась в воображении масс, как незыблемая твердыня, которая находится под прямым покровительством богов, бороться против которых—безумие, нелепость, грех, святотатство, преступление. Это была определенная психология раба. «Батюшка-царь, помазанник божий» — вот какими именами величали мерзавцев, грабивших, давивших, разорявших страну, державших народ в темноте. Им дозволялось все, спускалось и прощалось все. Сопротивляться им было нельзя так же, как нельзя прыгать с колокольни. Разумеется, находятся сумасшедшие, которые прыгают, но они за это и платятся, и эта расплата совершенно естественна и всякому понятна. Вот каково было отношение к правящим мерзавцам до 1905 г.

При помощи Японской войны, при помощи Гришки Распутина и других вывертов они сами способствовали собственному развенчанию, но оставалась

уверенность, что причиной всех зол является известное отдаление царя от народа, что с самим царем договориться можно, что он не в курсе дела, что он не знает о народных бедствиях. 9 января 1905 г. разбило и эту наивную иллюзию, и только после него оказалось возможным набраться кучкам решительных людей, способных отбросить психологию раба и заговорить другим языкам—языком оружия. Их было немного, если сравнить с многоголовой массой нерешительного населения. Их было немного для того, чтобы достичь каких-либо практических результатов. Но их оказалось совершенно достаточно, чтобы повсеместно провести наглядный урок разговора оружием, чтобы повсеместно в небольшом размере наглядно доказать, что бороться против правящих мерзавцев—не все равно, что прыгать с колокольни, что бороться можно. Значение этого предметного урока огромно.

Об остальном позаботились сами правящие мерзавцы. Они позаботились доказать, что опасно не тем, кто поднял оружие и дрался, но как раз наоборот: тем, кто стоял в стороне и в драке участияе не принимал: редко карательные отряды добирались до участников вооруженного восстания. Их удары, их зверства обрушивались в подавляющем большинстве случаев на голову ни в чем не замешанных людей. Они позаботились доказать, что царизм и законность, какого бы то ни было вида,—вещи несовместимые и ничего общего неимеющие. И обо многом позаботились они в помощь революции. Заботились они упорно, систематически и длительно, заботились в течение десятка лет со всем попечением.

В результате такого тщательного ухода и такой тщательной поливки страны кровью, семя, брошенное рукой сеятеля в 1905 г., дало обильные всходы. За этот период и отношение к царской власти изменилось в психологии масс. Все глубже и глубже проникало понимание, что ничего не только божественного, но и человечного не может быть в ней, а воспоминание о декабре оставалось вечным указательным пальцем, куда итти и как надо поступать,—воспоминание и сожаление, почему декабрь в должной мере не был поддержан.

Декабрь 1905 г. явился закваской, дрожжами, влитыми в бесформенное тесто рабочих масс рукой сознательного пролетариата России. 12 лет шло преобразование народной психологии, и результаты получились превосходные: химический процесс проник до самой глубины, во все углы массы и самым коренным образом преобразовал ее.

В 1917 г. «помазанник», «батюшка» и вся правящая команда одним ударом метлы, как куча мусора, была сброшена с дороги.

За первым победоносным ударом революции последовал второй, и вот, в кровавых муках, пред нашими глазами протекает рождение коммунизма.

Вновь приходится считаться с укоренившимися взглядами подчинения перед капиталом. Вновь перед нами несокрушимая на взгляд твердыня, освещенная веками традиций, обычаев, установившихся отношений и взглядов. На этот раз враг несравненно более грозный, несравненно более могучий, распространивший свое влияние и свою мощь на всю планету. Но нет такой силы на планете, которую не смогла бы свернуть революционная энергия и

стальная воля пролетариата. Вопрос времени, вопрос организованности, вопрос понимания нужд момента, но все равно—победа за нами.

Если враг более грозный, то и силы наши несравненно более мощны, чем те, какие мы могли противопоставить царизму. Если враг более искусный, более умный и более хитрый, то и опытность наша несравненно больше, и понимание нами вещей несравненно более глубокое, чем во время борьбы против огородного пугала — царизма.

Мы с полной отчетливостью начинаем понимать, что для победы против врага, организованного в мировом масштабе, вооруженного всеми способами и средствами, какие к его услугам предоставляют современная наука и современная техника, достигшие высокого совершенства, приходится и нам не только организовываться в мировом масштабе, но и вооружаться наукой и техникой в такой же мере, в какой ими вооружен наш враг. И более того: нам нужно создавать свою науку и свою технику, еще более совершенную, чем их наука и их техника.

У всякого времени, у всякой эпохи—свои задачи и свои возможности: сейчас нам не приходится довольствоваться революционными маневрами, как мы были вынуждены довольствоваться в декабре 1905 г. за отсутствием наличных сил и должной организованности. Сейчас мы должны быть готовыми к решительному бою не на живот, а на смерть.

Все меры должны быть употреблены на то, чтобы дать самым широким пролетарским, а затем и самым широким народным массам самое полное техническое образование в наикратчайший срок. Опыт показывает, что это возможно и что задача лишь в том, чтобы найденные методы из лабораторного масштаба произвести в масштаб массового производства.

Все меры должны быть приняты к тому, чтобы создать свою творческую технику, способную состязаться в отношении творческих результатов с заграничной техникой. Все данные для этого у нас налицо. Надо собрать лишь тот раздробленный, распыленный изобретательский и творческий людской материал, какой в изобилии имеется в стране, но который не имеет возможности развернуться и выявить себя за отсутствием руководящих технических красных центров, способных влить недостающие знания, поделиться своей конструкторской опытностью и указать наиболее короткие и совершенные пути к достижению цели.

Если эта мысль будет в должной мере понята, если ей будет уделена должная степень внимания и серьезной решимости, то в кратчайший срок— на протяжении каких-нибудь четырех — пяти лет мы сумеем подготовиться, вооружиться к предстоящему бою с мировым капиталом. Враг не застанет нас тогда врасплох, и битва, которая ждет нас, не явится декабрьскими революционными маневрами, но действительно последним и решительным боем, из которого Труд выйдет окончательным победителем.

М. Николаев.

Воспоминания начальника шмидтовской дружины.

Не на радость было появление мое на свет: ведь лишний рот усиливал нужду в семье.

С грехом пополам прожил в семье до 12 лет, к этому возрасту кончил городскую школу в Грузинах и, как кончивший с похвальным листом, поступил в ремесленную школу при Прохоровской фабрике на полный пансион, снявшись таким образом с иждивения уже измученного отца.

Ремесленная школа при фабрике вырабатывала будущих мастеров, администраторов; окончив в три года теоретическую и практическую учёбу, в 15-тилетнем возрасте я был уже мастером-администратором с жалованьем 50 к. в день. Даже в том возрасте мне этого было мало; заявил о расчете, имея в виду поступить на какой-либо механический завод, где я надеялся заработать больше. Администрация фабрики в лице даже самого хозяина С. И. Прохорова долгое время не рассчитывала, я стал саботировать, не зная еще, что это слово значит, а по сути дела проделывал то, что делают при так называемых итальянских забастовках. В конце концов все-таки добился своего, получил паспорт и стал вольный казак... Надежды на лучшие условия жизни оправдались: вскоре поступил на механический вагоностроительный завод в Мытищах, где в то время работал мой отец... и в первые же месяцы заработок стал выражаться, по тем временам, в кругленьких цифрах для моего возраста, а именно 40 — 50 руб. в месяц. Работа сдельная давала зарабатывать 300 р. и больше. Отец успокоился, стали жить дружно и поправляться. Весь заработок отдавал отцу, оставляя себе лишь 10 % на конспиративные от семьи расходы (это по уговору с отцом).

Ремесленная школа, давшая мне шлифовку, заставила как бы выделиться из общей массы. Я не играл в карты, не пил вина, не играл в орлянку и искал товарищей в среде, значительно превышавшей меня по возрасту и практическо-житейскому опыту... Вспоминаю с любовью и признательностью Евгения Ивановича Немчинова, еще до моего с ним знакомства отбывшего административную ссылку... Это первый мой крестный отец в политической жизни. Он и сейчас жив и работает в вагоностроительном заводе (слесарь-машинист). Вспоминаю его подход к обработке нас. Дал он мне под величайшим секретом, что бы вы думали? Евангелие Л. Н. Толстого в рукописи... И представьте, я, балбес, получивший все-таки почти среднее образование, несколько дней не решался начать читать. Ведь Л. Н. Толстой был отлучен постановлением святейшего синода от церкви, предан анафеме,

проклятию... как тут быть? а ну-ка, угодишь в преисподнюю! От отца и матери скрывал его на груди, даже, ложась спать, разрешил себе выпить для смелости и с внутренней дрожью все же начал читать. Вчитываясь, вдумываясь все глубже и глубже, освоился... уяснив себе ту тонко сотканную паутину, опутывавшую нас с рождения, с пеленок, державшую нас в духовном рабстве... Тайком просиживая ночи напролет, я переписал эту рукопись мелким убористым шрифтом, в свою очередь под величайшим секретом начал давать ближайшим товарищам, с предложением тоже переписывать, распространять. Правда, этого мало, но для начала развития кругозора брал я и другой материал, выявлявший хитрую механику государственного устройства.

Вспоминаю Фурлетова (кузнеца), Левина, Полякова (модельщика), братьев Мартыновых (слесарей), Сидорова (строгальщика), Белякова (сверловщика), Дубова (размерщика). Собирались мы частенько, разучивали на голоса марсельезу, дубинушку, и единственной темой было, как бы увеличить группу, создать кассу, библиотеку, как бы спаять всех в одну семью для противодействия сначала предшественнику (фамилию не помню) управляющего Лобунского (по прозванию Дубового), потом самому Лобунскому, начавшим скашивать %% заработков, расценки и т. п... Литературы в то время к нам не доходило никакой, и лишь личное знание Е. И. Немчинова, доверие к нему просвещало и спаивало нас.

В полосу зубатовщины организовали кооператив, принимали участие на зубатовских собраниях в Грузинском народном доме и других (Москва). О значении зубатовщины распространяться не буду; скажу кратко: правительство мечтало уловить нас в сети непротивления по линии политической, а на самом деле, вопреки своему желанию, способствовало созданию ударного кулака для прорыва сетей. Возможно, мечты царского правительства и оправдались бы, если не в полной мере, то, во всяком случае, отдалив момент своего поражения, но начавшаяся в то время работа Р. С.-Д. Р. П. открыла во-время глаза нам и на другую сторону борьбы, — борьбы политической; это было в период между 1896 и 1900 годами.

Период с 1900 по 1903 год включительно мне пришлось работать на юге в гор. Николаеве, Херсонской губ., на машиностроительных заводах Черноморском и Французском. Там я уже стал регулярно посещать кружковые собрания в 12-й слободке, на Херсонской улице и других местах. Припоминаю Троцкую, работавшую там; хорошо помню Плаксина Ивана, Желтенького, Павла Вайтковского, Вейса, Женю Вайтковского. В зрительной памяти есть еще целый ряд товарищей, но фамилий не помню. Устраивали собрания за Бугом в «Криницах», устраивали и на этой стороне в лесах. В последних числах мая 1903 г. подготовили забастовку на Французском заводе и провели ее довольно удачно, были удовлетворены все требования, как-то: удаление некоторых мастеров, сокращение рабочего времени, увеличение заработной платы. Сам адмирал Энквист приезжал с охраной для урегулирования затянувшейся борьбы. До сих пор представляется он мне, угрожающий сгноением в тюрьмах, брызжущий слюной из-под желто-седых усов и бороды; но как ни хворала, а померла угроза перед стойкостью, сплоченностью всту-

пившего в борьбу пролетариата. Правда, спустя неделю после возобновления работ, меня, Плаксина, Желтенького, Вейса, как делегатов, уволили с выдачей за две недели вперед и с последующим предписанием полиции немедленно убраться из Николаева. Но дело было сделано, арест не удался. Очутился я в Севастополе на постановке машин крейсера, в дальнейшем исторического «Очакова». Работал там в среде сормовцев, приехавших из Нижнего, схватил перемежающуюся лихорадку и вынужден был выехать в Москву. По дороге в Екатеринославе был поднят на улице в горячечном бреду одним из екатеринославских мастеровых, по случайному совпадению, братом николаевского тов. Желтенького. У него я встал на ноги, он мне помог деньгами на дорогу.

Наконец, опять в Москве. Поступил я здесь на электрический завод Бельгийского общества, ныне «Динамо», что под Симоновым монастырем. Тут же кружковая работа совместно с соседями котельного завода Бари; помню Михаила Булычева (имел каторгу в дальнейшем), еще целый ряд товарищей, по фамилии не припомню,—славных, милых товарищей по тому времени. Собирались мы и на вечерних курсах при заводе Бари и в Тюфелевой роще, используя каждый час, каждую минуту, каждого подающего надежды товарища для текущей и предстоящей борьбы за улучшение быта, условий существования. Работал я по сборке дуговых фонарей и приборов, не поладил с мастером и перебрался на Брестскую железную дорогу в мастерские. Помню: бывшего работника, писателя Лазарева (Темного), в дальнейшем заведующего канализационной станцией в Москве, Кукаева, токаря, Виноградова, слесаря,—помню приходивших к нам в мастерские и на квартиры профессионалов-партийцев: Топоркова, Николая Константиновича, организатора Копейкина, пропагандиста Сергея, агитатора из Бутырского района.

Мне лично не пришлось долго поработать: арестовали, это было в феврале 1904 года. Просидел в Арбатской части три с лишним месяца, а затем в северной башне Бутырской тюрьмы, камера № 5, откуда и был в административном порядке выслан этапом в Харьковскую губернию. Несмотря на кратковременное пребывание в одиночке северной башни, научился тюремной стуковой азбуке и свободно переговаривался с соседями по заключению. Обвиняли в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П., но, вполне понятно, впустую, ибо я не имел партийной книжки с отметками о правильности членских взносов, и если был виновен, то лишь в ненависти к существующему строю и в том, что признавал единственно верным способом борьбы—классовую организацию пролетариата, по заветам Карла Маркса, передаваемым из уст в уста старшими товарищами (повторяю, что соответствующей литературы не было, а попадавшиеся «Хитрая механика», «Пауки и мухи» и другая не все освещали). С напором, со скандалом удалось остаться в самом Харькове, ходя лишь еженедельно на отметку в участок. Первое время, не имея связи, поселился в Киевском подворье, это то же, что наш Хитров рынок; писал там за 2 копейки, за пятачок, а иногда и за пятиалтынный письма, прошения, варил русское первосортное масло,—состав его нижеследующий: 1 фунт действительно коровьего масла, 1 фунт подсолнечного, получалась смесь в 2 фунта, стоимо-

М. Николаев.

стью 56 копеек, т.-е. по 28 коп. за фунт, а продавал по 45 коп., только выбирал утро похолодней, а то масло таяло и покупатель подозрительно обходил. С месяц этак прокрутился. Радужные мечты начали осуществляться, получил работенку по проводке и установке трансмиссий на мельнице Молдавского, что на Журавлевке; познакомился к этому времени с Михайловским, Иваном Минаевым (оба получили каторгу по декабрьскому вооруженному восстанию в районе Екатеринославской жел. дороги), «Медведем» (фамилию не помню, рабочий паровозостроительного завода). Бог мой, какая радость! Пер-

вая получка и некоторый, так сказать, сравнительно с Киевским подворьем, излишек дензнаков; тут же пару белья купил и в баню, а на утро в воскресенье уже подыскана комнатка и дан за полмесяца задаток. Таким образом с «Хитровки» выбрался благополучно.

Кончив у Молдавского, подработал у фон-Дитмара на сборке новых универсальных жнейках-сноповязках; затем уж крепко устроился на казенном заводе в машинном отделении («Мономолька»). На крупных заводах, как-то: Паровозном, Гельферик-Саде не удалось работнуть, но связался кое-с кем, в особенности, в Гельферик-Саде.

Осенью 1904 года дали хорошую демонстрацию с применением стрельбы, каменьев и т. п. против наседавших конных отрядов полиций, жандармерии. Позднее осени устроили банкет, где Сазонов Анатолий [1]) сказал известную речь с тыканьем в портрет Николая.

После осенних демонстраций были большие аресты, я уцелел, продолжая работать в «Мономольке»... Вернулся снова в Москву. Как это ни странно, но, по всей вероятности, потому, что прежнего начальника мастерских не было, мне удалось поступить вторично на Брестскую железную дорогу в январе 1905 г. Пока еще мое дело по поступлению было в жандармском отделении, мы снова, значит, вкупе: Виноградов, Кубаев, Гришин, стряпаем сами на гектографе (а я мастер варить таковой) прокламашку, плюс требования к администрации жел. дороги о сокращении рабочего времени, увеличении заработной платы, удалении кое-каких мастеров и т. п.; распространяли их по мастерским, депо, на вокзале. Дело пошло на лад. Через два дня об'являем забастовку, предварительно проведя ночи напролет с видными, пользующимися влиянием в цехах товарищами; на подмогу к нам подоспел тов. Топорков, Николай Константинович, организатор в то время, член Московского К-та Р. С.-Д. Р. П. (б.); дали еще агитаторов, кличек не помню, помню только, что мне пришлось уговорить их не начинать с «долой самодержавие», ибо я уже по опыту знал, что такая штука с самого начала может сделать раскол в среде бастующих. Провел это дело: к счастью, попали сговорчивые, опытные ребята, у которых без употребления крикливой фразы логически получилось в конце концов, что царское самодержавие, это—та преграда к развитию пролетариата, которая должна быть в дальнейшем разрушена. Начальство сплотилось, приехала в мастерские и жандармерия, пыталась было меня арестовать там же, когда я стоял на скате и спокойненько вычитывал наши требования к администрации дороги (правда, поджилки тряслись, но это, наверное, от того, что неудобно было стоять), окружавшие не дали подойти жандармерии ко мне, подняв грозно вверх руки, а в руках-то были—у кого молотки, у кого подшипники, у кого тормозные колодки, краны, гайки и т. п., что, понятно, охладило пыл жандармерии. Благополучно удалось тут же по цехам выбрать представителей в так называемый общий стачечный комитет, для ведения переговоров уже детально. Это было уже 15-го—20-го января 1905 года. Вечером по цехам устраивали митинги, о которых я выше сказал;

[1]) Анатолий Владимирович Сазонов, б. народник, потом соц.-рев.

братва освоилась, сплотилась и, несмотря на затянувшийся характер переговоров, чрезвычайно больно ударивший по материальному положению бастующих, все же раскола не получилось: заставили администрацию выполнить наши требования полностью и заплатить за прогульное время. Спустя неделю, и отсюда, по циркулярному распоряжению министра Хилкова, меня уволили; хотела было братва бастонуть, но я отговорил, ибо не мытьем так катаньем возьмут...

Пришлось стать профессионалом. Работал в Городском районе в качестве помощника организатора; организовал конспиративные квартиры в Грузинах, на Георгиевской площади, в Волковом переулке. Устраивал собрания в Мытищах на водокачке, в лесах в Лосиноостровской; таскал ребят и на другие конспиративные квартиры каких-то сановных особ, что-то вроде княгини Гагариной, на Пречистенке, в Измайловский зверинец, в лески за Бутырской заставой, к Чугунному мосту по Москва-реке и в другие места. Помню—т.т. Агапова (организатора), члена М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б), Седого (Литвина), агитатора, Сергея, большого агитатора с Бутырок, Филина Филиныча (пропагандиста), Копейкина (пропагандиста), Баумана (агитатора), он иногда появлялся в нашем Городском районе, Алексинского (агитатора), опять того же Н. К. Топоркова (организатора) из рабочих, активно принимавшего участие в организационно-агитационной работе; вспоминаю Карасева Ивана (убит в декабре 1905 года), Румянцева Михаила (ранен в декабре), Колокольчикова Ивана, Лисина Александра, Иванова, Полякова Илью, Скворцова, Лыгина (оба получили каторгу), Золкина Михаила (прозвище «Горький»), получил ссылку на поселение, «Микадо» Алексея Васильевича, все—шмидтовцы; припоминаю еще Николаева Петра, Куваева, Виноградова, Гришина, с Брестской жел. дор., Клопкова, Иванова с Прохоровской фабрики, Шасина, Левина, Немчинова, Полякова, Фурлетова с вагоностроительного завода в Мытищах и мн. др.

Хорошее было времячко: движение ширилось, росло; полученная взмойка от японцев способствовала пробуждению широких масс; осмелела братва и валом валила на массовки. В результате, дотоле несознанный гнет выявился, оформился, и в отдельных конкретных требованиях к эксплоататорам началось чуть ли не повальное забастовочное движение. В средине лета поступаю на шмидтовскую фабрику в качестве слесаря на кроватные приборы, петли, замки; неважно, да, пожалуй, и не так нужно для производства, но, с ведома хозяина, Николая Павловича Шмидта [(зарезан администрацией в тюрьме по делу декабрьского восстания, член Р. С.-Д. Р. П. (б.)], меня провели по штату.

После кратковременной подготовки повели забастовку деревообделочников. Пред'явив незначительные требования к своему хозяину (у нас, шмидтовцев, условия труда оплаты были, несомненно, лучше других), оставили фабрику и стройной колонной пошли «снимать». «Сняли» бегетную на Горбатом мосту, брезентовую, здесь же недалеко в переулке, оказав им одновременно помощь в составлении требований. Перекинулись на Садовую, по направлению к Зибрехту; колонна шла быстро, назначение для полиции было неизвестно, и нам удалось добраться до ворот фабрики Зибрехта, хотя в несколько разжиженном виде (по дороге не вполне выдержанные отстали).

В воротах нас встретил пристав и ряд городовиков; не входя в длительные об'яснения (время дорого, полиция может усилиться), стали стрелять. Пристав, два или три городовых упали, остальные побежали, фабрика была оставлена, мы тоже быстренько рассеялись. В тот же день, числа и месяца точно не помню, на конспиративную квартиру пришла делегация от брестцев и просила помочь им провести митинг на Горючем поле в Грузинах, а также остановить движение поездов.. Провел митинг, получил заверение, как от отдельных представителей цехов, так и от всей присутствовавшей братвы, обещание поддержать нас. Занялся подготовкой вооруженного нападения на поезд. Собрал шмидтовцев, часть брестцев: Колокольчикова, Лыгина, Скворцова, Золкина, Николаева Петра, Виноградова и других, точно не помню, двинулся в ночь на ст. Кунцево, приготовив предварительно сигнальный фонарь.

План был таков: остановить сигнальным фонарем товарный поезд, отцепить паровоз, ссадить машиниста (я мог такового заменить), дать передний ход на сотню саженей и затем дать обратный ход, своевременно соскочив с паровоза, что вызвало бы, безусловно, сход с рельс паровоза и поломку вагонов, в свою очередь закрывших бы движение поездов на некоторое время. Это, при наличии имевшегося желания брестцев провести забастовку, было им на-руку и могло подбодрить дотоле нерешительных... Глухая ночь, моросит дождь... Мы в кювете по полотну железной дороги между станцией Кунцево и Немчиновским постом. Знаем, что скоро должен показаться товарный поезд; красный фонарь наготове, зажжен, но закрыт одеждой. Рассуждаем о возможном сопротивлении поездной бригады, жертвах, взвешиваем свои силы. Решили отбросить, в случае надобности, всякие сантименты... По полотну слышим: идет ближе... ближе... совсем недалеко... Чорт возьми, что же его не видно? Наконец, вынырнули из глухой тьмы два светлых глаза фонарей, обрисовался силуэт паровоза, но так близко, что пущенный в ход наш красный сигнальный фонарь не мог сослужить той службы, которую мы ждали от него. Отсутствие тормозов Вестингауза в товарных поездах не позволило машинисту произвести быструю остановку и поезд продолжал двигаться почти с такой же нормальной скоростью, поровнявшись с нами. Что делать? Открываем стрельбу по паровозу и вдоль поезда; раздались тревожные гудки, машинист сообразил, в чем дело, прибавил ход. Этой ночью в районе Кунцева можно было слушать славный концерт: трескотню маузеров, браунингов, бульдожек, тревожно испуганные и злобно вызывающие людские крики, стон всех гудков, свистков, какие только могли быть извлечены из медных пастей сигнальных приборов... Вот и хвост поезда, посылаем в догонку проклятие и несколько пуль; держим совет, куда путь держать. Через Кунцево и Чугунный мост теперь не проберешься, решили дернуть по полям. И вот, без компаса, без звезд пошли, как говорится, «на фарт»...

Где-то лаяли собаки, стучали колотушки обходных деревенских сторожей; мы вязли в глине, падали в канаву, темь—зги не видать; наконец, добрались до твердого грунта и вскоре вышли на дорогу. Забрезжил предутренник, огляделись, положение определилось: идем в Дорогомиловскую заставу. С рассветом были в Дорогомилове, где разошлись в разных направлениях.

С'емка с фабрик, нападение на поезд, в известной степени вкупе с другими событиями, способствовали развитию второй забастовочной волны—второго предоктябрьского периода.

Через два—три дня получили явку для поездки в Петроград... Отдельные перемежавшиеся забастовки фабрик, заводов, железных дорог, как отдельные ручейки, под руководством и направлением, главным образом, Р. С.-Д. Р. П. (б), слились, наконец, в один мощный поток—всероссийскую забастовку. Тогда вся промышленная жизнь страны замерла: ни стука молотков, ни дыминки из маячавших в небе фабрично-заводских труб, ни регулярного своеобразного грохота поездов, за исключением специального назначения по переотправке демобилизованной армии с далеких манчжурских полей, ни свежеиспеченного хлеба, булок, за полным прекращением работ хлебопекарен, и полнейшая остановка не только магазинной, но и рыночной торговли; пролетариат выбросил решительный вызов изолгавшемуся правительству. В результате—манифест 17-го октября 1905 года. Октябрьские дни я провел в Петрограде, работал по Нарвскому району. Ночевками пользовался и у Алексинского, за Невской заставой, и у одного из путиловцев, за Нарвской заставой (концы подходящие!); работал по усилению профорганизаций (начиналась такая полоса). Помню начавшиеся шаги правительства в сторону ликвидации свобод 17-го октября, помню треповское — «патронов не жалеть», митинги, демонстрации, протесты, кронштадтское выступление матросов, но все это так переплелось, что специально выдающихся моментов обособить не могу; помню демонстрацию по Гороховой, где я был изрядно помят при столкновении с полицией; помню 5—7 тысячный митинг в Технологическом институте, где на ряду с тов. Троцким и другими выступал я; помню собрание в Соляном Городке, митинги на площадях университета, дискуссию в Экономическом обществе, где тов. Ленин клал на лопатки эс-эров и эс-эрствующих, межрайонное собрание на Выборгской стороне, с участие тов. Ленина. Вспоминаю его по тому времени, безбородого, с небольшими светлыми усиками и таким же оголенным черепом, как и в данное время. Уж тогда проглядывала цельность натуры, выдержанность, властность вождя, и одновременно, ничем как бы необ'яснимое, обожание, влечение к нему, вера в его опыт, знание.

В половине ноября получил письмо из Москвы от шмидтовцев с предложением вернуться на фабрику. Петроградская работа не удовлетворяла меня, и к концу ноября я снова в Москве, на мебельной фабрике Шмидта. Здесь, в Москве, настроение рабочих тверже, идет усиленная подготовка к решительному отпору—наступлению.

В ночь под Николу, с 5-го на 6-е декабря, в Фидлеровском училище созывается межрайонное собрание, где после непродолжительного, но глубоко вдумчивого обмена мнений решено начать забастовку с возможным переходом ее в вооруженное восстание. Останавливаясь на этом историческом периоде, скажу, что строго, определенно, детально выработанного организационного плана у нас, даже передовых рабочих, не было, не было дано и из руководящего центра.

На каждой фабрике, правда, были задолго организованы боевые дружины, но они были самостоятельными единицами, и даже в таком важном районе, как Пресня, отдельно существовали: мамонтовская, прохоровская, шмидтовская дружины; лишь к концу восстания и началу встрепки у нас, шмидтовец, завязалась организационная связь с прохоровцами, во главе сил которых стояли—т.т. Седой (Литвин) и «Леший»; работал там и известный меньшевик под кличкой «Медведь». Тов. Седой в дальнейшем об'единил нас всех, став во главе боевых сил всего Пресненского района, но было поздно. Когда дело подошло к развязке, мы определенных заданий не имели и были предоставлены как бы собственной инициативе. Возможно, что в центре все было разработано, но связь с центром, может быть, и по конспиративным соображениям, была слишком жидка.

Вспоминаю девушку-интеллигентку. Она с нами, шмидтовцами, построила не одну баррикаду, провела не одну бессонную ночь в общих постовых дежурствах. 7-го декабря, с утра, фабрика в целом стояла, но была битком набита народом, не только шмидтовцами, а и постороннними; кузница работала. За недостатком наковален и кузнецов оттягивали сами и на каменных плитах острия напильников просто пруткового железа, вооружаясь кто чем смог и кто на что горазд. После обеда решили всеми силами и способами дезорганизовать правительственную власть; усилили имеющуюся боевую дружину охотниками-добровольцами беспартийными, вооруженными холодным оружием, пояснив, что огнестрельное оружие можно взять с боем в дальнейшем; тут же на фабрике начали учёбу: стрельба в цель, метание гирь на расстояние, бросание напильников в цель так, чтобы острие впивалось в доску, удлиняя шаг за шагом и расстояние.

Так-то это так, ну, забастовали... а дальше что? к хозяину никаких требований нет, поднимай выше,—об'явили войну самому царскому правительству... С чего же, однако, и как начинать?.. Посудили, порядили и остановились на предложении «снимать с постов городовиков»...

Постановлено—сделано... Вечером 7-го декабря проделали опыт: сняли с Горбатого моста и других ближайших переулков. На перепутьи, к последнему из них прикатила городовикам помощь со стороны Зоологического сада, началась жаркая схватка, — посты и помощь потерпели и здесь полное поражение, никто из них не ушел, если не все были положены на-смерть, то все же ни одного бежавшего или стоявшего на ногах не осталось... Вооружение наше увеличилось. Помню, обойма моего маузера была настолько помята, что пружина не могла принять вкладываемых патронов. Повреждение это получилось в конце боя, когда вступили в рукопашную...

Первая победа нас воодушевила. Что ж, драться, так драться по-настоящему, не резолюциями... Организовали штаб ночевки тут же при фабрике, сами жарили, варили, ели из одного котла.

8-го декабря везде и всюду проходили митинги, но ни о каких баррикадах помину еще не было; 8-го наш дружинник Лыгин, бывший зачем-то в городе, «всыпался» вечером; он вздумал на Новинском бульваре в одиночку снять пост; пост-то он снял, но на беду подоспела помощь соседних постов—

и парня сгребли, скрутили по рукам и ногам. Это мы узнали потом. Стройной организации и соответствующей дисциплины введено еще не было.

9-го декабря проходил большой митинг в Аквариуме, после его разгона, после арестов началась баррикадная работа.

Был дан лозунг,—казаков не пропускать с Ходынки, а жандармерию бить в городе, стягивая кольцо к губернаторскому дому.

На солдат мы почему-то надеялись, думая, что они или присоединятся к нам, или, в худшем случае, останутся нейтральными...

«Ваяй, ваяй!», раздаются картавые, возбужденно радостные голосишки маленьких ребят. Вечером 10-го декабря на Кудринской-Садовой улице подрезанный на аршин от земли телеграфный столб все-таки не упал совсем, вися на сети проволок, и один из хлопцев с напильником в зубах лезет к фарфоровым чашечкам, чтобы перепилить провода. Столб вот-вот рухнет, а детвора танцует под ним, похлопывая рука об руку от мороза.

Темнота... электрическое освещение не работает, а газовые фонари побиты; почтовые ящики посорваны, снимаются ворота, тащится рухлядь, ящики, бревна, вывески засыпаются снегом, подносят воду, поливают, соображая, что когда обледенеет, крепче будет,—так строилась баррикада между Кудринской площадью и Триумфальной. У нас, шмидтовцев, была группа с пилами и топорами,—дело спорилось. В постройке баррикад принимало участие и широкое население, частью косвенно, частью непосредственно, с той лишь разницей от дружинников, что следует показаться тому или иному отряду казаков, жандармерии, то на баррикадах остаются только дружинники, остальные же—в подворотни. Совершенно незаметно, сами по себе, забастовки стали переходить в настоящее вооруженное восстание; подробных записей не вел, чрезвычайно трудно указать теперь точные даты тех или иных эпизодов.

Помню, дружиной, не более 15 человек, мы, шмидтовцы, пошли брать участок на Малой Грузинской улице, и пока докатились до него—превратились в добрую сотню; без особых эксцессов и труда обезоружили находящуюся там власть. Падала на колени эта, разных степеней и рангов, растерявшаяся власть, думая, что мы тут же и покончим с ними расчеты—расстреляем их. Но наше до глупости великодушничанье оставило их в живых, повредив нам же при судебных процессах в дальнейшем.

В этот же день, при возвращении к фабрике, нам перерезал путь отряд казаков; мы шли по Волкову переулку, а они расположились у выхода его на Большую Пресню. Случилось это неожиданно для обеих сторон. Дали нам сигнал «расходись!», хоть и шли-то мы тройками, гуськом, со значительными интервалами, по обеим сторонам улицы, и было-то нас не более 15 человек, и оружия, как-то: винтовок, ружей на виду не было, все же показались подозрительными—и казачий отряд выстроился. Мы быстрой перебежкой исполнили «расходись», но по-своему, т.-е. залегли под тумбы и другие прикрытия. Горнист сыграл в наступление, казаки открыли огонь, мы ответили... Видим, замешательство, двое—трое сваливаются с коней, другие спешиваются, подхватывают и давай ходу. «А, сволочь, вы на безоружных только храбры!», раздаются торжествующие возгласы с нашей стороны. Пускаем

вдогонку еще несколько пуль, отряд скрывается в сторону Зоологического сада, захватив с собой раненых и убитых.

Их поразила наша меткость и дальнобойность, они, в худшем случае, допускали, что у нас—бульдожки или смит-вессоны, а напоролись на маузеры и браунинги...

Идет постройка баррикад на Георгиевской площади и других местах, с'емка городовиков, стрелявших с пожарной каланчи Пресненской части (эту с'емку мы организовали, установив дежурство на чердаке одного из зданий шмидтовской фабрики, где использовали слуховое окно, откуда, как на ладонке, видна была вся каланча); идет с'емка караула и смена караула у острога по Проточному переулку, где было с бою взято нами несколько винтовок и где был ранен, оставшись в дальнейшем без руки, Михаил Алексеевич Румянцев (шмидтовец). Идет постройка баррикад на Арбате и стачка там же с отрядом пехоты, где был убит Ваня Карасев (шмидтовец), а я ранен разрывной пулей в ногу; изо дня в день бессменное дежурство и целый ряд других эпизодов сливаются в одно целое напряженнейшей борьбы без особых выделений лиц, фактов.

Восстановилась связь с прохоровской дружиной. К этому времени и наша шмидтовская дружина увеличилась: присоединились фармацевты, брестцы, но одновременно стали поступать и тревожные вести: «такой-то район приступил к работам», «такой-то район прекратил боевые действия», и по подсчету выяснилось, что на боевом положении только мы (Пресненский район), хоть и об'единенные; наконец, создалось общее руководство в лице тов. Седого (Литвина), но все же были только прохоровцы, шмидтовцы, брестцы, грачевцы, мамонтовцы, т.-е. одни пресненцы. Стали поступать сведения, что из Петрограда двинулись на Москву Преображенский и Семеновский полки.

Упражняясь каждый свободный час в метании на дальность расстояния пяти-, десятифунтовых гир (у нас были бомбы), мы мечтали сказать словами Максима Горького: «Безумству храбрых поем мы славу...»

С бомбами, которые дальше 50—60 шагов не бросишь, с бульдожками, емитами, отчасти винтовками, с маузерами и частью одного только района против дисциплинированной армии, дальнобойных орудий... воистину, славное времячко было: были силы, была смелость. За два—три дня до окончательного разгрома узнали, что есть постановление центра: «Приступить с понедельника к работам», ибо по всем другим районам восстание ликвидировано; это было в пятницу, числа точно не помню, а что именно в пятницу, помню потому, что некоторые из дружинников, шутя, говорили: «Завтра суббота, помоемся в бане, а потом нас попарят семеновцы или преображенцы, а может быть, оба полка сразу». Помыться, понятно, никому не пришлось, а от парки уйти удалось немногим.

Глухой ночью посыпался пулеметный огонь со стороны Новинского бульвара... Я был разбужен прибежавшим постовым дежурным (дружина не была еще распущена), обстреливалась наша фабрика. Наскоро посоветовавшись, решили ждать подхода войск ближе; темь—зги не видно. На Горбатом мосту

и дальше никого нет, обстреливают, вероятно, с Новинского бульвара или Девятинского переулка. Прождали с час; начался шрапнельный огонь... Чуть забрезжило рассветом, стали видны взрывы в штабелях заготовленного сухого строительного материала; местами показались огненные языки, а врагов своих все-таки не видим, стрелять без цели бесполезно. Снова посоветовались и решили перейти к прохоровцам; по дороге встречаемся с отрядом и отдельными товарищами прохоровцами, опрашиваем: «как дела? что решено?»— Велено сниматься и уходить. Сразу внутри что-то как бы оторвалось, сразу все стало совершенно безразлично... Шрапнельный огонь крыл уже по Средней Пресне. Снаряды рвутся над головами, валятся срезанные сучья деревьев, идешь и только машинально наклоняешься, нет никакого желания беречься. Добрались до 2-й своей штаб-квартиры Михаил Залкин, Иван Колокольчиков, «Микадо» Алексей Васильевич, я и другие товарищи, фамилий не помню...

Я и Колокольчиков решили уходить из Москвы совсем, ибо как его так и меня полиция знала, как облупленных. Простившись со всеми, как прощаются навсегда, пошли к Прохоровской фабрике, наметив маршрут через Москва-реку, Драгомиловскую заставу.

Уже рассветало... По Москва-реке шли несколькими группами; фабрика Шмидта была вся в огне... река обстреливалась и некоторые падали, судорожно зарываясь в снег... опять-таки все было безразлично.

В Дорогомиловской слободке в одной из парикмахерских привели себя в порядок; у меня была сильно выделяющаяся шевелюра. Жестикулируя и рассуждая на улице как ни в чем не бывало, пришли к заключению, что все-таки без паспортов, без гроша в кармане уходить из Москвы, да в такое время, совсем уж неразумно. Как быть? Где достать?..

И вспомнили мы здесь давно не бывавшего на фабрике владельца ее, Николая Павловича Шмидта; позволю себе остановиться на уважаемыми всеми рабочими лицах—Н. П. Шмидте и его сестре Екатерине Павловне Шмидт. Молодой студент, только что вступивший во владение фабрики после смерти отца, он был очень отзывчив на все нужды рабочих. Сам натолкнул на мысль и дал средства на открытие при фабрике специальных «общеобразовательных курсов». Предлагал нам войти в пай, т.-е. как бы стать акционерами (акции— свой труд), учитывать стоимость производства, контролировать таковое, участвовать в прибылях, и, по всей вероятности, это было бы проведено в жизнь, как опыт (мы ничем не рисковали), но события помешали.

Если шмидтовцы и бастовали, то без пред'явления требований к владельцу фабрики, бастуя лишь из солидарности с теми или иными предприятиями, преследуя цели, главным образом, политические. Вот почему вся злоба разного ранга жандармерии особенно обрушилась на шмидтовцев в целом и на владельцев фабрики—в частности. Сестра его, Е. П. Шмидт, также была близка к рабочим по культпросвет работе. Так вот к ним-то я и Колокольчиков решили обратиться за помощью. Нужно же было дойти до такого состояния безразличия и риску, чтобы итти на Новинский бульвар, откуда все еще продолжался обстрел Пресни.

Н. П. Шмидта мы не застали, он был накануне арестован и куда-то отправлен; встретила сестра, чрезвычайно удивившаяся нашему безумному поступку, у ней укрылся только что тяжело раненый наш же шмидтовец Илья Федорович Поляков. Выслушав нас, она принесла пару паспортов, дала по 25 руб. денег и благословила в путь... а на нашем пути отрядами солдат (семеновцев) и пожарных разбирались, сжигались, ломались возведенные революционным пролетариатом и долго стоявшие баррикады.

Пройдя через Серпуховскую заставу, пошли пешком в Подольский уезд. Сухановскую волость, к родным тов. Колокольчикова, где устроили передышку на несколько дней. Затем дернули в Петроград, пока была удача; несмотря на чрезвычайный сыск, охрану, проверку документов на станциях жел. дор., все же арестованы не были. В Петрограде, получив явку на Одессу к тов. Цейтлину, я расстался с тов. Колокольчиковым, но в Одессу не попал, а волею судеб прибыл в Вологду (охотники гнались и гончих стая, почему пришлось маршрут изменить). В Вологде поселяюсь у петроградца столяра тов. А. И. Медведева; там жизнь еще била ключом. Выступаю на литературных, музыкально-вокальных вечерах с декламацией «9-ое января» и другими соответствующими вещами в Народном доме; припоминаю семью Девятковых, работавших в то время в Вологде. Устроиться работать по специальности не пришлось; брал переписку из Губ. Зем. Управы, вел статистику жилых и нежилых стоек крестьянского живого и мертвого инвентаря и кое-как перебивался. Весной черносотенцы подожгли Народный дом; мы устроили демонстрацию включительно до перестрелки с полицией; сгорела также мастерская тов. Медведева, и я вскоре выезжаю на Волгу.

Забравшись на пароход без билета, «всыпаюсь», но меня, как специалиста, не ссаживают, а заставляют отработать в машинном отделении, против чего не возражаю. Добрался до Нижнего, там пересаживаюсь, на пароход, тоже без билета, на корме; разыскивая место, где укрыться, натыкаюсь на одну большую бочку, непрочно стоявшую, подталкиваю, с края—вижу приподнимается и как бы пустая, заглядываю вниз, ноги, соображаю... решил, что на двоих хватит, просовываю голову и слышу матерную брань... «ничего, ничего, не волнуйся, потеснись только»; так знакомлюсь с одним из бежавших матросов броненосца «Потемкина» (броненосец «Потемкин» ушел со всей восставшей командой в Румынию под осень 1905 года).

Периодически вылезая и прячась от контроля, мы благополучно добрались до Астрахани. Здесь также без билетов катером перебираемся на 12 футов, это — стоянка, к которой подходят морские пароходы. Удачно втискиваемся на морской пароход и мы через 2—3 дня в Баку; нужно было держаться на Одессу. Жрать нечего... ни у него, ни у меня ни гроша; необходимо во что бы то ни стало достать деньжат. Подрядился я у хозяйчика механической мастерской на Биржевой площади и отгрохал неделю без прогула; ночевал все время в притонах той или иной харчевни; взял маленький аванс у хозяина (по расценку знаю, что заработал ему в 3—4 раза больше, чем он мне заплатил); деньжата собрались и мы тронулись дальше. От Баку до Поти, от Каспийского, значит, моря до берега

Черного моря мы проехали по Закавказской жел. дор., не заплатив ни одной копейки. Обыкновенно заходили несколько вперед отправляющегося поезда, на ходу вскакивали, если на товарный, то на цистерны, коли на пассажирский, то разыскивали вагон с лесенкой и забирались на крышу; главным образом, ехали ночью. Раз было очень жутко: под утро видим вдалеке арку моста на пути, как ни успокаивали себя, что ведь и раньше вагоны проходили под ней, все казалось—вот-вот срежет; прижались к крыше, слившись как бы в одно целое, просветлело, прошумело что-то; очнулись, опасность миновала. Переживали хорошие минуты, представьте: справа на расстоянии какой-либо сажени от мчащегося поезда с нами высятся отвесные скалы, взглянешь—шапка валится, слева также близко провал, пропасть, а там вдали серебрится река Кура. Впереди виднеется крутой загиб пути за скалы, путь совсем скрылся; вот-вот поезд соскочит и полетит к чорту на кулички, красиво, чорт возьми, жутко и приятно.

В промежуток между остановками на какой-то реке, кажется Арагве, стирали белье, купались, а за время купанья белье, расстеленное на камнях, высохло и мы, освеженные, умытые, снова тронулись в путь. Пролетели знаменитые Михайловский, Сурамский туннели, наконец, Поти (приморский порт на берегу Черного моря). Надежды, что удастся сесть на пароход и податься прямо в Одессу, не оправдались. Пролетариат юга был еще силен, активен. Проходила как раз забастовка черноморской флотилии, ни один из пароходов, стоявших в Поти, не дымился.

Попытались было на иностранное судно устроиться—маячили, маячили, номер не прошел. Задерживаться в Поти при такой обстановке сочли неосторожным, тронулись на Сухум-Кале пешком по берегу Черного моря. Пришли в Сухум, движение все еще не начиналось; прем дальше по направлению к монастырю Новый Афон. Днем, раздевшись до нага, белье на голову или за плечи, величественно шествуем под палящими лучами южного солнца по колена, а то и выше в взморье. Дико, пустынно кругом; иногда спугнешь орла или орленка, примостившегося где-либо невдалеке, нарвешь жимолости (род малины), лычи (род сливы), подкормишься. Вечером, выбрав поудобней местечко, разгребешь в раскаленном песке ямки, заляжешь в ночевку и засыпаешь под шум перебираемых морской волной камешков, ракушек.

Перебрались вплавь через попадавшиеся реки, как, например, Кадор и другие; прошли тоже береговой монастырь Дранды, дошли до Нового Афона, а пароходов все еще не видно. Как быть? Нанялись работать в монастыре. Чудная природа, хорошая пища, сносные условия работы, живи да хвали всевышнего и благость его; под окнами монастыря — апельсины, лимоны, немного подальше—инжир (винные ягоды), лыча, кизель, тут же под боком баклажаны, арбузы, виноград. В обед подают красную рыбу, манную кашу с сахаром, в праздники полагается стакан крепкого виноградного вина из глубоких монастырских погребов. Снова путь. На пароходе «Витте» держу курс на Одессу; товарищ соблазнился, остался в монастыре; я также без билета, но, войдя в стачку с пароходной братвой, ночевал вместе с ними в

кубрике; узнал, как можно быть сыту, пьяну и нос в табаке, получая при этом ничтожное жалованье: «нечаянно» в трюме при разгрузке уронить груз и посыпятся апельсины, лимоны, брынза (кавказский сыр) и т. п.

Пароходная братва дружная: работает и живет на близких к коммунизму началах.

Вот и Одесса; разыскиваю по петроградской явке тов. Цейтлина, оказывается, «выбыли»; еду в город Николаев, где раньше работал, как указано выше; разыскал рыбака Войтковского, его сыновей; Женя Войтковский уже сидел (в дальнейшем он получил каторгу и был убит кем-то в Сибири), другие сыновья: Николай, Павел-хромой работали на Французском заводе. Оставляли в Николаеве, но постеснялся, там меня знала полиция. Получив явку в Одессе, установил связь и только начал входить в работу, как был арестован. К этому времени, вследствие поражения пролетариата, особенно развилась работа анархистов различных оттенков, индивидуалистического характера, которые устраивали эксы за эксами; мой облик, повидимому, подходил к эксовику, ибо, не вступив еще на работу, без видимой как бы причины, на углу Михайловской и Степовой улиц был остановлен на «прицел» с командой «руки вверх». При обыске в участке пристав обратил внимание на карту Европейской России, где у меня на полях нарисован целый ряд геометрических фигур (явка была дана в трехугольный переулок). Пристав, аллах его ведает, почему-то решил, что это ряд намеченных, а может быть, и уже проведенных эксов... Предварительно продержали в части, сфотографировали и вследствие моей попытки к побегу перевели в тюрьму (Кресты); это случилось в августе месяце 1906 г.; я сел по «липе» на имя Савелия Никифоровича Ефремова, Первозыбовского мещанина Черниговской губ., исколесил по России по ней благополучно, но тут «всыпался». Итак, стремясь снова к революционной работе, стремясь отомстить за понесенное поражение в декабре 1905 года, стремясь к родной партии в целях кропотливого восстановления расстроенных рядов для продолжения и развития борьбы с ненавистным игом самодержавия, с игом капиталистического строя, сел в тюрьму, не успев ничего путного сделать. Для меня одесская тюрьма 1906 г. показалась хорошей гостиницей сравнительно с Бутырской тюрьмой 1905 года.

Камеры не запирались, на кругу танцулька, свободный вход во двор на прогулку, свободный приход посторонних, хозяйственная артель, великолепная пища, солидная библиотека, свободные собрания по камерам, дискуссии; припоминаю тов., кличка «каменщик», эсдэк, комитетчик, в камере у которого дневали и ночевали в дискуссиях; вспоминаю старосту анархиста Гершковича, встречался с ним потом в ссылке по Лене (он имел каторгу и отбывал, кажется, в Смоленске). Накануне перед моим прибытием в тюрьму, по приговору военного суда, в ее стенах расстреляли известного по тому времени анархиста тов. Тарло. Вскоре в ее же стены водворили группу портных по какому-то делу.

Явился с солидной охраной тов. Краморов—смертник, взятый не помню по какому делу; он был так отшлифован придержащей властью, что из всего его полуторасаженного роста виднелись только глаза; голова предста-

вляла сплошной бинт; припоминаю кисло-сладкую фигуру надзирателя Золоторенко, пригвоздившего форточки и двери; вспоминаю длительную голодовку, битье посуды и окон по этому поводу.

К концу 1906 года личность мою раз'яснили.—Итак, значит, вы продолжаете именоваться Савелием Н. Ефремовым?—угощая сигарой, спрашивал жандармский ротмистр,—кстати, не знали ли вы А. С., Н. О., С. Н., К. С. Николаевых, а, возможно, и Михаила Степановича Николаева?—сыпал ротмистр, захлебываясь от радости.—Быть может, пожелаете личную ставочку сделать, можно затребовать. А? Не признаете ли вот эту карточку, снятую с вас в Бутырской тюрьме в 1904 году?—Крыть мне было нечем, да система сыска была у них поставлена хорошо. Ведь никаких документов, материалов, свидетельствовавших о моей причастности к революционной деятельности, при мне не найдено, сам я себя выдать не мог и заранее решил судиться, в крайнем случае, как бродяга, что могло дать самое большое год—полтора арестантских рот; делать нечего, номер не прошел. С ближайшей партией отправили в Москву, в распоряжение судебного следователя по важнейшим делам, который, к слову сказать, давно разыскивал меня путем публикации в столичных «Ведомостях» и другими способами. Первое время поместили в Басманной части; сидело по 3—4 человека в одиночке; несмотря на темноту, а может быть, в силу ее, мы пользовались относительной свободой; подбор надзирателей был удовлетворителен, обычно до прихода смотрителя камеры не запирались. Прогулка была общая, ежедневная, по часу и более, пока самим не надоест; допускались игры, увлекались особенно «чехардой» и «малороссийским козлом». Повывихали руки, ноги, шеи. Смотритель хоть и вредный был старикашка, но боялся нас и избегал столкновений; вспоминаю одновременно сидевших: Наташу Кистеневу, «Богомаза», «Карикатуриста» (фамилии не помню), Виноградова.

Как ни хорошо в тюрьме, а хотелось на волю. Достали через надзирателя взломочный инструмент, эссенции; сначала с «Богомазом» пытались пробить наружную стену, ничего не вышло; тогда перебрался в камеру Виноградова, там нам удалось проломать печку с выходом на чердак и, наверно, ушли бы, да неожиданно вызвали в баню, и как ни был искусно замаскирован пролом, все же смотритель обнаружил—нюх имел, проклятый.

На другой же день меня и Виноградова в срочном порядке перевели: меня—в Бутырскую, его—в Таганскую тюрьму; это было в начале июня 1907 года.

Бутырки! Как славно звучит это имя! В памяти план Бутырской тюрьмы рисуется так:

1) Северная башня, где я сидел в 1904 году.

2) Камера № 86, где я сидел с июня 1907 года по октябрь 1908 года включительно.

3) Мужской корпус одиночек.

4) Каторжное отделение.

5) Пересыльное отделение.

6) Женские одиночки.

7) Дворы для прогулок.

8) Церковь.

Отвели мне камеру № 86 в углу... Справа от меня сидел Анатолий Королев, бывший ученик Комиссаровского училища, налево через пару камер «Папаша» Соколов, внизу под ним—Данилов, сзади—длинный Романов, максималист, кажется, по делу Эфроса, внизу подо мной—поэт, фамилию не помню, и много-много других славных ребят. Вспоминаю тов. Фельдмана, нашей военной организации.

Режим крепчал... К окошку не подойди, подстрелят, громко не говори, даже сам с собой, стучать переговариваться с соседями не смей.

Любил я голосить, бывало завоешь: «Ах, ты, мой сад» или «За Уральским хребтом» или «Летят в синие облака». Ту-ту, как раз меня, пожалуйте в карцер; сперва сходило, а потом всерьез начали таскать, не знаю, кому какие карцерные уголки попадались в нашем тюремном обиходе. По удаче я попадал несколько раз в один и тот же; ведут через внутренний двор каторжного отделения, идешь по каким-то коридорам, спускаешься куда-то вниз... Скрипит замок, открывается мокрая дверь и тут же от пинка летишь куда-то, иногда устоишь на ногах, иногда нет; с визгом захлопывается дверь, абсолютно ни зги; пробуешь подносить палец к глазам, тычком, авось, дескать, увижу—ничуть не бывало, хоть выколи... чувствуешь только, что руки мокрые в грязи; начинаешь пятиться назад... доходишь до стены, откуда пришел, избираешь путь вправо или влево; идя ощупью по стене, на что-то натыкаешься... делаешь предположение, что это «параша», переступаешь дальше, ноги опять уперлись, но пониже прощупываешь как будто деревянный настил на четверть от пола. От радости вспоминаешь о спичках.

Несмотря на предкарцерный тщательный обыск, удается проносить почти одни головки спичек, лишь бы ногтями можно придерживать, и маленькие обрывки кожуры от спичечной коробки (целую коробку не спрячешь); листки папиросной бумаги, табак—обычно рассованный, хранятся на всякий случай по разным заплаткам, уголкам бездонных карманов, обшлагам и т. п.

Чиркнул... Бог мой, как хорошо: после абсолютной темноты сразу целый костер света, под носом... Сигарка то раздувается, то попритухает. Входишь в раж... начинаешь стучать, нет ли кого по соседству? Молчание, ну, ладно, удовлетворяешься и одиночеством. Порой вскоре, порой с сознательным промежутком открывается форточка, брезжит свет: это принесли шайку воды и кусочек хлеба. Сколько раз ни сидел, как ни изловчался, никогда не удавалось сберечь хлеба от крыс... не зная, выдадут ли завтра хлеб, отказываешь себе сегодня, оставляя часть про запас, однако, только забудешься, а тем более заснешь—конечно базар: ни крошечки не оставят; бывало, лежишь для интереса спокойненько—царап, царап, чувствуешь, одна, другая забираются на ноги, грудь, жутко станет до ужаса, а что как их здесь тысячи... Не выдержишь, вскочишь и начинаешь бесноваться. Сколько раз в погоне за ними проливал шайку, оставался без капли воды и все же был рад, когда снова появлялись они. На четвертые сутки дают прогулку; на ходу в коридоре еще чувствуешь себя ничего, выйдя же на улицу сразу зашатаешься;

это снопы света, ударив в глаза, валят с ног. Несмотря на то, что в этот день дадут горячей пищи, все же 2-я половина недели кажется еще тяжелей; хорошо, коли на счастье сосед по карцеру появится, ну, тогда хоть и через стену вдвоем накричишься, наругаешься, узнаешь новости и сиплым голосом, но запоешь. Кончив недельное наказание, выходишь из карцера с сознанием собственного достоинства, намотав, однако, кое-что на ус...

Пройдет месяц, другой, забудешься,—опять за то или иное нарушение правил внутреннего распорядка тащут голубчика на исправление; в конце концов, как беспокойного, перевели в коридор «смертников» (нижний этаж камера № 19),—в противоположной стороне от прежнего места жительства и несколькими этажами ниже. С переводом вниз я выгадал: здесь легче было ловить голубей... Правда, я ловил их и на той стороне сверху, но здесь внизу все было больше шансов на удачу; спустишь обычно ниточку с заготовленной из волоса петлей и караулишь; редкий день охота не удавалась, не поспевали и часовые мешать.

Мясо голубя даже не проваренное, а лишь выдержанное в кипятке, есть можно, и оно служило дополнительным блюдом к тюремной баланде.

В тюрьме мне пришлось много пережить, перестрадать. На воле некогда было самоуглубляться в процессе повседневной работы за кусок хлеба и прямой революционной деятельности. Взглянуть пошире и поглубже на человеческие взаимоотношения в части—не пришлось, и если революционная деятельность проходила под знаменем Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), то это не по глубокому и вполне определившемуся сознанию, что только это знамя указывает верный путь к освобождению от гнета и эксплоатации человека человеком; были и другие ведь знамена, как-то: знамя партии социалистов-революционеров, анархистов и других, которые также считали себя социалистами и свой путь борьбы вернейшим... Думаю, что принадлежность к той или иной партии в нашей рабочей среде впервые определялась той первой связью с представителем первой появившейся в поле зрения партии; в дальнейшем связь крепла, но все же она была непрочная.

Этим, пожалуй, можно об'яснить те имевшие место колебания, переходы из одной партии в другую, неустойчивость, которая в особенности проявилась после поражения в 1905 году. Мне лично, совершенно случайно, сразу впервые же удалось связаться с Р. С.-Д. Р. П.; механически проработав длительное время при критической проверке самого себя уже в тюрьме, все же пришел к заключению, что никакая иная из существующих партий, помимо Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), не удовлетворяла моих запросов и по общественному положению, и темпераменту и образованию, — словом, по всему комплексу моего «я» я ни к какой иной партии принадлежать не мог, не насилуя себя.

Прочитал Кропоткина, Ницше, Лабриола, Михайловского, Бельтова-Плеханова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»), Геккеля «Мировые задатки», Богданова и многое другое; все-таки еще месяца два—три помучился над окончательным самоопределением. Хорошо, что этот

критический период самоуглубления застал меня в тюрьме, иначе при былой активности натуры мог бы повредить родному делу...

Тюремный режим крепчал, он, как барометр, отражал жизнь вне тюрьмы; пока не было задавлено мощное пролетарское движение, не были еще разрознены его силы—и условия тюремной жизни были сносны; с затишьем же рабочего движения давление на заключенных усиливалось. 1906 год еще жили, 1907 только дышали, 1908—пикнуть нельзя...

Внутри тюремные усилия, протесты, как-то: покушение на палачей наших, голодовки, попытки к побегам не облегчали, а служили поводом к еще сильнейшим нажимам со стороны тюремной власти в сторону нашего обезличения; дошло до того, что без риска быть тут же подстреленным часовым нельзя взглянуть в окно; при проверках или просто обходах начальства нужно было становиться на вытяжку, немедленно и почтительно отвечать, иначе—карцер, мордобитие, а то и розги...

Сколько безвременно погибло сильнейших личностей: одни посходили с ума, другие покончили с собой, третьих без суда и следствия смертным боем отправили в могилу, счастливейших переповесили, как наиболее активных протестантов... К глубокому сожалению, за давностью срока, не могу привесть фамилий. Припоминаю тов. Бердяева, пытавшегося перочинным ножичком зарезать помощника начальника тюрьмы Давыдова; попытка была неудачна, палач остался жив, а тов. Бердяеву пришлось покончить с собой, что он и сделал, чуть ли не чайной ложечкой, отточенной на подоконнике. Припоминаю Михаила Булычева с завода из-под Симонова и их камерную историю с нитро-глицерином и другими взрывчатыми веществами, с подготовкой к массовому побегу; припоминаю неудавшийся побег с нашего коридора, когда один заключенный на чердак и на крышу выбрался, а спуститься-то не смог.

Припоминаю длительную голодовку, самый же повод к ней испарился из памяти, ведь так много было всяких поводов; этими большими и малыми протестами жила тюрьма...

На протяжении всей тюремной жизни отрадным явлением маячит иногда тюремная баня. Дни бани были праздниками... Подбирались любители «поголосить»; вспоминаю Новикова (имел ссылку), Анатолия Королева (имел крепость); зрительно вспоминаю и других товарищей, принимавших участие в своеобразных банных концертах...

Дни за днями тянулись долгие годы тюремных мучений, выкрики: «кипяток», «на прогулку», «становись», «в карцер», вспоминаются и поныне, каждый со своим своеобразным глубоким содержанием...

Подходило время к слушанию в судебной палате нашего процесса. Наше дело—дело рабочих фабрики Шмидта, обвинявшихся в вооруженном восстании против существующего строя в декабре 1905 года в городе Москве в районе Пресни.

Вначале это дело предполагалось поставить к слушанию тут же вскоре после прохоровцев, следствие в то время считалось законченным (я был выделен особо за нерозыском), но с моим арестом дело отложили, направили

к доследованию; вдобавок, вскоре был зарезен тюремной администрацией владелец фабрики Николай Павлович Шмидт, обвинявшийся по этому делу, и слушание затянулось до февраля 1908 года.

На скамье подсудимых из всех шмидтовцев сидели только я, Михаил Залкин (сидевший в Таганской тюрьме) и Купцов, бывший на поруках; другие же, как-то: Иван Королев был убит, Лыгин, Скворцов раньше еще получили каторгу по другому делу, Михаил Алексеевич Румянцев, Алексей Васильевич «Микадо», Иванов, Илья Федорович Поляков, Иван Полковников, Греков и целый ряд других активных боевиков шмидтовской дружины не были обнаружены и до сих пор здравствуют; этот факт говорит о сплоченности шмидтовских рабочих, и если были обнаружены я, Залкин, то потому, что полиция раньше нас знала по другим делам.

Пред'явили нам сотую статью, по которой, в случае, ежели она была доказана, ожидал нас расстрел или висилеца; но доказательств, кроме агентурных сведений да общих трофеев с разрушенной фабрики в виде обгорелого огнестрельного оружия, лежавшего на судейском столе, не было.

Защитниками были Войнов, Малянтович и еще один, фамилию не помню, представленный со стороны сестры Шмидта...

После трехдневного разбирательства сотую статью отвергли, но все же признали виновными по 102 статье и, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства (это так давно было), дали ссылку на «вечное» поселение с лишением прав и состояния.

Тут же вскоре после суда перевели на каторжное отделение «сороковка», камера, кажется, № 39. Началась опять история с измерением лба, плеч, носа, роста, черепа в целом и отпечатыванием пальцев рук, фотографированием «аля фас», «аля профиль»; ну, значит, готовят к новым условиям жизни...

Чуть ли не каждый день чудилось, этак, отправление, свобода—ширь полей. Куда, как, в каком порядке поведут—это мало трогало, скорей бы лишь из стен тюрьмы...

Все же в каторжном отделении пришлось выдержать еще до 8-ми месяцев.

Наконец, формальности закончены, надели ручные кандалы (браслеты, наручники) и под конвоем с большой партией каторжан отправили на вокзал Брестской жел. дор.

Небольшая эта штука ручные кандалы и весом не тяжела, но шибко неудобная — куда правая, туда и левая, изволь няньчиться...

Вот самарская тюрьма, Уфа, Челябинск, красноярская тюрьма, наконец, иркутская, где мы пробыли тоже до 2-х недель. Радостная весть: завтра отправляют дальше... Принял нас снова военный конвой, и мы тронулись пешком на Оеки, это будет верст 35 от Иркутска... Всем, когда-либо проходившим этот путь, вероятно, и до сих пор памятна гора «Пыхтун» и другие... Конвой скорей спешил освободиться—и в город, а мы, измученные тюремной сидкой, не могли быстро итти, и били нас смертным боем прикладами почти до самых Оек: то тот, то другой из нас тыкался носом в землю, подгоняемый прикла-

дом зверей-конвойных... Наконец, Оеки. Там нас расковали и сдали волостным властям.

Припоминаю товарищей из нашего этапа: Василия Особо, железнодорожника,—умер, не выдержав ссылки, Якова Лившица—бежал в Зеландию, Михаила Долгих (погиб в тайге на золотых промыслах), Кирила Старкова — убит в Жигареве, Якова Жиленко, Кремера «Ворону», Пермякова, Шансиса, Степана Ковылкина, Жданова, Новикова, Цигипова...

Из Оеки повезли на лошадях; в Карганаи ночевали на вольных квартирах; дальше дорога скверная, какой-то ядовитый туман висит пеленой и на под'емах он пронизывает до мозга костей.

Вперед, направо, налево — все степь, степь и степь, но не такая, как в Курской и Самарской губернии, не поля перед нами, не равнины, сливающиеся с горизонтом, а причудливо изрытые котловинами, перерезанные отрогами каких-то гор, к тому же без всякой растительности. Лошади еле бредут, половину пути идем пешком... Вот Ользоновское—этапка радостно принимает гостей. Благодаря сравнительному простору, размещение проходит без пререканий.

Этим временем крестьяне с'ездили за волостным писарем; тот нас принял; передача проходила из рук в руки: одна власть сдавала другой, впредь до конечного пункта назначения.

Получили кормовые по 14-ти копеек на брата, достали картошки, мяса, выпросили котелок и первый раз принялись за вольное кухонное мастерство. Интересно бы было постороннему заглянуть в эту обитель. Кто чинит прорванное, кто разувается, вешает, сушится, кто разводит печку, кто с чайником юлит, ища пожарче место, а тут картошку чистят, готовясь суп варить; и все это в полумраке, при свете малюсеньких ламп-коптилок.

В нашей коммуне—Василий Особо, Яков Лившиц, Шнит Кремер, Михаил Долгий, Яков Жиленко—различие во взглядах не мешает нам жить тесной дружной семьей. Мне выпало на долю стряпать; суп вышел на-славу, одно не рассчитал: мало воды налил и получилась гуща, но такая вкусная, что оплошность прошла безнаказанно.

От Ользона путь лучше, и яркое солнце, как бы радуясь вместе с нами, играет серебряными переливами на кустиках, сучьях, просто на снегу, рассыпаясь игривыми лучами в снежных призмах, выделяющихся величиной.

Вот Баяндай, Хогот, Машурка. В Машурке разместили по вольным квартирам; отношение крестьян хорошее, хоть по наружному виду мы не отличаемся от уголовных, — остриженные под бритву, такие же полушубки, халаты, бродни, и лишь марка «политического» открывала сердца крестьян. Это понятно потому, что наши предшественники, жившие здесь ранее, хорошо зарекомендовали себя.

Проехали Хорбат, Качуг; в Качуге вечеряли и пили чай, уходя из этапки к члену 2-й Государственной Думы, тов. Петровскому, проживавшему в то время там; вспоминали прошлое, беседовали о настоящем и предстоящем возможном будущем.

Дальше едем, как бы пересекая реку Лену под острым углом; по сторонам высится чудный строевой лес. Правый берег страшно высок и обрывист; порою громадные скалы висят над дорогой, становится жутко—вот-вот раздавят (были случаи обвалов скал с жертвами и с загромождением русла реки Лены)...

В Верхоленске (уездный город, ничем не отличающийся от обычных сёл строгость только бо́льшая) без часового из этапки никуда не выпускали.

Радость... и удовлетворение, как первой победой: начальство обещалось выдать требуемую одежду (мы решились дальше не ехать и не итти, пока не снабдят одеждой). Главная нужна была в броднях. Бродни, это—такая штука вроде сапог, большие, большие кожаные галоши без каблуков с пришитыми голенищами желтого цвета и таких размеров, что можно надевать на валеный сапог...

Колокольчики звенят под дугой — едем дальше на тройках (думаю, ни один из товарищей не забудет этот переезд от Верхоленска); часто попадаются острова, где река Лена разбивается на рукава, нагромождая в этих местах горы льдин, торчавших почти вертикально. Берег еще выше, чем Качугский, еще грозней висит над дорогой; порой скалы переходят на левый берег и река бросается туда, а правый становится отложе, оттягиваясь, как назад, вдаль, и мы едем уже не по реке, а полем. Стемнело; мы, едущие на передней кошевке, не видим задних, лишь слышим их колокольчики. Вон показался огонек, растет ближе, ближе, порой скрывается за каким-либо выступом, снова появляется уже большой, большой; начинаем спорить, фонарь ли это, построенный, как маяк, или просто костер, но в той же роли. Вот еще огоньки справа, слева. Незаметно в'ехали в село Коркинское. В стороне от дороги, в лощине — блещущий костер действительно в качестве маяка...

В Пономареве этап разделили: илгинцы остались, им дорога на Знаменку, мы же тронулись в Тутуру... Последняя процедура со сдачей, приемкой от одной власти к другой, и мы свободны... Свободны, чорт возьми, без гроша в кармане, без права удалиться из пределов волости. Выходим из правления, встречает ранее прибывшая «посельга». Помню Виктора Степанского, Петра Володина, Земского, проживавших у волостного писаря, Мамонта Васильевича (славный был человек этот Мамонт, много он помогал нашему брату), Сушкина Федора, Конова, Васильева, Григория Пигорева, все со спросами да расспросами—откуда? по какому делу? и т. д. Разыскивая москвичей,—таковые там были,—Горбунов (из школы садоводства) с помощью братвы подыскал квартиру в деревне Головных; остановились той же этапной коммуной, за исключением Якова Лившица, который как илгинец, расстался с нами в Пономареве. Первые дни поддерживала ранее оклиматизировавшаяся братва, затем мы уже подыскали работенку—порядились пилить дрова на гольцах за рекой Тутурой; нужно свалить лесину, спустить под голец (под гору), распилить, наколоть, уложить в сажени, и все это по 60 к. с сажени, т.-е. один рубль 80 коп. с куба. Выходим на работу, еще черти

на кулачках не дрались, а ведь расстояние-то от деревни Головных до Гольца верст 5—6, пока дойдешь пока разведешь костер, гляди — уже светает, а день зимний, короткий. Поздно, поздно уж луна взойдет, возвращаемся домой усталые, голодные, порванные, но довольные сознанием, что имеем возможность расплатиться за квартиру. Как, чем, в каком размере питались, на это пусть история закроет глаза; первое время доходили до отчаяния, как и в тюрьме, многие не выдержали, пошли в могилы.

Прослышали мы, что в одной из деревень крестьяне убили медведя (крестьяне медвежьего мяса не едят), послали ходока, договорились, купили часть по ½ коп. за фунт, сделали варево, жарево; да неосторожно, хозяйка узнала и отняла посуду. С грехом пополам разыскали и посудину, завели, как говорится, собственную. Узнали о нашей «америке» другие группы товарищей, тоже начали покупать медвежатину; цена на медведя стала расти, дошла до 3 коп., а потом и до 5 коп. за фунт. Знакомым с крестьянским хозяйством удавалось устроиться на харч, к чалдонам. Часть интеллигентной братвы учительствовала, нашему же брату, мастеровому, первое время по своим специальностям работы не было. На происходивших общих собраниях некоторые из товарищей затрачивали громадные силы к упорядочению колониальной жизни ссылки, но ничего не вышло.

Между тем, в соседней с нами колонии Илгинской была прочнейшая организация, функционировали: касса взаимопомощи, были вечера (помню братьев Макушкиных, скрипачей, дававших концерты), и жизнь там, вначале, служила хорошим живым примером для местного населения. В дальнейшем и там, у илгинцев, началось разложение, оказались дефекты, но благодаря тактичности стоявших во главе колониальной организации, организационная работа все же продолжалась...

Перед Рождеством 1908 года разыскал работенку по своей специальности на пароходной пристани дотоле еще богатых братьев Минаевых (между Жигаловым и Тихим Плесом): нужно было отремонтировать и пустить в ход местную паровую машину и лесопилку, дело сделано — лесопилка и механическая мастерская пошли в ход; со мной работали еще т.т. Пермяков, Василий Особо в качестве слесаря и еще некоторые товарищи в качестве подручных. Припоминаю товар. Куксина, никогда никакого касательства к механическому производству не имевшего, проявившего, однако, желание научиться и в процессе общих работ оказавшегося способным и полезным...

Первое удачное выполнение работ открыло путь к последующим. Братва начала устраиваться; я лично получил место на пароходе «Старик» и вскоре с повышенным окладом перешел на пароход «Верхоленец», которому в то время давали капитальный ремонт. Сняли квартиру на Тихом Плесе в семье старого поселенца-москвича Белоусова. Пришла весна... разлив реки... затосковал... потянуло куда-то вдаль, не выдержал и, на удивление знавших меня, загулял, да так, что небу жарко стало... Вспоминаю Степу Ковылкина (саратовца), Жиленко, Якова, Рудницкого, Цыгинова, Сте-

пана Ковылкина (и сейчас здравствует в качестве начальника чуть ли не Рязанской жел. дор.).

Устроили вкупе маевку на большой горе против Тихого Плеса. Вспомнили, что нас с установлением реки снова ожидает этапная жизнь... Ведь мы временно были оставлены в Тутурской волости за невозможностью зимним путем отправки к месту назначения, а назначен для отбывания ссылки был Киренский уезд; нарисовали себе снова картину... Вот придет партия каторжан-ссыльных из Александровского Централа. Вот снова заберут под стражу, посадят в душные речные посудины и под конвоем снова потащат дальше; снова поверки, снова издевательства. Еще пуще затоскавала грудь, ну, и порешили: что́ нам разлив незнакомой еще реки, что́ нам незакончившийся еще ледоход? Спрятали лодку в кустах на своей пристани, собрали скарб, и вот я, Лева Рудницкий, Степа Ковылкин (Цыгинов и Жиленко «сдрейфили») оттолкнулись от берега вместе со льдинами и пустились вниз по течению, держа путь в Киренск (от Жигалова до Киренска около 700 верст).

Первый привал сделали за Устилвой, 30 с гаком верст отмахнули. Развели костер, сварили чай, картошку, подтащили повыше лодку, прилегли вздремнуть. Что-то заплескалось, что-то зафурчало, и под влиянием рассказов о хозяйничании медведей в этой местности, вскочили, как встрепанные, откуда сила взялась. Моментально соскользнули в воду, попали в быстрину, давай бог ноги... Темь отчаянная. Помню, Лева—в веслах, Степа—с топором, я—с кормовым веслом приготовились к самозащите. «В первую очередь рубить лапы, как только схватится за борт, так по лапам, а там веслами понес в обработку», раздавались шопотом советы. Всю ночь напролет гнали, меняясь ролями, забыв о другой опасности быть разбитыми на «шеверах» или льдинами, лишь бы подальше от зверей.

Медведя мы так и не видали, возможно, что он и был-то только в нашем возбужденном рассказами воображении.

Трудно передать прелесть этого до некоторой степени вынужденного путешествия. Плывем в дотоле неведанную даль по красивейшей из рек, Лене; один у руля, посменно, двое то беспечно растянувшись и глядя в синее небо, то в хозяйственных хлопотах с картошкой, чаем. Дно лодки у нас было выложено плетником, имелся запас дровишек, был сделан треножник; кухня таким образом была под боком и не было особой нужды вылезать на берег, плыви хоть в устье Лены, прямо в Северный Ледовитый океан. Без остановки полтысячи верст отмахали; вот и место, прииск.

Живя в Тутурской волости, мы не имели никаких документов на руках, без всяких каких бы то ни было документов и выехали. На месте приписки нам таковые должны быть выданы, но тут случилась заминка: этап Александровского Централа не являлся еще, а только с ним приедут и тутурцы с постоянными списками. Без постоянных списков документов не выдавали...

Лева Рудницкий и Степа Ковылкин поплыли дальше, а я остался в Макаровской волости, по месту приписки, дожидаясь документов. Тут пришлось тоже подтянуть животы. Подрядился корчевать пни в деревне Скобель-

ской, расчищал место под пашню; кисти рук от работы вздулись до невероятных размеров; вперемежку работал по заготовке дров.

Наконец, получил документы, — какая радость, теперь относительно свободен, да еще на руках, вдвое длиннее теперешних мандатов, «поселенческий билет», где черным по белому отмечено: «имеет право передвижения по Киренскому уезду без города и горных округов».

С одним полотенцем, куском мыла, двумя сменами белья (обе были надеты на себя), вопреки значившегося черного по белому в документе, направился в Горный Бодайбинский округ. Степа Ковылкин и Лева Рудницкий остались в районе Киренска; они остановились в селе Банщиково (я был у них на перепутье, где узнал, что жиганловскую лодку у них сперли в Киренске; снабдили меня «липой» на фамилию тоже Николаева, но другое имя, отчество, вдобавок полноправного крестьянина). Это было в первой половине лета 1909 года; местами оплачивая, местами так, добрался на пароходах до города Бодайбо. Это центральный пункт Ленско-Витимского Горного округа, расположен на реке Витиме в устье реки Бодайбо, в 300 верстах от села Витима, в 750 верстах от города Киренска и 1750 верстах от Иркутска (считая по реке).

Начиная от устьи реки Бодайбо и в глубь тайги на 200 с лишним верст в разных видах имеются залежи золота то в прежнем песке, кальке, как верховое, то на 2—3 аршина под землей, то на многие десятки саженей вглубь.

Мне лично, как работавшему в дальнейшем на буровых машинах «кийстен», приходилось, например, доставать золотой шлихт с 97—98-аршинной глубины, а первая четверть 99-го аршина обнаружила жилу с богатым содержанием золота; такой мощной глубины закладывались шахты на весеннем прииске действительного тайного советника Ратько-Рожнова в 70—80 верстах от Бодайбо.

В этот злосчастный горный район потянулась братва.

Не найдя работы в самом городе, продал я имеющуюся вторую смену белья и подался в глубь тайги; помню, шли мы вместе с тов. Извековым (кажется, он из Коробчанки). Добрались до Иловайского прииска, там была наемка рабочих на постройку железной дороги,—встали в очередь. В этот день очередь до нас не дошла, а на завтра я обнаружил, что по точно такой «липе» уже служит один наш же посельга (одессит Эстерман-Николаев). Пришлось отказаться от использования банщиковской «липы». Он тоже получил в Банщикове, но прежде меня; поступить на службу пониже, это—навести кое-кого на грустное размышление и обеспечить провал обоим; решил—будь, что будет—пустить в ход свой поселенческий билет... Стоим снова в очереди; Извекову велели выходить на работу (он поступил по «липе»), подошел я,— возвращают документы обратно: для меня работы нет. Вот дьявольщина, и так живот подтянуло, а тут еще испытание.

Недели полторы хватил основательной голодовки; в конце концов через управляющего железной дорогой, самого Василия Васильевича Никулина (инженера-москвича), поступил на работу в районе Иллигири, это между Васильевским приском и Липаевским... Никулину я нарисовал картину, как,

находясь в таком положении, «имея хорошее прошлое», я приду к нему глухой ночью, а то и днем, и не с целью грабежа, а с целью мести, повырежу и повыжгу до основания живущих растительной жизнью подлецов.

Работал сначала с кайлой, потом, как писец, чертежник, нарядник.

В 1908 году железная дорога была доведена до Бодайбо, только до Васильевского прииска. Работа шла медленно отчасти потому, что большими участками приходилось вести «оттаивание»: раскладывались костры, и по мере размягчения земли снимались слой за слоем выемки. Заработок мизерный, квартирно-жилищные условия — отвратительны, и если тянулся в это гиблое место рабочий люд, то только потому, что, авось, дескать, выпадет счастье найти самородок золота. Странное явление... самородков действительно попадается много (это целые кусочки и куски причудливой формы золота от ½ золотника и до нескольких фунтов весом), но попадаются-то они тем или иным солидным артелям Вятской, Тобольской, Пермской, а то и Рязанской губернии, приезжающим на прииски, как на курорт, в сезоны промывок с весны до половины сентября, старожилам же, постоянно там живущим или одиночкам-работникам, таким счастьем не приходилось пользоваться. Правда, и они видят и поднимают самородки значительного веса, но в шахтах, забоях, т.-е. там, где эти самородки, как текущая повседневная добыча предприятия, идут в кружки под зорким оком надзирателя, нарядчика, а то и смотрителя, пользоваться этими самородками им не приходится. Другое дело на песках: там та или иная артель или часть ее, работая на подвозке песков с отвалок к промывальной машине, вдруг в той или иной тачке при ссыпке, а то и при накладывании, обнаруживает самородок, это уже собственность нашедшего, с одной стороны, и заведомая подброска предприятия—с другой. Недостаток рабочих всегда ощущался, создать для всех хороший заработок предприятию невыгодно, а вот устроить и практиковать периодически заманку «в виде самородка»—шутка для предприятия сравнительно недорогая, окупающая себя в дальнейшем сторицей. Ведь стоустая молва разнесет: там-то, дескать, такой-то поднял самородок, такой-то величины и т. д., и т. п. Создается тяга на золотые прииски в тайгу. Забравшись же к чорту на кулички в глухую далекую тайгу, отрезанную от культурного мира, не больно будешь трепаться. Работай так, как прикажут, ешь то, что дадут; в результате—до невероятности жестокая эксплоатация труда. Максимум прибыли предприятию, даже весь так называемый заработок рабочих возвращается снова в руки предприятия, ибо на руки-то его и не выдают, а механически засчитывают в счет заработной платы всю ту дрянь, которой рабочие вынуждены питаться и одеваться из мануфактурных лавок того же предприятия. У рабочих ревматизм, чахотка от мерзлых мокрых шахт, забоев и пустые карманы. У акционеров предприятия ширятся и животы и карманы от все большей и большей выручки.

С окончанием постройки железной дороги я дальше не остался, хотя получил наградные в размере месячного оклада, а подался в глубь тайги. Устроился работать на весеннем прииске Ратько-Рожнова в качестве помощника механика; заменял его в механической мастерской, кроме того, рабо-

тал с пятью буровыми машинами «кийстен» на разведках новых жил, новых россыпей золота.

Положение рабочих на этом прииске было лучшее: помимо обычной заработной платы допускался приработок в свободное от занятий время с промытых отвалов. Практиковавшаяся примитивная система промывки уносила значительное количество мелкого золота; оно от сильной струи воды не задерживалось на порожках промывных деревянных скатов и шло вместе с песком, галькой в так называемые промывные отвалы; из этих отвалов нам и разрешили мыть золото. Бывало, за полтора—два часа ползолотника, а то и больше намоешь; случалось, попадались и «таракашки» (маленькие, до золотника, самородки), вот и подспорье.

В этом районе познакомился я по долгу службы и по любознательности с «старателями» и с «копачами».

«Старатели», это — артели рабочих, договаривающиеся с владельцами прииска, получающие от него тот или иной участок на разработку (обычно с верховым или полуверховым золотом). Все золото, по договору, поступает в распоряжение владельца приисками по обусловленной цене, каковая обычно ниже рыночной; весь риск предварительных и последующих затрат на оборудование ложится на «старателей»; иногда владелец приисков выдает авансом подсобный инструмент. Эти несчастные, в надежде попасть на жилу, на корчаги (встречается золото так называемое корчажное, т.-е. в какой-либо ямке одной—другой, находящейся, быть может, в доисторическое время на русле реки, а теперь, в силу геологических переворотов, сдвигов оказавшейся почти на поверхности земли, ссыпался, сосредоточился золотой песок и тогда артель обогащается), никогда не выходят из кабалы у владельца приисков, редко—редко кто-нибудь сумеет вырваться и убраться восвояси в свою Тобольскую, Вятскую или иную губернию. Главный состав «старателей» вербуется из китайцев и на них выезжают владельцы золотоносной земли, как большие хозяева на кустарях.

«Копачи», это—другая порода; это в большинстве случаев старые шахтовые рабочие (забойщики), порвавшие все с хозяевами. Зная в совершенстве расположение шахт, зная состояние, в котором прекратились работы в так называемых «выработанных шахтах», они сплоченными незначительными группами, тайком, проникают в эти шахты и «копаются» целыми неделями, не вылезая на свет божий. Выбравшись наверх—несколько дней богаты и богаты по-своему: появляются плюшевые и шелковые шаровары во все Черное море, по две, по три нашейных цепочки, лаковые сапоги, коньяк, шпроты, сигары, бесконечная езда на ваньках, а главное—игра в знаменитый «штос», игра подчистую.

Ловкач, очистивший всех, долгое время подкармливает опростоволосившихся партнеров; всему, однако, бывает конец: рессурсы иссякли, в долг больше никто не верит. Спускаются опять в подземелье за новой добычей, и так из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. «Копачи» являются кладом для скупщиков золота; работа «копачей» чрезвычайно тяжелая—рискованная. Ведь отработанная шахта называется так потому, что в ней прекратили ра-

боту хозяйственным способом; хозяйственную работу прекратили потому, что дальнейшая добыча грозит обвалами, и когда администрация решила назвать «отработанной», она начинает взрывать остающиеся устои клеток, взрывает их для того, чтобы затруднить проникновение в шахты любителей покопаться в остатках, ибо эти любители, копаясь в подземелье и там же промывая золото, засорят стоки воды, что в свою очередь может отразиться на работе других шахт, ибо шахты с шахтами иногда связаны в одну целую систему.

Спуск и работа в так называемых отработанных шахтах запрещены законом; виновных арестовывают, высылают, отбирают все добытое золото; но заработок заманчив и риск не останавливает: сплошь и рядом случается, что—или прорвавшаяся откуда вода или вновь окумполившаяся земля хоронят под собой несчастных и никому до них дела нет; узнается об этом от других сотоварищей, знавших об их спуске в шахту и потерявших терпение ждать.

Грешен я человек, задумал бежать в Аляску (золотые прииски Северной Америки), нужны были деньги и пришлось испытать жизнь «копача», два раза с одной из известных по тайге групп,—группой «Михаила Цыганка» спускался в шахты.

Глухая ночь... зайдя предварительно к скупщику золота, взяли продовольствия, выпивки, свечей, и, крадучись, мимо штабелей дров, подхватов, скреп леса, пробираемся к заветной шахте 73 или 77 на Надеждинском прииске; дошли благополучно, шахта запечатана, нашли лазейку, пустив в ход кайлу, топор, деревянную ножовку; опускаемся один за другим, по скрепам зунфа [1]) сплошь и в ряд, вися и подтягиваясь на руках, и это все в глухой темноте, наощупь. Вот твердая почва под ногами, даем свет, видим четыре коридора штольни: одна вниз по течению реки, другая вверх, третья вправо, четвертая влево; в середине руководитель «Михаил Цыганок» — по памяти, где остались брошенными недоработанные столбы клетки, указал путь. Вначале полусогнувшись, потом уже на коленках, а дальше на брюхе, ползли мы вперед и вперед; местами верхняя, осевшая после взрыва устоев земля, так искарежила, скрючила скрепы, подхваты, придавив их вниз, что только пуская в ход кайлы, ножовку удавалось проникнуть дальше; добрались, можно встать в рост. Зажигаем несколько свечей, оглядываемся. Представьте себе наше помещение: 10—12-вершковые бревна, подхваты, сдавленные, наполовину переломленные и согнутые под острый угол нависшей земли, как спички, торчат со всех сторон, целясь в нас своими концами. Неподалеку слышатся взрывы, это ночная смена в соседних шахтах неумолчно продолжает работать во славу золотого тельца. Слышатся треск, скрип и здесь, в окружающих нас подхватах, сверху сочится вода,—вот-вот зальет или придавит. Жутко, чорт возьми,—вспомнил семью, товарищей, былую жизнь и запел: «Эх, ты доля, моя доля, доля горькая моя»; ребята механически сначала подхватили, потом рассмеялись, и: «Что, раскис, брат? Ничего, привыкнешь, любо будет»; — говорил «Цыганок».

---

[1]) Выход.

Как не имевшему надлежащего опыта в промывке, мне поручили подтаскавание в мешках породы. Недоработанная жила при свете свечей сверкала золотом; казалось мне, ну, сразу стану с «грошами», дорога в Америку обеспечена; но тут, как новичок я обманулся: из сверкающей золотом жилы нужно выкайливать многие десятки пудов породы, чтобы намыть несколько золотников; самородки на зло не попадались, шла все «белотка». Это, представьте себе, золото в кусочек папиросной бумаги, величиной с булавочную головку; понятно, в такой жидкой жиле многого не найдешь. Ночью работали, днем спали, определяли ночь и день по своеобразному шуму соседних шахт и по имевшимся у нас исправным часам. Спали в сидячем положении на тонких плетняках, подогреваемых снизу свечами...

Закончив работу, специалист просушил золото на железном листке, тоже подогреваемом свечами, отдул пыль, разложил золото по сверточкам в провощенной бумаге диаметром с нормальную стеариновую свечку и длиной от одного до полутора вершков, распределив в группе для прятания (в случае, ежели и «всыпемся», золото во что бы то ни стало нужно пронести, оно в дальнейшем может сослужить службу), и тронулись к зунфу (выход).

Четырехсуточная подземная работа не дала ожидаемого, поездка в Аляску сорвалась; спускался еще раз, также неудовлетворительно.

Эти опытные операции проделал я, не бросая еще службы у Ратько-Рожнова...

Весной 1910 года, несмотря на то, что я выписал из Жигалова семью, жил в сносной обстановке... Снова потянуло к реке, рассчитался и приехал в Бодайбо к открытию навигации.

На пути к Бодайбо на всех приисках: Федосеевском, Надеждинском, Александровском, Липаевском, Нижнем, Иллипирях, Васильевском, Благовещенском, Скалистом, Михаил-Архангельском встречал старых и новых знакомых, нашего брата «посельгу» в разных видах и формах боровшихся за существование; встречались и «старатели», и «копачи», и эксовики, и служащие разных рангов и квалификаций. Вспоминаю Алексея Недорезова, Федора Конева, Сушкина, Виктора Стефанского-Новикова, Жданова, Куксина, Немзера, Эстермана-Николаева, Степана Ковылкина и много других тутурцев, какранчанцев. В Бодайбо была организована штаб-квартира, где можно было получить всяческую справку.

В Бодайбо встретил управляющего пароходством Фризера и Райфесова—Чепкасова; тот предложил службу: ехать с ним на «Верхоленце» в Жигалово и там на острове в Тутуре, где строилась новая пристань, подготовить паровые котлы, машину, поставить лесопилку... Дело знакомое. Предложение принял и через неделю со всей семьей двинулся в Верхоленский уезд в село Тутура. Петр Володин к этому времени владел уже мельницей там же в верстах 5-ти от Тутуры.

Кто из старых тутурцев не знает мельницы Петра Володина, кто не едал его огурцов? Парень развел огород на-славу; пытался развести вишни, яблони, а баклажаны разводил на удивление.

В Тутуре работать долго не пришлось, пронюхала полиция, и, как чужестранцу, предложила по-добру, по-здоровью убраться, не вводя их в расходы. Пытался замести следы: перекинулся в «Тихий Плес», нашли и тут, предписали немедленно исправиться. Дело было уже зимой, делать нечего, оставив жену, детвору, пустился в путь пешком на Киренск. К счастью, Лев Минаев, бывший владелец пароходства, обратился в Иркутск, в тюремную инспекцию, телеграфно, с просьбой дать мне отсрочку или право временного жительства в Верхоленском уезде, как необходимому для пароходства специалисту.

Ответ на телеграмму задержался; я был уже в пути и только в селе Грузных (60 верст уже отмахал) догнал ямщик-нарочный, передавший от жены телеграмму, в которой значилось, что «разрешается временное житие в Верхоленском уезде». Вернулся и уж с этого времени почти беспрерывно работал в разных пароходствах: на «Верхоленце», на «Николае Деревянном», на «Петре», на «Бароне Горации Гинзбурге», на «Карле Вимберге», на «Громове». Вспоминаю и вместе работавшую и тесно соприкасавшуюся пароходную братву: Романа Клюкса (матроса «Барона Горация Гинзбурга», Алексеева, Видомского, Исаева (помощника машиниста «Барона Горация Гинзбурга»), Николая Кундашкина (матроса «Барона»), Петра Николаевича Львова (капитана парохода «Кушнарев»), Николая Поликарповича Александрова (помощника капитана парохода «Громов»), Зеленова (пом. капитана «Соболь»), Обрядчикова, Василия Федоровича Пахомова, ходивших со мной помощниками на «Громове», Фальковского, Извекова, ходивших со мною масленщиками на «Николае Деревянном», был помощником вслед за Зеленовым. По городской жизни Киренска вспоминаю Корочкина, служащего Громовых, Шапкина, служащего Чернышевых, баса Жданова, баритона Северова, баритона Новикова по Витиму, по Тутуре—Сапожникова, Подрашко, Левашевского, организатора мастерской, Александра Гладких, Анатолия Сазонова (служащие Громовых).

Я лично политической работы, в полном смысле этого слова, не вел, да и не замечал вокруг себя, чтобы таковая велась. Возможно только, что самый факт нашего житья-бытья, отдельные, без определенной системы разговоры с окружающими (к нам обращались за всякого рода справками, иногда выходящими за круг уездно-обывательской обстановки, с жалобами, с просьбами посоветовать или прямо написать то или иное прошение и т. д., и т. п.), сами по себе имели революционирующее значение.

Расстрел рабочих на Ленских приисках (в районе Надеждинского и Липаевского) расшевелили было братву, но условия быта, территориальная разрозненность рабочей публики, мелкобуржуазная психология крестьянского и городского торгового населения не позволяли развернуться, и жизнь проходила, за редкими исключением, растительно-мещанствующая... В минуты откровенных собеседований с горечью, ужасом констатировали, что мы пропащие для политической борьбы люди, что даже в случае возвращения в прежние условия от нас хорошего ждать нечего, стали только нытиками...

Проходили годы...

Останавливаться на дальнейших годах сибирского жития—на возвращении, встречах, новой жизни—не стоит... В апреле 1917 г. я был уже в Москве и поступил работать на аэропланный завод «Дукс», откуда, баллотируясь по Бутырскому району (июнь месяц), прошел гласным в Московскую городскую думу в числе других 23 товарищей (фракция большевиков). Помню—Ольминского, Скворцова, Бухарина, Усиевича, Арманда, Смидовича, Фрадкина, Соловьева, Родзивикова, Козлова, Белорусова, тоже входивших в нее, и это против 250 человек эс-эрствующего состава всей думы, возглавляемой Рудневым и Минором.

1918-й, 1919-й, 1920-й годы по апрель состоял беспрерывно членом Московского Уездсовдепа. С апреля 1920 г. по ноябрь 1920 г., как мобилизованный на транспорт, работал на Владикавказской жел. дор. в качестве зам. завед. дорполитодом, где по стопам отступающего Деникина строились дорожные политотделы, и была выдержана последняя схватка с Врангелем...

М. Краснов.

На «Прохоровке» в 1905 году.

Подготовка рабочих на «Прохоровке» началась с 1902 года. Она выражалась в кружковых беседах и раздаче подпольной литературы; в эти кружки входили рабочие всего Пресненского района, число рабочих было неопределенное, от 30-ти до 100 человек. Эти кружки назывались кружками сознательных рабочих; они назначались, в неделю один раз, или на Воробьевых горах или около Москвы-реки под Хорошевым, а иногда просто на Пресненском новом гулянье с 10 час. утра. Садились все товарищи, и представитель нашего района начинал об'яснение, что́ и где происходит и как нужно добиваться повышения заработной платы, указывался путь борьбы, Это—дружная и организованная попытка и была назначена 1-го августа 1902 года. Нам же, как сознательным рабочим, вменялось в обязанность проведение ее и выработка экономических требований.

Первая забастовка, назначенная на 1-е августа, продолжалась 9 дней и победа была на стороне рабочих: прибавлено было 15% жалованья, заплачено было за прогул 9-ти дней и никто из товарищей не был уволен.

В 1903 году районные кружки быстро стали увеличиваться. На общей губернской конференции, которая была назначена в Измайловском зверинце, вынесена была резолюция: «При открытии Нижегородской ярмарки остановить все фабрики и заводы и пред'явить хозяевам требования экономического характера». 22-го октября об'явлена была всеобщая забастовка с 12 час. дня. Начаться эта забастовка должна была с нашей Прохоровской фабрики. В тот же день была прислана рота солдат, дабы помешать рабочей забастовке. Но у нас организация сознательных рабочих была поддержана самими рабочими, которые и пред'явили требование администрации еще накануне забастовки. Ровно в 12 час. дня все городовые и солдаты были расставлены по местам, но и наши прохоровцы, тоже были наготове, ждали остановки паровых машин, и в первом часу пар был спущен, фабрика стала. Рабочие дружно вышли с маленькими красными флажками (платочками), с пением марсельезы; затем отправились на большую кухню и здесь, в присутствии хозяина, говорили оставшимся рабочим о значении этой забастовки. Прохоров выступал сам и доказывал рабочим, что он один, без с'езда фабрикантов, не может прибавить 30%. Эта забастовка удалась, но не все выставленные требования были удовлетворены: вместо 30% прибавлено было только 5%. Забастовка продолжалась пять дней. Несколько товарищей были высланы в Енисейскую губернию, а других посадили в тюрьму. Не прошло и трех месяцев, как фабриканты об'явили рабочим локаут. Многие из созна-

тельного кружка были уволены. Локаут длился до 2-х месяцев. Нигде рабочий не мог найти себе должности. В этот локаут попал и я (пробыл без дела 6 недель), и еще Иван Максимович Куколев (Гусаров). Тут же назревала еще вторая забастовка с требованием о принятии на работу всех уволенных за забастовку рабочих. Через 6 недель все наши товарищи опять были приняты на свои места. К концу года организация рабочих Пресненского района как будто стала замирать, но вскоре появился закон о введении фабричных старост. Наш Прохоров предложил своим рабочим избрать делегатов от каждого цеха. Всего избрано было 18 человек; от нашего ткацкого цеха избранным оказался Иван Ларионович Аборилов и кандидатом был избран я. Эти делегаты заседали один раз в месяц по назначению правления. Первым вопросом было поставлено всеми делегатами —отмена обыска рабочих. Делегаты доказывали, что обыск позорит честь и достоинство нашего рабочего; после долгих прений администрация временно согласилась, оставив за собой право назначать внезапный обыск. Для пробы, около месяца, рабочие ходили без всякого обыска, но однажды внезапный обыск был произведен и много рабочих было поймано с товаром; после второго совещания опять обыск был введен и все мелкие дела решались в назначенном парламенте выборными делегатами.

Весною 1905 г. организация сознательных товарищей опять ожила. Быстро кружки стали возрастать и не в одном месте, а в нескольких. Утром кружок на Пресненском гулянье, вечером около Москвы-реки в трех и даже в четырех местах; всех участвующих в кружках доходило до 500 человек. Осенью наши прохоровцы засыпались подпольной литературой. Ее представители кружков приносили на фабрику и раздавали всем, даже директору фабрики Николаю Борисовичу Рожкову, который также охотно ее брал. Листовка появилась и в спальнях, и на улице, и в корпусах. В этой литературе было сказано, что об'является всеобщая вооруженная забастовка в день ангела царя Николая—6-го декабря. Ни один из рабочих не мог сказать, что ему неизвестно об этом надвигающемся дне 1905 года. В ноябре месяце привезены были 5 ящиков револьверов с патронами. Роздано было оружие тем, кто посещал кружки. После раздачи назначено было два дня в неделю упражнение в стрельбе из револьверов и винтовок. Вечером, во всех уголках Пресненского района можно было слышать выстрелы: каждый рабочий пробовал данное ему оружие, а кому не хватало, тот в своих мастерских оттачивал какую-либо железку или кинжал и насаживал ее на деревянную ручку, приговаривая: «Вот теперь я всажу эту отточенную железку в жирное брюхо буржуя». В начале декабря широко повелась организационная работа. Ежедневно сообщалось представителям кружков, что в 4 часа при выходе одной из смен будет летучая докладчица или докладчик, требуется рабочих временно задержать у ворот. Вот выходит смена, появляется знакомое лицо районного организатора, он становится в середину рабочих и произносит зажигательную речь. Городовые и агенты охранного отдела не сводят глаз с оратора, желают схватить его, но рабочие также зорко следят за этими агентами, все плотней соединяются в кольцо и, на ходу, в толпе переодевают оратора в свою одежду

и уводят его с глаз агентов. Вот так шла подготовительная работа к 1905 г.

8-го декабря была назначена конференция Хамовнического и Пресненского районов на Девичьем Поле в одной докторской квартире (фамилию не

Группа активных участников декабрьского восстания 1905 года на Красной Пресне.

Стоят (слева направо): 1. Б. А. Синици (дружинник прохоровской дружины). 2. «Алешка Швастый» (парт. кличка) (активный участник). 3. П. С. Седов (активный участник). 4. Трубицин (дружинник шмидтовской дружины). 5. Г. Шишкин (друж. шмидт. друж.). 6. М. Е. Егоров (активн. участник). 7. П. Мельников (друж. ф-ки Шмидта). 8. Активный участник восстания (фамилию установить не удалось). 9. А. Савельев, кличка «Микадо» (шмидт. друж.). 10. Дмитриев (дружинник типографии). 11. П. Соколов, парт. кличка «Мишка-Белый» (активный участник). 12. Г. Мазуров (активный участник). 13. В. И. Иванов (активный участник). 14. Е. И. Афонин, кличка «Зеленый» (активный участник). 15. В. Раков (шмидтовской дружины). Сидят: 16. И. П. Федулов (прохоровской дружины). 17. Румянцев (Алексеев) (прохоровской дружины). 18. Н. Сидоров (шмидтовской дружины). 19. М. Краснов (прохоровской дружины). 20. Лукьянов (активный участник). 21. И. Колокольчиков (организатор боевых дружин). 22. Л. Воскресенская (агит.). 23. М. Николаев (начальник шмидтовской дружины). 24. Е. Салтыкова (Старостина) (активная участница). 25. О. Зверева (Васильева) (прохоровской дружины). 26. Капитанов (активный участник). 27. В. Белов (активный участник).

помню). Здесь были представители от многих фабрик и заводов, и от железных дорог, и от некоторых военных частей и почтового ведомства. На повестке дня стоял вопрос о всеобщей забастовке, которая и должна вылиться в вооруженную борьбу; после недолгого обсуждения приняли пункт: начать

забастовку 9 декабря в 9 час. утра. Начало должна показать одна из крупных фабрик, это Прохоровская мануфактура, а затем Брестская жел. дор. и все остальные, и к 12 часам дня должно стать все. Затем докладчик от солдат Александровских казарм заявил, что нужно направить с флагами рабочих к их казармам и тогда их полк весь в боевом приготовлении выступит, соединится с рабочими и примет участие в открытом бою. Придя домой, мы собрали своих товарищей, сделали маленький доклад и предупредили рабочих быть настраже. Утром работа началась. Вся администрация фабрики с 4-х час. утра занята обсуждением вопроса о сегодняшнем дне; рабочие же, придя на работу, думают, как бы начать забастовку. Вдруг нам сообщают, что монтер главной электрической станции не допускает никого в машинное отделение (фамилия ему Блюм): наша фабрика, на которую смотрит вся Москва, не остановится в свое время. Сделали маленькое совещание и решили этого монтера Блюма сделать жертвою остановки: подкараулили, как только он рукавицы с рук скинул, подпихнули его к электрическому проводу, он уцепился руками за провода и погиб... Фабрика стала часом позднее. Красные флаги уже приготовлены, народ рабочий дружно выходит из своих корпусов, слушают своих рабочих, которые их ставят в ряды, и начинается 5-тысячная манифестация по Нижней Пресне; манифестация обходит вокруг церкви Ивана Предтечи и Предтеченским переулком возвращается на большую кухню с пением марсельезы. Немного поговорили, распустили рабочих на обед и в 1 час дня назначили опять собрание; к этому времени прибыли многие ораторы, как например, «Медведь», Седой, «Пчелка», Лебедев и другие. Собрание заполнило не только скамейки, но и все маленькие уголки, где кто мог уцепиться. Тут было об'яснено, что железные дороги и все большие фабрики также стали, но много мелких заводов работают и просят их снять с работы.Указано было на пивной завод. Тут же с кухни отобраны были вооруженные товарищи и во главе толпы до 2-х тысяч человек двинулись через Москву-реку по льду к Трехгорному пивному заводу. Увидя наших рабочих, администрация закрыла ворота. Мы дали залп из револьверов. Вот загудел тревожный гудок, завод стал. Рабочие этого завода с нами не пошли, а разбежались по своим квартирам. Дальше нами было остановлено еще много мелких предприятий в Дорогомилове и фабрика Жиро у Калужских ворот. Направились в Даниловку к Александровским казармам просить и приветствовать полк Киевский, но из 2.000 человек подошли к казармам не более 300—400 человек. Нам солдаты ответили, что они разоружены и выйти не могут. Затем нам донесено было, что фабрика Шредера работает. Подошли к Краснохолмскому мосту, видим стоят на посту около 2-х десятков городовых и человек 5 околоточных с оружием в руках; дали в наши ряды залпом несколько выстрелов. Мы в свою очередь им отвечали; появились рабочие фабрики Белова из Таганки и также стали стрелять, городовые и околоточные отступили: фабрику Шредера остановили. Стало темнеть. Вернулись на «Прохоровку»; здесь все еще продолжался митинг, и уже был выбран стачечный комитет, в который вошли: Царьков, Гуськов Иван и Морозов Василий; здесь же избран был штаб боевой

дружины, куда из наших товарищей входили: Сергей Дмитриев, Тюлькин и Морозов. Мне дали обязанность организатора по заграждению баррикад, в ночное время ставить рабочих на караул в проходах между баррикадами и во всех воротах фабрики. После 7-ми часов вечера никто уже без пароля не мог проникнуть в ворота. Мною были взяты все списки в конторе спален у Дмитрия Ивановича Бузникова и к вечеру уже каждая спальня знала, кому и когда стоять на посту караула. В большой кухне готовился чай и обед для приходящих товарищей, все больше и больше прибывающих со всех концов Москвы. Приходили товарищи со своим оружием и без оружия, сформировывались все новые и новые боевые отряды, и этими отрядами отбивались с боя каждая улица и каждый переулок по приказанию боевого штаба, находящегося на маленькой кухне при Прохоровской мануфактуре. Мне было дано распоряжение забаррикадировать все улицы и переулки во всем Пресненском районе. Мною были высланы все рабочие нашей фабрики, которые шли на эту работу с охотой. По всем улицам и переулкам выделялось по одному старшему рабочему на 200 — 300 человек рабочих для скорейшей работы по забаррикадированию Пресни. Резали телефонные и телеграфные столбы, выносилось все на улицу, где только что попадало на дворах: телеги, сани, бревна и балки, переплеталось все это проволокой. К вечеру большая половина работы мною была окончена. Кудрино, Никитская, Поварская, Садовая, Большая и Средняя Пресня с ее переулками были забаррикадированы, а вечерний караул расставлен во всех местах, где было нужно. Приготовлена была через каждые два часа смена на все посты.

Десятое декабря прошло спокойно, только по ночам слышались одиночные выстрелы дружинников, которые разбросаны были по всему району. Ими приводились задержанные люди, не знавшие нашего секретного пароля. По утру наводилась справка: кто и откуда, многих отпускали, а других держали, как арестованных. 11-го декабря наш главный штаб переправился во двор фабрики. Отобраны были ключи от химической лаборатории, где найдено было много взрывчатых веществ, из которых и вырабатывали своим способом бомбы и набивали патроны. В главный штаб никто из рабочих не допускался, кроме особых представителей. Еще организована была дополнительная столовая в школе Серебрякова по Пречистенскому бульвару. Продукты же доставлялись из крупных магазинов по требованию боевого штаба. Тут же производилась добровольная запись в санитарный отряд и в сестры милосердия, так что в этом персонале недостатка у нас не было.

В ночь с 11-го на 12-е декабря наши дружинники всю ночь вели перестрелку с войсками и донесли, что батарея переброшена на Звенигородское шоссе и устанавливает свои легкие орудия: очевидно, завтра начнется бой. В эту же ночь наши посты привели несколько подозрительных лиц: двух кавалеристов с шашками и одного переодетого околоточного надзирателя Сахарова, Пресненской части, которого мы тут же признали и через 6 часов его расстреляли на Москве-реке. Кавалеристы же были отпущены на честное слово, но они, как шпионы, взяли прицел наших казарм, где был штаб, и утром загремели орудия: стреляли из легкой артиллерии (3- и 4-дюймовых

пушек), больше пускали разрывные шрапнельные снаряды. Появились убитые рабочие, случайно проходившие по улицам. Наши санитары работали не за страх, а за совесть, под засыпающими их снарядами убирали раненых всех, кто бы они ни были, и относили в больницы. Через три часа этого боя был около часа перерыв. В это время мы вместе с тов. Медведевым залезли на вновь отстроенную спальню, на 5-й этаж; и наблюдали в бинокль за приготовлением войск к стрельбе. Нашему штабу было сообщено, что пришло подкрепление из Петрограда—Семеновский полк; нам приказ: дружней сомкнуть ряды и быть на страже. В это время к нам на 5-й этаж вошли еще 10 товарищей и стали наблюдать из окна; заметили на крыше дома у Пресненской заставы человека, махающего палочкой. Это был сигнализатор царских войск; прицелился в него тов. Царьков и снял его с крыши слухового окна. Затем нам скомандовали от окна отойти. Только что это было сделано, как снаряд влетел в это же окно и разорвался в коридоре; тов. Медведев был оглушен снарядом и ударом кирпича по голове; ему дали воды и отвели его в подвал, где он, полежав около часа, очнулся и вступил опять в командование нами. Бой длился до вечера. В 9 часов вечера стали бить по нашим баррикадам, и тут же часть их была облита керосином и сожжена.

Всю ночь на 14-е декабря был бой вокруг «Прохоровки». На другое утро вместо сожженных баррикад были построены новые: вместо трех сделали пять. С 12-ти часов дня возобновилась бомбардировка наших спален, стали бить из 6-дюймовых. Все окна из спален повылетели, рабочие попрятались в подвалы, где было от парового отопления очень жарко и пыльно, но все боялись вылезти и взять себе воды. Мы послали несколько товарищей подавать в подвалы воды; там раздавался стон детей и сыпались проклятия матерей.

К вечеру на 16-е декабря от снарядов загорелись деревянные здания на заводе Мамонтова, а также наш боевой штаб и маленькая кухня во дворе бань Бирюкова... Рабочие в панике бегают взад и вперед. Дружина стала уменьшаться, подкрепления ниоткуда нет. За эту же ночь надвигались царские войска от Тверской улицы по Поварской; они дошли до Кудрина, разобрали баррикады, под'ехали с пушками к Горбатому мосту и открыли ураганный огонь.

Все наши дружинники оказались отрезаны от своих штабов; без всяких указаний действовали, как могли, делали перебежку из дома в дом, из них отбивали артиллерию. Самая сильная дружина заседала в доме Шмидта рядом с Горбатым мостом и оттуда обстреливала батарею, которая не выдерживала и отступала дальше на Новинский бульвар, откуда и стали бить фабрику и дом Шмидта. К вечеру дом был разрушен, дружина перебралась в Обсерваторию в Предтеченский переулок. Часть наших спален была сильно повреждена, спасения не было никакого и дальнейшее сопротивление становилось непосильным. Весь наш боевой штаб взялся за оружие, но патронов было недостаточно, собрать всю дружину не удавалось. 17-го утром пробовали опять делать баррикады. Рабочие уже нас слушать не стали, а со злобой на лице

наносили нам словесные оскорбления и просили прекратить стрельбу. Кто мог, тот бросал стены фабрики и уходил домой.

18-го числа, в 4 часа утра, вызывает нас, делегатов, кто попадается на глаза, швейцар дома Прохорова, к нему, Прохорову, в дом на совет. Осипов, я, Куколев, Тюльпин и Дмитриев к нему явились. Он встретил нас с бумагой в руках, присланной от московского губернатора Дубасова, который сообщал, что если рабочие не прекратят боя, то с 6-ти часов утра начнется сильная бомбардировка всех спален и самой фабрики и будут снесены снарядами все здания. Что оставалось делать нам, делегатам и членам Совета, если нет у нас теперь штаба? Прохоров внес нам предложение сдаться: вывесить сейчас же на всех зданиях белые флаги и отправить представителей с прошением в руках, где бы указано было, что с сего часа из наших зданий не будет дано ни одного выстрела, поэтому просим и в нас не стрелять. После недолгого обсуждения предложение это было принято, принесен был кусок белого полотна и насажены на палки флаги, а пожарным вменялось в обязанность на каждом доме и спальне, где живут прохоровцы, повесить флаги. Черновичок нашего прошения был написан самим Прохоровым. Прошение нужно было нести к Дубасову и на Звенигородское шоссе. Сергей Дмитриев согласился итти к генералу Дубасову, а все другие товарищи отказались в такую морозную и темную ночь итти к генералу Мину, стоящему со своей батареей на Звенигородском шоссе; и, кроме того, сам Н. И. Прохоров подчеркнул, что к Мину итти—нужно рисковать жизнью и тут же добавил, что все убитые отцы в этом восстании и семейства их будут им чтимы и обеспечены. Я согласился пойти к нему; придя на квартиру к своему семейству, об'яснил, что я иду на верную смерть для замирения, спасти всех женщин и детей, сидящих в подвалах, и буду просить, чтобы боя больше не начинали; попросил чистого белья, чтобы переодеться. Жена и мать (85 лет) старуха уцепились за меня, кто за ноги, кто за шею и не дают мне ходу дальше; мне пришлось грубо оттолкнуть их и пойти выполнить последний свой долг. Узнав об этом, наша 60-я спальня с чувством религиозности сняла иконы и благословила меня. Не успел я выйти за ворота, попадается мне наш рабочий, тов. Власенков. Я ему предложил пойти со мной; он обыскал сам себя, нет ли у него в карманах завалявшихся патронов, что было — выбросил, и мы пошли. Только подошли к Черноґрязку, как навстречу верхом патруль генерала Мина. «Стой!»—кричит он; нам ничего не оставалось, как подчиниться требованию патруля. Патруль все от нас узнал, и обыскав нас, передал другому патрулю, бывшему недалеко от этого, тот, тоже обыскал нас и повел к штабу Мина, который помещался в доме живущего там огородника. Мы шли с поднятыми руками, в одной руке у меня был белый флаг на палке, а в другой руке прошение. Мин в это время спал; подвели к батарее, где стояли 3 орудия и около двух десятков пьяных, как звери, казаков в больших папахах с налитыми кровью красными глазами. Нас передали офицеру, который стал над нами всячески издеваться и ударять меня по руке кулаком, чтобы вышибить у меня белый флаг, но я ему возразил: «Прежде, чем нас убивать, примите от нас прошение, а флаг у меня не вышибете до тех пор,

пока я живой». Офицер приказал нас поставить под орудие к самому его дулу и тут же скомандовал своим казакам: «Стройся, приготовься к стрельбе»; казаки на своих местах. Мой тов. Власенков характером послабее тут же упал без чувств, а я все стою и ожидаю команды—«пли». После долгих насмешек стали спрашивать, сколько у нас за эти дни убитых; я им сказал, что очень много, так что завалены все больницы убитыми и ранеными; они этому очень обрадовались. «Вот, вот, так и надо, не будете кричать, что царя вам не надо». Было сообщено о нас Мину. Через час вышел из квартиры генерал Мин, высокого роста, в романовской черной шубе со значком на папахе, бородка с проседью подстрижена буланже. «Вы откуда?»—был его вопрос.—Прохоровцы, — отвечаю я. «Это не прохоровцы, а мерзавцы, — говорит генерал,—вы—депутаты?».—«Нет,—говорю я,—мы посланы к вам, как мирные жители, а депутаты наши нас всех оставили и разбежались». Приказал офицеру взять из моих рук прошение и ему прочитать. Когда генерал кончил чтение, говорит: «Я вас отпущу целыми, вот вам мой приказ, сейчас скажите всем вашим рабочим, что их спальни будут оцеплены войсками, и если раздастся хотя один выстрел в наши войска, тогда будут сметены все ваши спальни и превращены в развалины, а второе, чтобы все рабочие вышли на улицу: мужчины без шапок, а женщины с белыми повязками на головах и выдавали бы всех ваших депутатов, и выносили все ваше оружие на простынях, а вы,—показывает на нас,—выходите впереди всех с этим белым флагом». В это время очнулся и тов. Власенков, и нас патруль опять взял и повел обратно: время было около 6-ти часов утра. Рабочие нас давно уже ожидали или слушали, как нас будут расстреливать. Рабочим мы сказали все то, что говорил нам генерал Мин и на прошении видна была его подпись. Всем своим товарищам, кого я мог видеть, об'яснил, чтобы они скорее убегали; побежали и мы с тов. Осиповым (Васькой Губастым), дошли до городского манежа, он пошел на вокзал Ник. ж. д., а я побежал на Даниловскую мануфактуру, т.-е. на фабрику Мещерина, где у меня работала моя свояченица; думал там переночевать, взять денег на дорогу и выехать из Москвы. Но у Мещерина на фабрике тоже пришлось пережить многое: всех, у кого находили чужого товарища, запарывали плетями: и того, кто ночует, и того, кто пускает ночевать. Так мне и пришлось провести эту ночь в одной из конюшен, дабы не попасть под арест, так как после 7-ми часов вечера ходить по улицам Москвы было запрещено.

Итак, 20-го декабря я покинул свой Пресненский район и Москву и скрывался до 1907 года под чужим именем, пока меня не выдал один из прохоровских рабочих, Дмитрий Иванович Пенкин, когда я и был посажен в тюрьму, в Таганку, где просидел 4 года в одиночном заключении.

И. Колокольчиков.

Пережитое.

И. Колокольчиков.

Мне хотелось вспомнить 1902 год, откуда взялся кадр рабочей дружины. В 1902 году в Москве организовалась зубатовщина; эта организация об'единяла рабочих-кустарей с фабрично-заводскими рабочими, которые садились за один стол и делились своими впечатлениями. В то время я был выбран в контролеры проверять билеты, чтобы проходили только одни рабочие (дело было поставлено хорошо), чтоб туда не попали интеллигенты. При организации Зубатова стояли во главе охранники, предатели рабочих: Н. Афанасьев, Ф. Слепов, Соколов, Жилкин, Красицкий. На каждое собрание выбирался секретарь от рабочих данного собрания. Все, что говорилось, секретарь записывал, на следующем собрании прочитывал и закреплял подписями, и затем все отправлялось в охранное отделение. Более всего обсуждались вопросы экономические, иногда возникали религиозные вопросы, потому что некоторые рабочие были сектанты.

Однажды на общем собрании образовалась группа, которая не соглашалась с зубатовской политикой. Мы организовали 1-ю Московскую артель рабочих-столяров, и часть артели никогда не соглашалась ни с одним параграфом зубатовского устава; дело до того доходило, что членов артели выгоняли с общего собрания. Члены артели тогда завоевали огромную симпатию среди рабочих столярного цеха.

В 1903 году к нам ходили в артель студенты. Студентов мы переодевали в рабочие костюмы и водили на собрания. На собраниях всегда присутствовали представители власти. Иногда присутствовал губернатор Джунковский. Однажды вышел такой скандал: когда говорил студент, в то время на собрании было много рабочих на стороне интеллигенции, представитель власти запротестовал, но у него ничего не вышло и на этом собрании было в первый раз провозглашено «Долой самодержавие»; с этого времени стали закрываться зубатовские собрания. 1904 — 1905 г.г. рабочие стали скучать. Обсуждать свои вопросы стало негде. Часто ходили в артель справляться о каких-либо собраниях. Артель была справочное бюро. В артели была не-

легальная литература, которую не приходилось разносить, она всегда расходилась по рукам; одним словом, артель была руководительницей среди рабочих-столяров. Артель руководила забастовками, артель собирала деньги для забастовки рабочих через своих членов, работавших на других фабриках, в артели собирались собрания, обсуждали, на какой фабрике можно провести забастовку более выгодно для рабочих. Поспешили провести забастовку на Большой Дмитровке, на фабр. Левинсона; на той фабрике забастовка была 42 дня. Чтоб забастовку провести более удачно, туда ходили рабочие дежурить к воротам. Были случаи и нанесения побоев тем, кто ходил туда наниматься. В артели собирались собрания 2 раза в неделю, присутствовали по 2 делегата со всех фабрик, от кустарей по 1. Среди делегатов были члены партии Р. С.-Д. Р. П. (больш.): тов. М. С. Николаев с фабр. Шмидта, который всегда руководил собранием, от фабр. Левинсон тов. М. Греков, тов. И. Карасев тоже от Шмидта и т. д.

Хочется отметить организаторов 1-й Московской артели рабочих-столяров: Т. Михайлова, П. Дмитриева, И. Карасева, Н. Седова, А. Николаева, Н. Викторова, Н. Воронова, А. Самоухина-Колобушкина, Н. Волкова (в артель также входил и я). Они были настроены революционно с первых дней зубатовской организации.

В 1904 — 1905 годах стали все чаще ходить и новые лица от Московской организации Р. С.-Д. Р. П. (больш.) Я хорошо запомнил Петра Кавказца, он был начальником боевых дружин, других я не мог запомнить, потому что я, Карасев и Залкин в то время более примыкали к боевым дружинам. Мне было предложено вступить членом партии; я в то время отказался, потому что мало проявил себя, чтобы быть членом партии. Тогда мне было предложено организовать среди столяров боевую дружину. Мне тут же было дано оружие, браунинг от Петра Кавказца; мы пошли на собрание в Фидлеровское училище. Там собрались боевики, были офицеры и солдаты; тогда я оттуда вынес плохое впечатление.

Когда я получил оружие, я дал клятву, что умру с оружием. Первыми ко мне записались П. С. Седов, Н. Н. Капитанов, М. Греков, Н. Кунцов, Л. И. Егоров, Н. Синицын, М. Румянцев (он же Алексеев), Горшков, М. Пожорин. Всего было человек 25 очень надежных товарищей, с которыми я выступал на охрану митингов и собраний. На первое время поступало оружие плохое: смит-виссоны большие и малые и бульдоги, одним словом, всякая дрянь, но и это оружие в руках рабочих было очень хорошее.

Потом помню, в июне месяце, вечером, я выходил из артели, вижу, под'езжает ломовой извозчик, спрашивает мою фамилию, я отвечаю, что это я, спрашиваю в чем дело. «Примите багаж».—«Какой багаж?». Он отвечает: «Из таможни с квитанцией».—«Нет, а что здесь?». Он ответил, что сейчас приедет человек и об'яснит, что здесь. Перетаскали ящики и извозчик уехал, после чего я дожидался часа 1½, но никого не было. Со мной был один тов. П. Седов; решили вскрыть ящики. Там, в ящиках, к нашей неожиданности, оказались средние браунинги и маузеры, а также были ящики с патронами к ним. Мы стояли в недоумении, что делать? У того и у другого не работала

голова, так потеряли всю ночь. Все-таки удалось разместить оружие в удобные места.

На следующий день приходит Петр Кавказец, который говорит, что оружие, которое получено, нужно быстрее раздать.

Тогда был выработан пароль, с которым приходили рабочие из других районов: 1) Москворецкого, 2) Рогожского, 3) Лефортовского, 4) Городского, к которому принадлежали: Пресня, Бутырки, Сущево, Большая Дмитровка и вся окружающая местность.

Раздача оружия происходила очень медленно, и раздавать его было очень неудобно, приходили в артель во время работы. Кто придет—возьмет 3 штуки, кто — 5 шт. и т. п. И так раздача происходила очень долго; затем в артель каждый вечер собирались для практической стрельбы, а также учились разбирать и собирать оружие. Я помню, что происходила практическая стрельба в Техническом училище. Потом стали нас вызывать на охрану митингов в разные районы Москвы, а также и за город. Редкий день, чтобы куда-нибудь не потребовали. Раз нас потребовали в Техническое училище и оттуда нас отправили на собрание, а потом срочно на Солянку в угловой дом, выходивший в переулок на Хитров рынок. Проходили по три человека мимо завода Гужона. Итак, нас собралось человек 20.

Однажды фабр. Шмидта потребовала, чтобы я послал 2 дружинников снять фабрику с работы. Отправив двоих товарищей, сделал им наказ, что как только снимется фабрика с работы, сейчас же сообщить в артель. Так и было сделано. Фабрику сняли, сообщили мне, собрали всех дружинников, вышли со шмидтовской фабрики и направились снимать все остальные фабрики; снять «Прохоровку» не удалось,—там была большая охрана. Разделившись на мелкие группы, некоторые пошли с Пресни в Таганку, на Дмитровку, на Долгоруковскую, сняли Августа Зибрехта, затем пошли дальше к Карлу Зибрехту. Там уже была засада городовых и околоточных надзирателей. Когда подошли к фабрике, городовые спрятались во дворе фабрики. Городовые, пропустив человек 5, захлопнули ворота. Тогда мы пустили в ход оружие. Ранен был околоточный по фамилии Букор, которому пуля попала в голову, а также во время перестрелки был ранен один рабочий, выходивший с фабрики. Когда фабрика была снята, направились на митинг за город к Окружной ж. д., в деревню Фили. Там происходил митинг, но появилось 20 казаков: они с одной стороны полотна ж. д., а мы—с другой; мы дали дружный залп с насыпи полотна дороги, и казаки пустили лошадей. Когда кончился митинг, стали расходиться, нас провожали до дачи Загревского. День прошел очень удачно: дружина употребляла в ход оружие, повидалась с казаками. Митинг прошел благополучно, а на следующий раз, когда стали вызывать дружину, то дружина уже стала гораздо смелее.

В сентябре месяце митинги были почти каждый день. Помню, когда был приостановлен в Москве свет и водопровод, тогда было вменено дружине проходить по улицам и, если будут какие-нибудь хулиганские выходки, то пускать в ход оружие. Хулиганы ходили по улицам, снимали с проходивших

шапки и тому подобное. Поэтому дружина ходила по городу и охраняла граждан от всякой опасности, это было распоряжение от Московского Комитета (больш.).

В октябре были первые баррикады. Это было в Московском университете. Там была почти вся дружина. Я был назначен со своей дружиной начальником охраны.

И вот дана была конституция, где говорилось о свободе печати, слова, собрания, о неприкосновенности жилища и личности. Когда читали это, то не верили самим себе, чтобы в русском государстве могла быть «неприкосновенность личности». Пошли к Бутырской тюрьме освобождать своих товарищей и читать освобождение (они были взяты: кто в ночных чайных, кого взяли ночью на бульваре и т. п.; только два булочника от Филиппова с Тверской были взяты за забастовку). Затем направились к Тверской и на Театральную площадь в Большой театр. По дороге нам попалась черносотенная организация около Триумфальных Ворот, там была перестрелка. С нашей стороны был ранен один рабочий, с той стороны были убитые. Оставив убитых и раненых, они разбежались. Вечером митинг не состоялся, стали расходиться по домам. День был торжественный, публика была настроена празднично, и вот уже вечером дошло известие до рабочих квартир о героической смерти тов. Баумана. Были назначены похороны; собрались все боевые дружины; Городской район шел впереди. Мой десяток занимал передние ряды. Мы стояли цепью вокруг могилы, когда опускали гроб. Мы возвращались обратно, нужно было снести знамена в здание университета; в нас стреляли из манежа, из Александровского сада, с крыш домов, где была книжная торговля. Ужас был на площади, вся мостовая была покрыта убитыми и ранеными, и когда добрались до дверей университета, то двери оказались запертыми. Тогда нам пришлось собраться у ограды, а когда открыли дверь, то вошли и стали проверять, кто находится между нами, и когда удостоверились, что наши все, мы стали записывать свидетелей расстрела. На другой день я получил повестку от судебного следователя по особо важным делам, по фамилии Головня. Я тогда думал, что черную сотню и казаков предадут суду. Помню, приехала комиссия и стала осматривать стены манежа, уверяя, что будто бы дружина стреляла первой. Все это было сделано комиссией для отвода глаз. Затем мне пришлось разыскать нашего любимого начальника дружины Петра Кавказца, который был в Ново-Екатерининской больнице. Он был ранен 10 пулями навылет. Там же лежала Мария Алексинская, она тоже была ранена несколькими пулями. Прошло несколько дней, стали назначаться новые похороны тех, у которых нет ни родных, ни знакомых. Так хоронила дружина. Когда мы несем гроб, ни у кого нет слез. Но такие похороны обращали особое внимание. И всем рабочим было ясно, что представляла конституция, где говорилось о неприкосновенности личности.

Митинги шли каждый день, даже были такие случаи, что когда аудитория бывала занята, то рабочие стояли в очереди, дожидаясь, когда освободится зал для собрания. Это было так, одна фабрика уходит, другая приходит. И так проходили дни в Инженерном училище, и на каждом собрании говори-

лось о царской милости и какие бывают последствия от царской милости. В ноябре месяце дружина стала побаиваться ночевать даже на квартирах. Я ходил на Пресню, на фабрику Шмидта.

На фабр. Шмидта до вооруженного восстания, когда рабочие побросали свои квартиры и стали искать места, где бы укрыться, чтобы не попасть в руки охраны, собиралось нас человек 30, обсуждали свои дела. Более всего говорилось о действии дружин, как бы побольше уничтожить противника; говорилось о силе шашек, какую они силу имеют; говорилось о том, как взорвать мост, чтобы не было возможности перебрасывать войска. Однажды сообщили, что наш товарищ Лыгин избит постовыми городовыми. Тут наскоро обсудили, что делать, чтобы не получилось того и с нами. Разработали план, наметили, где стоят городовые и тут же стали решать, как провести постановление в действительность; через сколько минут выходит каждая группа. Мне пришлось выходить первому, потому что мой отряд был больше других. Нас было 4 человека. Пройдя один пост городовых, подхожу к назначенному месту, посмотрел № городового, как раз тот самый, который избил тов. Лыгина. Пройдя по Новинскому бульвару, возвращаюсь тут же обратно; подойдя в упор к городовому, стал производить один за другим выстрелы, выстрелил 10 шт. и бросился бежать; мои товарищи стали доканчивать с ним; не пробежав 10 шагов, он упал; однако он достал оружие и произвел выстрел, нам пришлось оторвать от шнура револьвер, потому что ножа не было. Стали слышны выстрелы в разных местах. Таким путем выполнил каждый свое поручение. Возвращаясь назад, каждый стал рассказывать, кто как выполнил свое дело. Тов. Карасев и тов. Николаев рассказывали, как им пришлось вести дело с околоточным, который проверял посты городовых. Когда тов. Карасев и другой его товарищ расстреляли всех назначенных городовых и наткнулись на околоточного и двух его провожатых, их хотели задержать, завязалась рукопашная схватка, схватили один другого и так друг с другом ничего сделать не могут. В это время шел тов. Николаев, увидав, что происходит борьба, ударил рукояткой маузера по голове околоточного и тут же застрелил его, и таким путем очистил от ночных глаз район Пресни. После этого стало легко возить оружие из разных мест на фабрику Шмидта. Когда перевезли все оружие, какое имелось: старые берданки, охотничьи ружья разные, тогда уже постов городовых не было. Посты были отменены, и был конный раз'езд. Когда мне пришлось везти с Большой Бронной ружья то сзади проехал конный раз'езд, меня это страшно взволновало: то, что мы везем, было очень заметно. Но на этот раз мы провезли оружие благополучно.

В первых числах декабря забастовал Ростовский полк. Туда мне пришлось ходить на митинги; забастовка продолжалась всего три дня. 5-го числа было выдано 50 человек, которые были арестованы; полк приступил к своим обязанностям.

6-го числа в Аквариуме был митинг, там был призыв сделать всеобщую забастовку с переходом в вооруженное восстание. Потом выступил тов. Седой и было решено с 7 декабря об'явить всеобщую забастовку. В ночь мы печатали возвание на фабр. Шмидта. Дружина была в сборе и охраняла фа-

брику. 7-го числа, ровно в 12 часов, все фабрики прекратили работу и вышли на улицу. Этот день прошел только в хождениях, а на другой приступили к постройке баррикад. Первая баррикада была построена у Триумфальных Ворот на Тверской. 7-го числа на фабрике Шмидта как только кончили работу, стали приготавливаться к митингу; было красное знамя, митинг шел в машинном отделении. После митинга стали ковать оружие. Тут же вступило несколько человек в дружину. Потом достали гирю в 10 ф., которая служила для практики метания бомб; на фабрике во дворе происходили практические упражнения с бомбой. Вечером был митинг в Аквариуме.

Когда происходил митинг в Аквариуме, здание было окружено войсками. Шмидтовской дружине было поручено итти на выручку. Человек 25, захватив с собой по 250 шт. патронов боевых и две бомбы, отправились к Аквариуму. Мне пришлось ходить с бомбой. Было выдано мне сигар 10 шт., которые пришлось курить, потому что бомбы были фитильные. Требовалось иметь все время огонь для того, чтобы зажечь фитили, отчего у меня очень болела голова. Дело, однако, обошлось без выстрелов.

Утром решили снять все участки, которые помещались на Малой Грузинской и Нижней Пресне. В одном участке никого не встретили; только на Малой Грузинской околоточный метался, как в клетке, отдавая часы, отдавая кошелек, «только не трогайте меня». Мы ответили, что нам нужно только оружие, отобрали у него револьвер и шашку, которая оказалась из обручного железа, затопили печь и пожгли все бумаги и книги. Вечером был убит тов. Виноградов, который хотел обезоружить 3 офицеров. Двух обезоружил, а третий отбежал и произвел в него несколько выстрелов, которыми и был убит т. Виноградов. Эти дни были погоней за оружием.

И так несколько дней была подготовка. Первый бой был с казаками. Мы вышли в этот день часов в 8 с фабр. Шмидта и направились на Большую Пресню. Нас было 15 человек, все вооружены маузерами, у каждого было патронов штук по 300. Подошли до угла и тут остановились. В это время проезжали казаки; я предложил открыть по ним стрельбу, потому что у нас у каждого был маузер с 10 зарядами, и нам было бы легко справиться. Но мои товарищи запротестовали, и мне пришлось отказаться от желания открыть стрельбу. Мы направились в Волков переулок, хотели пробраться в Смоленские мастерские. Но пройдя шагов 40, вдруг услышали, как заиграл горнист; когда обернулись, то увидали, что те же казаки, только пешие. Нам деваться некуда; когда горнист заиграл снова, мне пришлось стрелять в проволоку, а мои товарищи залегли около ворот дома № 3 и стали засыпать казаков пулями. С той стороны был сделан залп из винтовок. Нам пришлось разделиться на две группы: одни стреляют, а другие заряжают. У нас вышло так удачно, что не было ни одного раненого, а у казаков было много убитых и раненых. Бой продолжался минут 15. Казаки заняли угол улицы. Мы обстреливали их с другого угла. Постояв еще минут 30, решили уходить. В это время из дома был произведен по нас выстрел, но не причинил никакого вреда.

По вечерам отряды дружинников стали ходить по городу, человек по 5, от Прохоровской фабр. по валу к Тверской заставе, по Тверской улице, по Бронной к Никитским Воротам, по бульвару до Пречистенки, а также по бульварам до Смоленского рынка, к Горбатому мосту.

Однажды пришло распоряжение от тов. Седого, чтобы все дружины явились на «Прохоровку». Оставили охрану и явились. Было дано распоряжение, чтобы этим вечером поставить строгую охрану и занять гору от Москвы-реки, а также завод Мамонтова, так как есть сведения, будто бы ночью от Ваганьковского кладбища нас будут обстреливать. Были поставлены секретные посты, чтобы следили за каждым проходившим человеком. Пост сменялся через час, и так ночь прошла, никого не было. Очень перезябли. День прошел ненормально. На следующий день утром собрались все дружины и решили пойти на Арбат. Нам сообщили, что там солдаты разбирают баррикады. Было решено дать бой. Нас было человек 30. Вышли с фабрики, повернули к Москве-реке и, не дойдя до Проточного переулка, увидели, что к нам навстречу от Дорогомиловского моста идут 7 человек солдат. Решили отобрать у них оружие; разместили всех дружинников около деревянного забора, а я и тов. Николаев отправились к ним навстречу. Когда повстречали солдат шагах в 40 от того места, где лежали наши товарищи, знавшие, что не нужно стрелять в солдат, а стрелять вверх, и только в том случае, когда солдаты оружие не бросят, стрелять по ним, мы стали ждать, что будет дальше. Когда солдаты поравнялись с забором, посыпались наши выстрелы; двое солдат бросили винтовки, сами легли в снег, а один бросился бежать, другие же тоже начали с четырех сторон стрелять по нашим дружинникам. Тогда пришлось и мне стрелять по ним. Я одному попал в голову, он тут же упал; в результате: 2 убито, 2 ранено и 2 взято в плен, 1 убежал обратно. У нас оказалось: у Егорова прострелена нога, у Румянцева — правая рука, у Седова — левая рука, у Пожорина прострелена нога. Итак, в тот день с утра мы потеряли 4 своих товарищей. Мне было поручено отправиться в Прохоровскую больницу, а все остальные товарищи отправились на Арбат приостановить разбор баррикад. Там еще во время перестрелки потеряли своего одного из лучших товарищей, Карасева. Он загорячился, выявил более других свою смелость и был убит; пуля попала ему в лоб, навылет, он взялся левой рукой за голову и тут же упал навзничь, а маузер остался в руке. Со стороны противника были убиты: один офицер и пять человек солдат. Когда несли тов. Карасева, совершенно посторонняя публика говорила: «У вас убит один, а там убито шесть человек, из них один офицер». Итак, день для нас был неудачен. Мы потеряли самых лучших борцов революции. В этот день был куплен гроб и обит красной материей, мы хотели похоронить с почестями.

На другой день, как и во все дни, пришел проведать нас П. П. Волков. Когда он узнал, что убит тов. Карасев и ранено четверо, он заплакал, как ребенок, и не мог спокойно говорить. Отправили и винтовки, отобранные у солдат. Оставил я одну винтовку для себя, с которой ходил на охоту по городовым. Они для меня были точно звери. В этот день сообщили, что

городовые расстреливали всех проходивших мимо Зоологического сада и Пресненской части. Там была привязана к решетке винтовка и на заборе были мелом проведены две линии крестообразно, куда подведен прицел винтовки. Кто подходит и равняется с намеченными линиями, тут же получается выстрел, никем незамеченный. Городовые от радости на такое зрелище торжествуют, а человек падает и в страшных муках умирает. Были случаи, когда подходили женщины, и та же участь была с ними. И вот мне пришлось охотиться на таких зверей. Я достал в доме Шмидта бинокль и когда проверил, что все это оказалось верно, тогда и я стал снимать городовых из той винтовки, которая залита кровью—и сшибал кровавых людей.

Вечером сообщили на фабрику, что от Московского Комитета получено распоряжение, мы должны сложить оружие и разойтись по домам. Нас всех это очень взволновало. Нам некуда было пойти: наши квартиры были известны. Но также и в эту ночь мы посты проверяли через каждый час; прислушивались к каждому шороху. Ночь прошла спокойно. Утром, часов в 6 или около 6-ти к нам стали подходить товарищи и говорить, что они пойдут в баню, давно не были; другие говорили, что они сходят на квартиру. И так половина дружинников разошлись, половина осталась в доме Шмидта. Утром я и Капитанов открыли занавес окна и увидели за мостом какие-то группы; вдруг затрещал пулемет. Стали обстреливать забор, а затем и дом. Мы стояли в простенках между окон. Пули летали по комнате, как мухи, из стены в стену. Пришлось лечь на пол ниже окон. Стрельба прекратилась из пулемета, и мы выбрались из дома во двор. На дворе стоял фельдшер с фабрики, тов. Николаев, тов. Греков, тов. Залкин и другие. Нас осталось человек 12, когда открыли стрельбу из орудий. Первый снаряд попал в крышу дома; второй попал в простенок, а затем один за другим, только видели пробоины; тут же снаряд попал в крышу особняка. Громадная крыша упала около нас. Стали ожидать появления солдат со штыками; сделали распоряжение, что представляется право защищаться каждому самому по себе. Имелись две бомбы; стали ожидать с нетерпением появления солдат, и так просидели около часа. Орудия стреляли, не переставая. Решили выйти отсюда; направились через забор Предтеченского переулка; пошли на Среднюю Пресню, а оттуда—в штаб—квартиру дома. Когда вошли в квартиру, то мне страшно не хотелось оставаться в ней. Николаев и я решили уйти. Стали прощаться и говорить, что, быть может, больше не увидимся. Мы поцеловались, некоторые заплакали. Говорили, что умирать лучше на улице, чем в квартире. Затем попрощались и ушли. Выходим на Среднюю Пресню, хотели пробраться через Большую Пресню, но пройти было нельзя, потому что перебегала девочка лет 12 и была убита на наших глазах, мы переходить просто не решались. Пошли к Прохоровской фабрике и увидели там, что фабрика горит, и тут же работают пожарные. Решили перейти Москворецкий и Трехгорный заводы. Перешли Москву-реку. Когда подошли ближе к заводу, то возчики завода стали кричать: «Бей забастовщиков!». Мы молча перешли на другую сторону и пошли Дорогомиловской улицей; пошли к мосту, но тут увидели, что каждого проходившего обыскивали и проверяли документы. Тогда мы зашли в парикмахерскую, побрились, обстригли волосы.

наняли извозчика за 60 копеек до Новинского бульвара, на квартиру Н. П. Шмидта. Под'ехали к мосту, тут увидели двух солдат и двух городовых. У меня находился с собою маузер. Меня страшно волновало, когда под'езжали к мосту. Первый пост проехали благополучно, а второй был менее страшен. Когда в'ехали на мост, то было видно, как горела фабрика Шмидта.

Под'ехали к дому Плевако, где жил Н. П. Шмидт. Нас встретила сестра его—Екатерина Павловна Шмидт. Она сказала, что Шмидт арестован и находится в тюрьме. В доме мы увидели одного нашего товарища, раненого П. Ф. Полякова; получили паспорт, деньги и отправились к моей тетке на Зацепскую площадь. Там отдохнули и пошли пешком ко мне в деревню, в Подольский уезд, в деревню Лопатино. По дороге за два рубля нас подвезли верст 20; затем пробыли дней шесть и решили уехать куда-нибудь подальше. Решили поехать в город Петербург, думали, что будет что-нибудь 9-го января. Я с тов. Николаевым расстался в Петербурге. Там мне выдали паспорт на имя мещанина Вологодской губ., Вологодского уезда, Александра Ивановича Медведева.

Н. Сидоров.

Воспоминания дружинника ф-ки Шмидта.

Вспоминая декабрьское вооруженное восстание, нельзя умолчать о подготовке к этому восстанию. Я в то время работал на мебельной фабрике Шмидта. Было мне 20 лет. На квартире жил в Конюшковском переулке со своим отцом, который был типограф. После расстрела рабочих в Петербурге 9-го января, он стал мне приносить прокламации (р. с.-д. р. п.) и (с.-р). Читая те и другие, я все больше углублялся в них, но на фабрику приносить их не решался, пока не поступил к нам высланный рабочий из Петрограда, А. А. Лисин. Работая с ним чуть не рядом, говорили об улучшении рабочей жизни. А типографы уже бастовали, добивались своих улучшений. Тогда я стал решительнее. Однажды я принес книжечку в красной обложке (с.-р.) «Земля и воля», которую передал токарю нашей фабрики Н. Н. Лукьянову. Он очень охотно ее взял и просил приносить еще. Так у нас уже началась связь.

Не помню, какого месяца и числа, по окончании работ, когда мы шли двором фабрики, нас остановили; выступил агитатор и начал говорить о расстрелах рабочих 9-го января. Он говорил, что рабочие Петрограда пошли просить у царя хлеба, а их накормили свинцовыми пулями, а поэтому: «Долой самодержавие». Мы все подхватили эти слова и дружно прокричали. После этого одно за другим устраивались собрания и митинги то в Всехсвятском, то у Окружного моста, где выступал Карасев; он говорил, что надо взяться за оружие и свергнуть самодержавие, но если погибнуть придется, то их поколение пойдет по их костям к лучшей жизни. Не раз нас там навещали казаки, которые угощали нагайками.

После такой подготовительной работы мы, шмидтовцы, забастовали. Собрались на дворе фабрики, позвали Н. П. Шмидта, пред'явили требования, на которые Н. П. Шмидт согласился и сказал: «Повлияйте и на другие фабрики».

Мы демонстративно вышли на улицу и направились к ближней фабрике, где открыли ворота и сняли рабочих с работы; затем то же проделали со столярной фабрикой «Радишат» и пошли по Садовой на Долгоруковскую улицу к молодому Зибрехту, где один из наших товарищей Калмыков бросил камень в окно магазина, после чего фабрика остановилась. Пошли дальше по той же улице к старому Зибрехту, где нам оказали вооруженный отпор, так как там был околоточный и наряд городовых. Началась перестрелка; в результате околоточный и несколько городовых были убиты и один из рабочих Зибрехта был ранен; фабрика остановилась, и мы разошлись кто куда.

Когда мы приступили к работе, т. т. Николаев и Лисин уехали в Петроград. Спустя немного времени мы, шмидтовцы, опять забастовали и пошли снимать с работы брезентную фабрику. Остановив работу на брезентной фабрике, пошли по Предтеченскому переулку, направляясь к заводу Грачева. Смотрим, за нами идут 3 околоточных и десятка два городовых. Тогда Скворцов крикнул: «Боевая дружина, вперед!». Мы разом бросились на них; началась

Н. П. Шмидт.

стрельба; околоточные и городовые подобрали свои шинели и давай удирать от нас. Надо заметить, какой бодрый дух поднялся у нас: всюду и везде, где бывало ни послушаешь, только и разговору все про шмидтовцев.

Наконец был издан манифест 17 октября. Тогда уже митинги были в университете. Однажды был митинг, где находится памятник Ломоносову. Во время митинга кто-то крикнул: «Идут охотнорядцы!». Приехали фуры Красного Креста. Пошла паника; забирались на кучу кирпичей и ими же вооружались, но ничего особенного не произошло. После похорон Баумана, когда мы пошли с Ваганьковского кладбища к манежу, там нас встретили свинцо-

выми гостинцами, где был ранен наш дружинник, молодой юноша, «Жоржик».

Фабрики начали бастовать; наша дружина начала ходить по ночам и снимать посты городовых. Я помню, как мы втроем отправились снимать посты в Проточном переулке, где был ранен в ногу наш дружинник Федор Григорьевич «Апостол» (фамилию не помню).

7 декабря 1905 г., придя на работу, получаем маленькие бумажки, в которых сказано, что с 12 часов дня все фабрики должны кончить работу, что и было сделано. В 12 часов дали звонок, и все мы вышли на двор, где были т. т. Николаев, Карасев, Залкин, Скворцов, Савельев, Иванов и другие. Т. Николаев сказал, что был издан манифест царем, который дал конституцию и отнял, а поэтому работать не будем, а займемся изготовлением оружия и вступим в вооруженную борьбу.

После обеда иду на фабрику, смотрю, ни из одной трубы фабрики и завода не идет дым: все замерло. Придя на фабрику, достали старых напильников, открыли кузницу и принялись ковать кинжалы; куем, оттачиваем, ручки присаживаем.

8 декабря вечером мы отправились в Аквариум, где предполагался митинг, на котором должны быть выяснены наши дальнейшие действия. Там решался вопрос о приостановке освещения, водопровода и мерах вооруженного восстания. Было постановлено рассыпаться по городу и строить баррикады. Мы были оцеплены полицией. Когда мы выходили оттуда, то нас пропускали в калитку поодиночке, обыскивали и били прикладами.

Эту же ночь мы начали строить баррикады на Кудринской площади; снимали ворота, тащили что попало, пилили телеграфные столбы. На углу Девятинского переулка и Новинского бульвара тоже была сделана баррикада. Проволокой переплетали деревья Новинского бульвара. У Триумфальных Ворот на нас налетели драгуны, началась перестрелка, в которой несколько драгун было убито. И так шла дальнейшая постройка баррикад в других местах.

Получили сведения, что в некоторых районах приступили к работе и что подходят войска из Петрограда. Начало падать настроение. Баррикады начинают разбиваться из орудий.

Не помню, какого числа начался обстрел нашей фабрики.

Я вышел с фабрики, иду через Горбатый мост, стрельба продолжается; иду Девятинским переулком, смотрю—в булочной огонь, захожу, беру хлеба черного и белого; вышел, подхожу к церкви «Девяти мучеников», а мне навстречу драгуны. Я думаю: «Ну, пропал». За драгунами везут орудия, я все иду. За орудиями идет пехота, и только что я поравнялся с пехотой, как офицер мне кричит: «Вернись назад», а я иду и несу хлеб, а у самого кинжал и револьвер. Делать нечего, повертываюсь назад, и он мне кричит: «Бегом». Мелькнула мысль: назад не бежать и повернуть вправо за ограду церкви, а там и в церковь. Они же открыли стрельбу. Подбегаю к церкви, а с колокольни идут 4 дружинника и говорят мне: «На колокольне уже есть дружинники, побежим в дом Антонова за угол». А стрельба идет из пулеметов.

Во время перебежки один из нас был сшиблен. Начался обстрел дома Антонова. Куда деваться? Решили лезть через забор в соседний двор. Стоим за углом и ждем. Все стихло. «Ну», думаю, «надо итти домой». Опять выхожу в Девятинский переулок. Смотрю — баррикада у Горбатого моста горит и фабрика горит тоже.

Пришел домой. Домашние очень обрадовались и говорят: «А мы думали, что тебя уже нет в живых».

Не знаю, что делать, куда итти, все разбито, все подавлено. Вечером приходит ко мне отец мой и говорит: «Приходили ко мне на квартиру солдаты и спрашивали тебя, на что я им ответил, что ты давно уже уехал в деревню».

Фабрика наша горела так, что я всю ночь не зажигал огня в комнате. Окно моей комнаты было как раз напротив фабрики. Спать не ложился. Квартирный хозяин у меня был рабочий с Прохоровской фабрики. Он так перепугался, что его всю ночь лихорадило.

Вдруг вбегает в квартиру его товарищ, весь в крови, и говорит: «Вот, я шел мимо Обухова трактира, где находится солдатское начальство все пьяное; привели меня к ним, стали обыскивать, нашли 17 рублей денег, а когда вывели из трактира, то наколотили прикладами. Ночь прошла с большими беспокойствами; в переулок ночью опять начали ставить орудия и был слух, что дома будут разбивать.

На утро стало тихо, Тогда я забираю свои монатки и айда за Дорогомиловскую заставу, верст за 30 от Москвы.

Мужички мне говорят: «Сжег фабрику, теперь приехал бунтовать нашу деревню».

Однажды, как сейчас помню, на сходке был написан приговор, адресованный царю, о том, что наше общество не допустит забастовщиков и бунтарей. В ответ была получена обществом грамота одобрительного характера.

А. Савельев.

Отрывок из прошлого.

Мое воспоминание о 1905 годе я начну с того, как я попал в партию социал-демократов большевиков. Я поступил на фабрику Мюр и Мерилиз в 1902 году, а в 1903 году я записался в зубатовскую организацию и стал ходить на собрания. Потом уехал на Коломенский вагоностроительный завод, где проработал до 1904 года, вернулся опять в Москву и поступил на фабрику Шмидта, откуда стал ходить с одним из покойных товарищей опять на зубатовские собрания. А потом как-то попали в нелегальную квартиру на Тверской-Ямской ул., откуда и стали получать разные прокламации. Это продолжалось до 9 января, когда революционная стихия стала разрастаться.

Как-то было назначено общее собрание всех районов Москвы в Сергиевском народном доме, куда стали стекаться все рабочие; но там собрание не состоялось; тогда направились в Грузинский народный дом. Председатель и организатор района Соколов заявил, что здесь только назначено районное собрание, а не общее, но рабочие потребовали, чтобы убрали столы и начали собрание.

Когда Соколов открыл собрание и начал доклад, его сорвали товарищи и стали читать воззвание Гапона; говорили о том как ходили просить у царя милости, который их встретил свинцовыми орехами. После этого все рабочие вышли с большим негодованием.

Я связался с товарищем Ивановым, который имел нелегальную квартиру, где собирались марксистские кружки, которые я стал посещать. Потом он переехал в Волков переулок, где и я поселился. Познакомился с товарищем Николаевым—слесарем Брестской ж д., и покойным товарищем Карасевым, которые мне предложили снять квартиру для нелегальных посещений, на что я из'явил полное согласие и снял подвал в Конюшковском переулке в доме Курбанова. Жильцов набрал с фабрики. Тут я стал вербовать товарищей со своей фабрики для кружков марксизма. Ко мне стали ходить пропагандисты и организаторы. Я сорганизовал маленький кружок, куда вошли 5 человек: я, Залкин, Лукьянов, Баранов и Скворцов. Когда мы сорганизовали ядро партии, то к нам поступает через Комитет партии товарищ Иванов, затем товарищ Карасев и Лыгин, а потом и товарищ Николаев с Брестской ж. д.; у нас тут развернулась широкая партийная работа, пошли всевозможные политические беседы. Когда узнали товарищи других фабрик, то стали приходить к нам, где им давались директивы, как вести пропаганду среди масс. Хозяин наш, Николай Павлович Шмидт нелегально

во всем нам помогал и первый разрешил 9-часовой рабочий день с 1 мая 1905 г., за что все фабриканты на него обрушились. Когда приглашали его на собрание фабрикантов, то он демонстративно покидал его. Мы начали организовывать боевые дружины из своих товарищей. Оружие стали получать через Николая Павловича Шмидта, так что к типографской забастовке у нас уже была сорганизована боевая дружина; когда выступали типографии на Тверском бульваре, нам в первый раз пришлось итти туда для охраны ораторов, но там были казаки, которые учинили расправу. Они спешились и дали залп в воздух, а затем начали стегать нагайками и всех разогнали.

Началась более успешная работа по организации. Была назначена конференция в лесу, по Северной ж. д. Ночью, когда открыли конференцию и стали делать доклады, какой-то провокатор сорвал ее, крикнув: «Казаки!». Конечно, наши товарищи в темноте испугались и разбежались, растеряли галоши, фуражки и зонтики. Вторая конференция была назначена по Владимирскому шоссе в Измайловском зверинце, более конспиративно; здесь конференция состоялась, были заслушаны доклады с мест о настроении рабочих масс. Потом была назначена конференция по Нижегородской ж. д. в левой стороне леса на станции Обираловке, но тут какой-то провокатор сообщил в охранное отделение, что будет конференция; мы не успели приехать, как нас встречает жандармерия и полиция; человек сорок арестовали, а остальным пришлось долгое время ходить по лесу, а потом уйти на другую станцию, откуда и возвратились в Москву. После этого началась успешная работа партии по организации рабочих на фабриках и заводах. В скором времени сорганизовали забастовку против японской войны. У нас масса была уже подготовлена и было условлено с первой московской столярно-мебельной артелью, чтобы прислали двоих или троих товарищей снять нашу фабрику с работы. Когда пришли эти товарищи на фабрику, дали звонок и крикнули: «кончай», мы все кончили и вышли на двор. На дворе сделали собрание и решили итти снимать все фабрики. Первую сняли брезентную фабрику, потом ф-ку «Беге»; направились по Ходынке к фабрике Фишера у Триумфальных Ворот, рядом с театром «Олимпия». По дороге сняли много мастерских. Потом направились на Долгоруковскую улицу. Когда пришли на фабрику Зибрехта, то оказались ворота запертыми. Сломали ворота и вошли на фабрику; крикнули: «кончай», но в это время выбежал сам Зибрехт и начал уговаривать своих рабочих. Тогда полетели со двора камни, и рабочие стали выходить на двор; в это время из соседнего двора вышел отряд полиции во главе с помощником пристава, который хотел отрезать наших товарищей, находившихся на дворе, но товарищ Николаев скомандовал: «стреляй»; дали залп, ранили несколько человек городовых и помощника пристава; остальные городовые разбежались, и мы все ушли благополучно.

На следующий день было назначено общее собрание столяров у железнодорожного моста Окружной ж. д. на Москве-реке; когда началось собрание, в это время патрулями было замечено приближение казаков со стороны Дорогомилова. Патрули передали нам, что едут казаки. Мы, конечно, успокоили своих рабочих и не велели разбегаться, а отступать организованным по-

рядом по берегу Москвы-реки к Прохоровской фабрике. Когда мы начали отступать, казаки некоторое время нас преследовали, а потом ушли обратно. Было назначено собрание из представителей фабрик и мастерских в Инженерном училище для выработки устава профессионального союза столяров и плотников, который был предложен присяжным поверенным Петром Петровичем Лидовым, и был принят.

В скором времени, 5 декабря, состоялась конференция в училище Фидлера, где был поставлен вопрос о всеобщей забастовке с переходом на вооруженное восстание рабочих. Были даны на конференции красные билеты, которыми и голосовали за вооруженное восстание; было постановлено, чтобы 7 декабря в 12 часов дня об'явить всеобщую забастовку.

Началась ожесточенная работа по изготовлению всевозможного холодного оружия; начали ковать пики и кинжалы. 7 декабря в 12 час. дня у нас на фабрике на дворе раздался выстрел из револьвера, и фабрика стала. Товарищем Николаевым были произнесены речи о свержении самодержавной власти с переходом к учредительному собранию, а потом мы стали дожидаться директив из центра, но директив никаких не было, и на 3-й день мы решили выступить самостоятельно. Начали строить баррикады, пилить телеграфные столбы, валить телефонные булки и резать кабели и провода. Когда мы делали баррикады, нам сообщили мальчики, что по Новинскому бульвару едут казаки; мы отправились туда, но там их не оказалось. Тогда нам сказали, что по Арбату едут драгуны, мы поспешили туда; один отряд отправился на Смоленский рынок, другой—на Москву-реку, а мы через двор на Арбате встали в воротах и открыли стрельбу по драгунам; завязалась перестрелка, одной из разрывных пуль был ранен товарищ Николаев в пятку. Тут мы прекратили стрельбу; тов. Карасев загорячился, встал на колено, взял прицел; в этот момент ему попала пуля в лоб и вышла навылет в затылок. Он опрокинулся навзничь, кровь забила фонтаном—он был убит наповал. Мы его подобрали и принесли на Новинский бульвар в дом Плевако, где помещался Николай Павлович Шмидт, а оттуда перевезли на фабрику.

В это время происходила перестрелка на Москве-реке у Проточного переулка, в результате которой оказалось трое раненых: Седов из первой московской артели в ногу, Алексеев—в правую руку и Егоров—в ногу, которую ему отняли после всего этого. Собрались на фабрике и решили итти в 3-й участок Пресненской части на Малой Грузинской ул., где застали собравшихся полицейских надзирателей во главе с приставом и помощником. Мы их, конечно, обыскали, отобрали оружие, забрали бумаги, но с ними ничего не делали. Когда стали возвращаться обратно на фабрику Волковым переулком, то увидели, что едут казаки разбирать баррикады; поравнявшись с переулком, казацкий офицер скомандовал спешиться, построил казаков в шеренгу, приказал сигналисту сыграть сигнал. Когда сигналист заиграл, мы дали по ним залп, в результате которого оказалось несколько раненых, а остальные разбежались; остался один офицер, который был тоже ранен. Мы вернулись в Георгиевский переулок, вышли на Малую Грузинскую, потом на Пресню и пошли на фабрику. С фабрики начали терроризировать полицию, об-

стреливали часть из слухового окна и установили дежурства. Это продолжалось до 19 декабря, когда наша Пресня была отрезана от центра, и мы не знали, что там делалось.

Но вот приехал Семеновский полк с генералом Мином, который обложил со всех сторон Пресню. 19 декабря был арестован Николай Павлович Шмидт на своей квартире, которую он снимал на Новинском бульваре в доме Плевако, и препровожден в Бутырскую тюрьму, где просидел целый год в одиночном заключении и был зарезан царскими опричниками. В 6½ часов утра открыли пулеметный и ружейный огонь. Это запечатлелось у меня в памяти, потому что я сменился с дежурства, меня сменил тов. Николаев в 6½ час. утра. Я пришел на квартиру немного соснуть. Только я пришел и не успел раздеться, как затрещал пулемет; я схватил шубу и стал одеваться, хотел побежать опять на фабрику. В это время раздался орудийный выстрел в Девятинском переулке по направлению к нашей фабрике; выстрелы стали приближаться все ближе, ближе, так что я не мог уже больше вернуться на фабрику (под обстрелом орудий семеновцев и пожарных) и стал наблюдать за судьбой нашей фабрики. Квартира у меня была как раз напротив фабрики в Большом Конюшковском переулке; мне на втором этаже было видно через Нижний Пресненский пруд всю нашу фабрику, как на ладони. Когда артиллерия вышла на прямую линию, то начала обстреливать корпус фабрики. Под прикрытием артиллерии подошли семеновцы и пожарные; было направлено орудие к каретный сарай и конюшню; пробили брешь, свернули большой жгут рогож, облили керосином и бросили в эту брешь. Сарай запылал, как факел. Когда провалилась крыша, то орудие было направлено на склад мебели, а внизу была столовая и библиотека; тоже пробили брешь, в пробитой бреши склад тоже горел, покамест не провалилась крыша. Потом зажгли контору на углу Предтеченского переулка. Затем жгли фабрику за фабрикой, лесные штабеля. Зажгли дом, где помещалась Вера Викуловна—мать покойного Николая Павловича Шмидта. Когда покончили с фабрикой, стали жечь дома, где проживали рабочие шмидтовской фабрики; этот уголок Пресни представлял из себя факел: ночь была как день. Потом было дано распоряжение о том, чтобы мирные жители выезжали, а дома были назначены к сожжению. Начали искать шмидтовских рабочих, но наш дворник сказал им, что он ручается за своих жильцов головою, что они нигде не участвовали. На этот раз полиция не пошла ко мне на квартиру, я этим и был спасен.

В. Буйволов (Ракитин).

Воспоминания уполномоченного от воинских частей.

Последние 5 дней подготовки.

Будучи в то время уполномоченным от 221-го Троицко-Сергиевского полка, я был связан с солдатами, служившими в штабе Московского военного округа, на Пречистенке, в Всеволожском пер. Когда выступил 2-й Ростовский и 3-й Самогитский полки, мне пришлось нащупывать настроение других воинских частей города Москвы; и вот в эти самые 5 последних дней можно было еще в начале думать, что действительно выступят и другие воинские части, но только это было от 2 до 4 декабря, так как вначале связь еще была более доступна, а впоследствии пришлось почти ее потерять ввиду опасности провала. Так продолжалось до 6 декабря, до 2 час. дня. До упомянутого времени приходили представители с фабрик и заводов, предлагавшие поддержать своих же братьев солдат и обещавшие присоединиться к выступлению, но становилось все труднее от надвигавшегося режима, а поддержка не приходила, настроение революционности стало пропадать у солдат, они стали раскалываться: одни остались верными данным словам рабочих, что если те выступят, то и они также; другие остались на распутье, а третьи совсем перешли на сторону правительства.

Настроение солдат накануне восстания.

На 6 декабря был отдан приказ по М. в. округу и всей России, который должен быть прочтен во всех воинских частях России, в котором царское правительство Николая Кровавого давало ничтожное материальное облегчение солдатам. В то время оно заключалось в следующем: надбавка жалования с 45 коп в два мес. для рядового на 50 коп. в 1 месяц, прибавка нескольких золотников в день мяса, а если точно, 12 зол., выдача постельной принадлежности, т.-е. одного одеяла, выдача белья одной пары и еще разной другой мелочи на 5 коп. Вот этот жалкий обгрызок с царской кухни окончательно пагубно повлиял на оставшихся в нейтралитете и на малодушных солдат, и тем самым дал большую уверенность оставшимся на стороне правительства солдатам. Ровно в 12 часов дня 6 декабря было устроено для солдат угощение из 2 бутылок пива и ¼ колбасы и ½ бутылки водки; офицерство, воспользовавшись пьяным настроением солдат, начало усиленно агитировать в свою пользу, даже были попытки притти к провокации, дабы узнать от пьяных

солдат про передовых товарищей и их уполномоченных; правда, нельзя сказать, чтобы было солдатами сказано что-нибудь лишнее в эти короткие часы с 12 до 4 ч. дня, зато когда пошли на обед в столовую и вернулись оттуда, то некоторые из солдат-правительственников сразу же стали вызывающе держать себя по отношению к своим вчерашним друзьям, в которых они так верили и на которых они надеялись. В 5 час. вечера было устроено нападение на меня двумя из них. Я, конечно, не мог знать их дальнейшего плана, но только мог предполагать, что, по всей вероятности, они хотели меня этим выдать. Благодаря оставшимся на нашей стороне, я благополучно от них отделался и убежал в сопровождении тов. Марусона Якова, потеряв только один новый мундир, у которого были разорваны воротник и рукава.

На конспиративной квартире.

Вырвавшись из казармы, мы вдвоем с тов. Марусоном направились во 2-й Волхонский пер., д. Чернышева в мою конспиративную квартиру для того, чтобы дать знать, как переменились солдаты и как стали себя держать, и еще—чтобы получить директивы и узнать, что должны были порешить на заседании 6 декабря; будут ли рабочие выступать или нет? Нам уже казалось, что дело революции проиграно.

Часов в 7—8 вечера, точно не помню, пришли Виноградов, Буксин Илья, Меркулов и Захаров, которые были в очень веселом и приподнятом настроении, и рассказали нам, что выступят рабочие в 9 час. утра не позднее 7 дек. Мы в свою очередь поделились с ними только-что случившимся и, изрядно побеседовав, расстались до утра. Мне и Марусону было поручено все-таки узнать, как и что предприму́т те, от которых мы скрылись накануне.

Утро 7 декабря.

Переночевав здесь же во 2-м Волхонском, я и тов. Меркулов, встав часов в 6 утра, пошли по порученной работе; только-что мы спустились к Екатерининскому парку, к нам подбегает один товарищ от Кушнерева, знавший меня в лицо, и кричит: «Товарищи, помогите нам обезоружить 4 артиллеристов, а то нас только двое». Мы, недолго думая, дали артиллеристам поравняться с собой и скомандовали им: «руки вверх»; увидя уже наставленные на них браунинги и маузера, они исполнили нашу команду, и мы воспользовались от них 4 наганами и 4 саблями. Очень характерно, что когда они остались без оружия, то стали нас умолять отдать им обратно оружие, некоторые из них даже заплакали. Мы им быстро написали записку и засунули одному за обшлаг шинели; записка призывала всех солдат артиллерии поддержать нас в борьбе с самодержавием. Сдав револьверы и сабли рабочим Кушнерева и оставив здесь же тов. Меркулова, я один отправился для заканчивания порученной мне работы. Не дойдя до 1-й Тверской-Ямской, я услыхал пронзительный призывающий на борьбу свисток Брестской жел. дор. Теперь

мне надо было торопиться для свидания с Марусоном, так как для меня картина была ясна, да и в самом воздухе было что-то необыкновенное и на улицах то же самое.

Добравшись до тов. Марусона, я от него узнал, что мне уже больше сюда являться нельзя, так как меня хотят арестовать. Получив сведения, что штабные не пойдут с рабочими, я поспешил удалиться на подмогу к себе в Грузины; возвращаясь в Грузины, я неоднократно отзывался на постройку баррикад, которые росли молниеносно: работали почти все, кто мог. Только в 3 часа дня я попал к себе на Малую Грузинскую ул.; не заходя домой, я направился в Расторгуевский пер., где получал разные поручения. Не прошло и нескольких часов, как здесь мне пришлось быть свидетелем первой нашей потери, в лице тов. Виноградова, который стал обезоруживать только что приехавшего с Дальнего Востока прапорщика запаса Воробьева, бывшего до Японской войны чертежником у Грачева на заводе. На Малой Грузинской улице, между Расторгуевским пер. и бывшим в то время входом на завод Грачева спешили достраивать баррикаду. Кто-то крикнул: «Вон офицер идет и у него, наверное, есть оружие». Бросилось несколько человек к офицеру; он, заметив наших дружинников, моментально выхватил револьвер и дал выстрел; пуля попала прямо в пах тов. Виноградову; тов. Виноградов тоже дает выстрел, а за ним несколько других товарищей также дают выстрелы, и офицер убит на месте. По осмотре доктором, тов. Виноградов в страшных мучениях умирает, но перед смертью призывает знавших его товарищей не бросать начатого дела до конца. В этот же день вечером пресненские дружинники делают попытку захватить начальника охранки Войлошникова у него на квартире в Волковом пер. Прибыв один раз и не застав его дома, оставили наблюдение за его квартирой. В конце концов удается его захватить по дороге из квартиры в Ревком, где и осудить. Но не успели его провести несколько шагов, как послышались со всех сторон разные предложения. Тогда наскоро состоялось совещание, которое постановило расстрелять его на месте, что и было исполнено тут же в Волковом пер. Привел в исполнение приговор Борис Мазурин.

В ночь с 7-го на 8-е мне было поручено охранять баррикады на Большой Грузинской площади, в Благовещенском пер., на Владимиро-Долгоруковской ул., и в Большом Кондратьевском пер., которые я и охранял с тов. Яковлевым и несколькими другими, как товарищами Брестской жел. дор., а также завода «Дукс» и др.

Утром 8 декабря мне было дано поручение отправиться к кушнеревцам за получением от них пароля и передачи им нашего, так как они с нами держали самую тесную связь. Прибыв туда, я принял уже боевое крещение.

После этого уличного боя у Бутырской тюрьмы я снова должен был вернуться к себе в Грузины и, проходя через 1-ю Тверскую-Ямскую от Миусской площади, я был остановлен рабочими, не знаю, какого завода, следующими словами: «Кто я, куда иду и какой пароль?». Когда узнали, что я свой человек, то предложили мне не ходить через Тверскую, где я шел, так как по их словам, уже было ранено здесь три человека, неизвестно откуда и кем.

Я, однако, пошел по левой стороне улицы для того, чтобы миновать обстрел, так как стреляли наискосок, а поэтому на левой стороне было совершенно безопасно. Я тогда подкрался к углу с левой стороны и тоже в свою очередь дал несколько выстрелов. После первого же моего выстрела, в одном из домов фортка моментально закрылась и была быстро опущена тяжелая портьера. Воспользовавшись этим я быстро перебежал мостовую 1-й Тверской на угол Бол. Грузинской. Добежав до Сенной площади, сообщил товарищам о всем случившемся со мной в дороге. Мне дали 5 — 6 человек, и мы отправились к тому дому, откуда стреляли из фортки. Предварительно окружив дом, мы направились в эту квартиру, где мы и застали сына купца Талдыкина,— поручика, которого и передали в Ревком, отобрав у него наган и саблю, а у отца браунинг, но отца самого не было дома. По приговору Ревкома он был тоже расстрелян.

Утром 9 декабря, когда мы направились к «Прохоровке» от Трынденского пер. в количестве 10—12 чел. и только-что успели дойти до Грузинских бань (это где Средний и Малый Тишинские пер.), подбегают к нам ребятишки и кричат: «Там идут солдаты с офицером, приказывают разбирать баррикады, а сами обстреливают следующую баррикаду». Мы сперва-было не поверили малышам, хотя слышали выстрелы из винтовок, думали, что это происходит на Малой Грузинской, но когда вышли на угол, то увидали на углу солдат, которые направлялись в нашу сторону. Мы убегаем обратно за угол, быстро сговариваемся, и я 12 чел. делю на 3 отряда по 4 человека, посылая один банным двором в обход офицеру с солдатами, другой—на другую сторону в дом Пушкарева в Средний Тишинский пер., а с третьим остаюсь сам за углом. Уговор был таков: дать им сломать одну баррикаду и продвинуться вперед за ворота Пушкарева дома приблизительно почти до моего угла и тогда всем открыть убийственный огонь, а одновременнно бросить одну, а если удастся и несколько бомб, чтобы неожиданно навести на них панику. Все это было выполнено дружиной сверх ожидания; выстрелив не более 20—25 раз, солдаты побежали, а мы их стали крыть с трех сторон, тогда они бросили винтовки и легли, а офицер до того растерялся, что сперва то ложился, то вставал, а потом выхватил саблю и быстро на нее надел белый платок и стал махать ею в воздухе. Мы быстро выбежали и захватив в ворота офицера, сказали, что мы его отпустим живым домой, не будем расстреливать, если он сам отдаст приказ своим солдатам сдаться. Мы уже с него все сняли, как револьвер, а также и саблю; он поверил нам и, выйдя в сопровождении наших двух товарищей дружинников, дал приказ сдаться, и они тотчас же сдались. Мы, не желая подводить солдат и видя их превосходство в силах, написали им бумажку, что они сдались по приказанию своего офицера, и чтобы их не судили, если мы проиграем дело восстания. Тут нам досталось в руки 18 винтовок, 2 револьвера, 1 сабля офицера, 1 тесак барабанщика. Данное слово офицеру мы сдержали и отпустили их домой, а винтовки с патронами в кожаных сумках отнесли на «Прохоровку».

И. Прошин.

На заводе Мамонтова в 1905 г.

Я поступил на завод в 1903 г. мальчиком, а позднее меня, т.-е. 1904 г. летом, поступил некто Ефимов Павел Ефремович. В свободное время и обеденный перерыв, и вечером мы обсуждали события на Дальнем Востоке,— войну с Японией.

Не безучастным оставался в этих суждениях и тов. Ефимов; редко он не говорил. Вот уже 6 месяцев туда тянутся длинные составы товарных вагонов, на которых имеется надпись «сорок человек или восемь лошадей», наполненные солдатами, и оттуда эти же составы везут никому ненужных искалеченных людей.

К Ефимову стали заходить рабочие—т.т. Лахтин Алексей Герасимович, Деев Иван Васильевич, Кумысков Василий Евдокимович и другие; поговорят с Ефимовым и уходят. Так время шло до октября.

После манифеста 17-го октября Ефимов стал выступать, говорить и об'единять рабочих. И в других отделах сознательные товарищи вели активную работу.

На одном из заседаний было постановлено клуб обслуживать своими силами. Заведующий заводом Романов предоставил помещение и отпустил небольшие средства. Это помещение стало центром об'единения. В этом же помещении стали читать историю французской революции, открыли школу грамотности. Когда приходили в этот клуб, то всегда происходила кипучая работа. Группа лиц во главе с Ефимовым вела организованную работу. Эта группа была мало подготовлена политически, но ей приходили на помощь интеллигентные силы, как-то: Романов И. И., Князятов Г. Г., Липин Н. Н., Шеханов Ф. С., Трубецкой и другие.

В этой обстановке прожили ноябрь и начало декабря, стали готовиться к выступлению; делали кинжалы, пики, приобретали револьверы, стали поговаривать и о винтовках, и призывали открыто к вооруженному восстанию.

7-го декабря Пресненский район устроил пробную демонстрацию. Часов в 11 утра к заставе потянулись стройными рядами рабочие и работницы, море красных знамен с лозунгами: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Мы остановились у заставы, не хотели перебивать ряды идущих рабочих и работниц других заводов. Проходившие рабочие шли стройными рядами по десяти человек в ряд, и на каждые десять рядов один десятник. Теперь дошла очередь до нас, нам предложили пойти в середине. Не доходя до М. Грузинской ул. остановились, нам сообщили, что в Кудрине казаки преградили путь

манифестантам. Наши десятники уже думали повернуть обратно, но в этот же момент передали, что со стороны Воскресенского шоссе появились казаки с ружьями наприцел, а офицер обратился к рабочим и просил приостановить шествие. Те рабочие, которые не вошли на Пресню, стояли на валу и оказались в лучших условиях, чем те, которые были на Пресне. Толпа дрогнула при одном слове «казаки», но десятники призывали к спокойствию, а сами стали вести переговоры с казацким офицером, стоящим у заставы. Из об'яснений было выяснено, что ему приказано рассеять манифестантов вплоть до применения огнестрельного оружия, но если манифестанты станут расходиться тихо, покойно, то он со своим отрядом отступит за заставу и займет место по Воскресенскому шоссе, и этим самым даст возможность выйти с Пресни. Если со стороны рабочих последуют выстрелы и бросание камней, то офицер примет самые решительные меры.

Первая наша попытка прошла благополучно без столкновения с казаками и полицией, а поэтому рабочие стали готовиться к вооруженному отпору, и, действительно, мы были правы,—ждать долго не пришлось.

11 декабря с утра, группа рабочих стала собираться в саду Аквариума. Для разгона этого митинга посланы были казаки; здесь рабочие дали первый пробный бой. Казаки отступили по Тверской к заставе. На помощь казакам была выслана артиллерия, которая стала производить обстрел по Тверской.

В тот же вечер на нашем заводе было созвано общее собрание. Обсуждался вопрос, выступать или не выступать? Некоторые говорили, что выступление несвоевременно, а потому не даст желанных результатов. В конце этого собрания на трибуну выходят т.т. Лахтин и Шеханов; они с Тверской, очень рады тому, что застали общее собрание. Гробовая тишина. Они заявляют, что на Тверской уже идет бой, много раненых, нужно им перевязать раны, нужно сменить уставших на баррикадах, что всякое промедление преступно, и не время заниматься митингами, когда кровь рабочих льется рекой, сознательные товарищи должны пойти на баррикады. Тов. Шеханов призывал к скорейшему формированию боевых дружин, к чему сейчас же и приступили. На улицах: Пресне, б. Ваганьковской, Воскресенской, по валу шла усиленная работа по постройке баррикад: резали телеграфные столбы, подвозили сани, полки, ворота и все окручивали телеграфной проволокой. Баррикады росли одна за другой, сказочно. Появился небольшой отряд казаков для разведки, но уже был обстрелян с баррикад.

В понедельник утром в 12 часов дня со стороны Ваганьковского кладбища появились казаки, но к заставе проникнуть не могли,—баррикады на каждом шагу; казаки скрылись за кладбищем, и через час появилась рота солдат с ружьями наперевес тремя колоннами: две—по тротуарам, саперы—по мостовой для разборки баррикад. У заставы произошла перестрелка. От кладбища появились казаки и артиллерия. Артиллерия стала устанавливаться у кладбищенских ворот, казаки охраняли артиллерию с прилегающих переулков. Через самый непродолжительный промежуток времени раздался выстрел, за ним другой и третий.

Выстрелы были сперва очень редки, как будто не знали, куда стрелять, но зато позднее наладили, лучше чем под Мукденом. Вот передышка, досужие мальчики вышли посмотреть, что натворили наши герои, а натворили они порядочно: на мостовой получился винегрет, разбитые полки, сани, ворота, все, что было на баррикадах и порядочная доза камней и штукатурки с домов. Недолго пришлось рассматривать нам, как раздался орудийный выстрел. Все по своим местам: в подвалы, погреба, сараи, лишь бы только не быть в квартире. Стемнело. У заставы появилось небольшое зарево; загорелся дом Павлова,—у самой заставы.

16-го декабря началось переселение, каждый бежал, кто куда. Ломовые, у кого уцелели сани, не попали на баррикады, брали сумасшедшую цену, а те ломовые, у которых были взяты сани на баррикады, ругали дружины, на чем свет стоит.

17-го декабря правительство решило разбить очаги заразы, как они называли, а такими очагами были: Прохоровская мануфактура, завод Мамонтова и столярная фабрика Шмидта.

Утром семнадцатого декабря артиллерия выстроилась на Красной горке, начался обстрел очагов политической заразы. Порядочную дозу уделили нашему заводу, по своему опустошению он стал вторым; первым была фабрика Шмидта, которую совершенно разрушили, т.-е. разбили и сожгли, а владелец ее был арестован. Наш же завод остался благодаря счастливой случайности, производственные мастерские остались целы; горели целую неделю склады, в которых хранились: смола, копалы, каури, гаринусы, канифоль и другие легко воспламеняющиеся вещества. Своим черным и едким дымом они покрывали весь Пресненский район и этим успокоили наших героев. Это страшное зарево, которое вспыхнуло на заводе, могло смести все до основания, почему дальнейший обстрел был прекращен. Прислали роту солдат для охраны; вызван был владелец завода; начались аресты.

Тов. Лохтин А. Е. был расстрелян на трехгорной мануфактуре.

» Романов И. И. скрылся за границу.

» Липин Н. Н. скрылся неизвестно куда, и до сего времени сведений нет.

Тов. Князятов скрывался до 1916 г. в Москве, а потом был арестован и мученически погиб в Бутырской тюрьме.

Тов. Ефимов П. Е. арестован в Петербурге.

Костромской Ник.
Кумысков В. Е.
Трубецкой

} Все были арестованы и приговорены к каторжным работам.

Костромского и Кумыскова после революции я видел, но о Трубецком сведений нет.

А. Савыков.

Декабрьское восстание на нашем заводе.

В 1905 году на заводе Мамонтова работало 625 человек, из них 210 женщин. Большинство рабочих в то время так же как и теперь, были люди пожилые, семейные. Уже с начала 1900 года на заводе велась политическая работа. Но в связи с общим положением широких размеров она принять не могла. Собирались украдкой, главным образом, в общей уборной. В работе этого времени наибольшее участие принимал рабочий-жестянник Лохтин А. Е. Ему было тогда 26 лет, роста высокого, белокурый, человек прямой, смелый, энергичный. Политическую работу вели также: садовник Шеханов, фельдшер Князятов, пробочник Липин, упаковщик Ефимов и Романов, управляющий заводом.

Наиболее широкие размеры политическая работа приняла в 1905 году. Особенно после убийства т. Баумана. Не удовлетворяясь случайной работой, вышеуказанные лица решили об'единить рабочих организацией чайной. По их настоянию администрация завода предоставила им помещение. Постепенно, работа стала развертываться, между прочим было прочитано несколько лекций по истории французской революции меньшевиком Ротом.

Перед началом декабрьского восстания на нашем заводе было два течения: одни за выступление, другие против; против были, конечно, Рот, а также приходивший на завод какой-то Баранов. Когда же началось восстание, было устроено экстренное собрание рабочих для окончательного решения вопроса. Это было 9-го декабря. На собрании присутствовало около 400 человек. Рот и Баранов указывали на то, что выступление преждевременно, рабочие не организованы, что их перестреляют. Речи Рота, присяжного поверенного, опытного оратора, а также интеллигента Баранова, призывающие уклониться от восстания, грозящие многим гибелью, конечно, имели успех, особенно среди пожилых и многосемейных рабочих. Сторонники восстания не обладали ораторским искусством и не скрывали перед рабочими всей опасности. Они говорили, что восстание уже началось, рабочие не могут быть изменниками и все должны быть на баррикадах. Чтобы не терять драгоценного времени, Лохтин предложил покинуть завод всем нежелавшим примкнуть к восставшим. Он говорил: «Все здоровые, способные носить оружие должны остаться. Все же трусливые, слабые и боящиеся смерти пусть покинут завод и не мешают нам». Большинство разошлось. Осталось человек 30, которые все вошли в боевую дружину. У хозяев завода Мамонтовых, как страстных охотников, было около 15 ружей, да охрана имела 5 револьверов, этим и вооружились. Мамонтовы завод уже по-

кинули к этому времени, и дружина была фактически хозяином завода. Фельдшеру Князятову была поручена организация помощи раненым в заводской больнице. В его распоряжении было три лошади. Но широко развить работу лазарету не удалось. Прошло всего не более 5—6 человек раненых, так как в самый разгар боя лазарет был отрезан от восставших артиллерийским огнем правительственных войск, бивших по Пресне с Ваганьковского кладбища. Небольшая часть дружинников осталась на заводе для охраны и связи с восставшими; остальные во главе с Лохтиным ушли на баррикады.

10-го декабря по всей Пресне кипела работа, строились баррикады. Валились телеграфные столбы, снимались ворота, двери, тащили полки, сани и т. п. На случай налета конницы у заставы было устроено проволочное заграждение высотою в 1½—2 аршина. 11-го декабря в центре уже был бой; слышны были выстрелы с Поварской и Садовой. До Пресни войска еще не добрались, так как на Кудринской площади и прилегающих к ней улицах были устроены сплошные баррикады, защищаемые большими дружинами рабочих. 12-го были первые столкновения с войсками. Целую неделю держались баррикады, и наши повстанцы сохраняли связь с заводом.

Отчаянный бой загорелся 17-го декабря. С утра начался обстрел артиллерией с Красной Горки и Ваганьковского кладбища. На нашем заводе от снарядов загорелся большой корпус с сырьем: смолой, гарпиусом и др. и прогорел целую неделю, предоставленный сам себе. На «Прохоровке» также начался пожар. У Пресненской заставы горели будки. Разрушались дома. В это время полковник Мин повел свои отряды по Б. Пресне и прилегающим улицам. Началась отчаянная борьба. Но силы были неравны. Дружинники были окружены со всех сторон и продолжать борьбу было невозможно. В этот день в бою из рабочих нашего завода погибли двое: Алексей, по кличке «Пшеничный», и Василий — фамилии коих восстановить не удалось. Разбирая баррикады, обстреливая дома и сражаясь с отдельными группами рабочих, правительственные войска стягивались к центру Пресни — «Прохоровке». Начались обыски, аресты и расстрелы. На «Прохоровке» был взят вместе с другими дружинниками наш рабочий Лохтин и расстрелян.

Утром 20-го декабря наш завод был занят войсками. Был вызван хозяин завода. Потребовали список рабочих. К этому времени появились на заводе и некоторые рабочие, среди них были и дружинники: Шеханов и Князятов. Начались допросы. Стало известно, что сторож Орлов выдает лиц причастных к восстанию. Ввиду этого им пришлось немедленно скрыться. Управляющий заводом Романов бежал за границу. Рабочие Шеханов, Липин, Ефимов, Трубецкой и фельдшер Князятов бежали в другие города. Из них Князятов в 1914 году был арестован в Москве и трагически погиб в Бутырской тюрьме: найден был повешенным. После него остались жена и сын. Трубецкой был задержан в 1908 году. Его судили. Дальнейшая судьба неизвестна. Целый ряд рабочих был арестован на квартирах и они просидели разные сроки. Из них Кумысков и Николай по кличке «Костромской» судились, первый получил 6 лет каторги и второй—10. На заводе был об'явлен рабочим расчет.

О. Зверева-Васильева.

В дни декабрьского восстания.

7-го декабря рабочие Трехгорной мануфактуры вышли было на работу, но как раз работать не пришлось, уже почти кажый рабочий знал, что будет забастовка.

Около 10 часов утра рабочие остановили свои машины и, как один человек, вышли на улицу, встали в ряды и пошли во двор к большой кухне, а тут уже видим тов. Седой организует ряды. Порешили итти на Красную Пресню со знаменами. Дружными рядами двинулась боевая дружина вперед, рабочие за ними. Все охотно дошли до Большой Пресни; встретились казаки и сказали: — «разойдитесь по местам», — но наша боевая дружина была крепка, мы подбодрили своих, сказав:—«товарищи, вперед»,—но тут нас еще встречает бо́льшая сила казаков, нас стали разгонять. Наша боевая дружина стояла крепко, но сзади многие рабочие разбежались, пришлось вернуться назад. Пришли на большую кухню, собрали собрание и постановили вести борьбу до победы.

И вот началась работа рабочих и работниц. Пилили столбы, строили баррикады, опутывали все улицы проволокой, разделились на десятки и из-за углов стреляли в городовых. Работницы героически помогали своим товарищам, бегали по улицам, собирали раненых и убитых, некоторые были разведчицами, некоторые были в боевой дружине. Работницы тоже стремились свергнуть самодержавие, были дружны и смотрели друг на друга, как на свою родную сестру.

Продолжалась эта борьба около двух недель. Никто не спал, а всякий стремился делать то, что ему назначено...

Слышим от тов. Власова, что повезли на Ходынку большие орудия...

Казаки появились на Новом Гулянье, — мы сделали засаду, открыли стрельбу, и казаки скрылись. Но вскоре начали стрелять в нашу «Прохоровку» с трех сторон: с Ходынки, с Дорогомиловского моста и от Зоологического сада. Наши товарищи видят, что дело плохо и говорят: «спасайтесь, кто где может». Спальни наши, где мы жили, обстреливались, даже летели кирпичи, мы, работницы, спасались больше всего в подвалах своих спален, иначе не было выхода, кругом пожары и стрельба. Горели против нас дома бывш. Лапина, Шмидта, Мамонтова, даже не пощадили и заставу, где жили городовые. Сидя в подвалах, мы не знали покоя, некоторые работницы кричали нам: «Ступайте боритесь, что с нами прячетесь, все равно вам отвечать за это дело». А в это время настоятель церкви отец Евгений лупил «Прохоровку» со своей колокольни.

Делать было нечего, приходилось сдаваться. Наши рабочие пошли к Прохорову, выпросили миткаля и выбросили три белых флага на крышах своих спален; стрельба стала утихать. Нагнали семеновцев, пошли обыски и почти грабежи. Озверелые солдаты делали все, что им вздумается. На фабрике, в ткацкой конторе, сидел распорядитель Мин и судил: кого расстрелять, кого плетьми стегать — тут были ужасные стоны, крики, даже невозможно слышать. Расстреливали, на ломовых отвозили в часть и валили в сарай, как дрова.

Н. Шорохов.

Кушнеревцы в 1905 году.

(Воспоминания дружинника.)

В декабре 1905 года я работал в типографии Кушнерева, на Пименовской улице (работал я в наборном отделении с 1888 года).

Еще с ноября месяца у нас велись собрания на политическую тему; докладчики были из комитета с.-д. партии. Одно из таких собраний было в конце ноября, на котором докладчик призывал вооружиться, на что часть более развитых товарищей и откликнулась; на третий день у нас на руках уже были деньги (сколько не помню). Часть этих денег, в количестве 100 руб., была взята у директора типографии, Боровика, и на эти деньги мы через шмидтовцев, получили 4-го декабря оружие и распределили между добровольцами, записавшимися в дружину. Товарищи, которые не получили оружия, сорганизовали красный крест, организатором был тов. Кашкин.

8-го декабря у нас в типографии был митинг всех московских типографов. Собралось около тысячи человек; на улице были расставлены патрули. Работа кипела во-всю, — на 4-м этаже шел митинг. В наборном отделении набирали газету, название не помню (кажется Известия Раб. Депутатов), а внизу, в машинном отделении, печатали такую же газету ручным способом, сами вертели маховик-колесо. Отпечатанную газету мне поручили отвезти в союз печатников на Остоженку, в Зачатьевский пер., дом Шер. Проехать никак невозможно: по Оружейному пер. стрельба, на Тверской строят баррикады, тоже под огнем несут и везут раненых. Я, зная пароль, пробирался вперед, погоняя извозчика. С Тверской мне пришлось повернуть обратно по 2-й Ямской на Лесную и в Грузины; на Сенной площади опять задержка—меня обыскали, так как не поверили, что́ я везу, а когда удостоверились, то посоветовали мне возвратиться обратно, так как далее следовать было уже невозможно. Я дал одному из товарищей, — дружиннику штук около 20 газет и поехал обратно. Только что в'езжаю во двор типографии, там стоит другой товарищ, я спросил, кого он привез, он ответил, что его взяли везти больного. Разыскиваю тов. Капровича, сдаю ему литературу и об'ясняю причину, спросил про митинг—оказывается, что митинг уже кончился и что у нас новое горе; тов. Капрович мне об'яснил это горе: «Вот, твоим револьвером, который отобрали вчера у городовых, ранили ученика-переплетчика, которого решили поместить к знакомому доктору в лечебницу, проезд Тверского бульвара». Я им сказал, что туда проехать невозможно, на что я получил ответ, что с раненым пропустят; и вот, два товарища, —

один дружинник, а другой санитар (фамилии которых не помню), — повезли раненого мальчика. У памятника Пушкина их остановила черная сотня, обыскала и арестовала, а мальчика отправила в больницу.

Того же 8-го декабря, часа в 2 дня, отправили литературу в союз, на это вызвались 4 товарища; разделив литературу между собой и спрятав под пальто, они отправились в путь. Вдруг прибегает один из разведчиков и докладывает, что по Каретному ряду едут жандармы по направлению к ресторану «Волна». Под руководством тов. Капровича, мы в количестве 25 чел., бегом бросились вдоль Пименовской улицы навстречу жандармам. Впереди нас падают двое прохожих—мальчик-булочник и женщина — ранеными. Нам пришлось прижаться ближе к стенам домов, чтобы не быть подстреленными. Добежав до баррикад в конце Пименовской улицы с криком «вперед», открыли огонь; жандармы уже прошли проволочное заграждение, повернули на площадь и очутились между двух огней: от дома Ланге открыли огонь дружинники городского района, а кушнеревцы от «Волны»; жандармов загнали в дом Лобозева. Двумя одновременно меткими выстрелами был убит один жандарм, который упал в воротах дома Лобозева; остальных в количестве человек около 20 (из них трое раненых) загнали во двор, и они сдались. Отобрав у них оружие, отпустили. Я возвратился после всех. В воротах под'езда типографии я натыкаюсь на одного из своих дружинников и одного постороннего. Я спрашиваю, что за человек? Мне ответили, что поймали шпика и ждут Капровича, чтоб сдать. Я велел отвести задержанного в дворницкую, а сам пошел к тов. Капровичу в машинное отделение, откуда у нас был наблюдательный пост. Нашедши Капровича, я сказал ему новость; он пришел в дворницкую, расспросил пойманного, где служит и чем занимается. После долгого и настойчивого допроса оказалось, что он агент сыскного отделения, проживает на Пименовской, в доме Котова. Товарища Капровича потребовали на улицу, а мне было поручено тщательно шпика обыскать; при обыске у него оказались заряженный браунинг, спрятанный в рукаве пальто, разная переписка и адреса. Я неразлучно с ним сидел до утра следующего дня. В 5 час. утра меня сменили, и я ушел в приемный покой, где у нас находились 4 раненых. Побеседовав с сестрами и с санитарами, я лег и заснул. Проснувшись в 8 часов утра, я первого увидал тов. Капровича, который сказал, что шпика отправили на «Прохоровку», и что нужно взять Сущевскую часть, так как с каланчи части обстреливают Щемиловский пер., (в котором у нас не было баррикад), а это у нас первое и ближнее сообщение с Мариинской больницей (теперь имени Достоевского), куда мы направляли всех раненых, подобранных на улицах нашими санитарами. Не теряя времени, в числе 18 человек, с трех сторон, с Воротниковского пер., Пименовской улицы и Щемиловского пер., мы подошли к скверу Сущевской каланчи и несколькими, повидимому, меткими ударами заставили замолчать стрелявшего. В участке никого не нашли, кроме сторожа (спустя несколько недель был слух, что все попрятались в пожарные сараи).

Стали возить раненых—привезли двух. Главврач больницы Яковлев об'яснил, что нами (т.-е. нашими санитарами) доставлено 8 декабря 6 че-

ловек и сегодня 9 декабря 2 человека и что больше он принимать не будет. Причиной этому является отсутствие продуктов и мяса, а больных много. Товарищ Капрович поручил мне и одному студенту-медику достать мясо и доставить в больницу. На Селезневской улице, в мясной мы нашли 2½ туши мяса. Одну тушу взвалили на повозку, вручили мяснику 20 руб. и доставили мясо в Мариинскую больницу под расписку главн. врача Яковлева.

Раза два подходили к пересыльной тюрьме, но, встретив тюремный конвой, возвращались обратно.

В декабре 1905 года мы потеряли несколько своих товарищей: кого ранеными, кого арестованными.

В. Лепешкин.

На фабрике Ралле в дни восстания.

Когда началось брожение среди рабочих московских фабрик и заводов, наша фабрика работала будто бы спокойно, но стоило прислушаться повнимательней, получалось такое впечатление: жужжат как пчелы, все шепчутся и оглядываются. Новости узнавали из прокламаций, которые приходилось доставать с трудом и с большой предосторожностью. Мы раскидывали их по уборным или тайком по карманам в платьях товарищей. Очень много было своих шпионов, хотя директор Лемерсье и не любил шпионов. За мной была устроена слежка, хотя я и не был замешан ни в чем, но меня, по наговору шептунов, чуть было не выгнали с фабрики.

Раз зашел в уборную покурить, народу было много. Я подхожу к одному товарищу, Епимахову, прикурить, вдруг кто-то цап меня за шиворот, смотрю, заведующий. «А, мать твою такую, ты рабочих собрал, ораторствуешь во-всю, штраф 10 рублей или вон с фабрики!» Спасибо товарищам: Игнатову, Шленскому и другим, меня спасли. Работу работаем, а сами сидим как на иголках. Слух идет, что некоторые фабрики не работают; нам самим кончать духу не хватает, решили прибегнуть к хитрости. Просили товарищей, забыл с какой фабрики, от Дергачева или от Устрицева, чтобы подошли к нашим воротам. Так и сделали. Когда подошли товарищи к воротам, мы сейчас же бросили работу и вышли на улицу; выделили несколько человек, которые ходили по трактирам с приказанием сейчас же закрывать,—это было проделано с такой целью, чтобы рабочих предохранить от пьянства и безобразия. А остальные пошли останавливать другие заводы. Все рабочие с охотой присоединились, кроме черносотенного хрустального завода Дютфула. Здесь рабочие заперлись, не хотели бросать работу и грозили нас обварить раскаленным стеклом, так что их пришлось нам выгнать силой. Вечером у нас в спальне был грандиозный митинг. Рабочие собрались со всех окружных фабрик. Конечно, пришлось расставлять пикеты на улице.

Мы боялись засады, так как мы были не вооружены. Нас хотел вооружить наш директор А. Лемерсье; он хотел поставить на водокачке пулемет, но рабочие не согласились, пожалели его, а то бы с ним поступили как со Шмидтом. Но все-таки несколько револьверов нами было куплено. Деньги на них мы взяли в конторе, по одному рублю каждый, будто бы авансом.

Про нашу забастовку узнал поп Христофор. Надел епитрахиль и пришел к нам в спальню уговаривать нас, чтобы мы не бунтовали против царской власти. Приходит директор А. Лемерсье на кухню и спрашивает меня, почему рабочие не ужинают. Я ему отвечаю, что рабочие в спальне и там отец Хри-

стофор. «Проводи меня в спальню!». Я его проводил. Он прямо обратился к Христофору: «Отец Христофор, вы зачем здесь среди моих рабочих и в неурочное время?».—«Я как пастырь овец духовных пришел их уговорить, чтобы они не грешили и не бунтовали против законной власти и против помазанника божьего».—«Ну, вот что, отец Христофор, рабочие мои не овцы и не малые дети, они знают, что делают, и их уговаривать нечего, они не пропьются, а вы идите лучше уговаривать Дубасова, чтобы он не расстреливал маленьких детей, и более сюда не ходите, и сейчас только благодарите, что на вас одета епитрахиль, а то я вас спустил бы с лестницы!». И с тех пор отца Христофора к нам на фабрику не заманишь калачом.

Мы строили баррикады: таскали ворота, решетки от церкви на Лесной, помогали перекувыркивать вагоны, пилить телеграфные столбы и так далее. Работы было много и бояться было некого, городовые все попрятались по норам. У нас как-то был тайный митинг, это во время, когда уже пришел Семеновский полк, нам хотелось узнать, как обстоит дело на Пресне. Я вызвался сходить на другой день утром. Жил я на Петропарковской улице. Когда вечером услышал шум на улице, подумал кого-нибудь колотят; взял револьвер и кистень, отворил калитку, а там отряд конных городовых. Я было назад, но мне крикнули: «Ни с места, руки вверх!». Я не растерялся, проворно кинул в снег револьвер и кистень. Мне приказали выйти на мостовую, я вышел; меня обыскали, спросили, где я работаю, вытянули по спине плеткой, отпустили с миром и пригрозили, если я еще высуну нос, то меня расстреляют. На утро пошел на Пресню. От самых Брестских мастерских до Пресни пришлось итти нагнувшись, так как телеграфные столбы были все спилены, а из этой проволоки была сделана сетка через всю улицу, на аршин от земли. До Прохоровской фабрики не дошел потому, что там были семеновцы и шла стрельба. Я вернулся назад; пошел на Ходынку, потом через Ваганьковское кладбище; а около моста, через Брестскую дорогу, был расположен пикет семеновцев. Спасибо, меня выручил солдат из Николаевских казарм, у него был пропуск на двоих и он знал пароль, так я и миновал благополучно. Иду дальше, смотрю, около бегов стоят два казака. Я вижу, дело плохо; на всякий случай я револьвер спустил по ноге на дорогу и наподдал; думаю, если казаки мирные, я вернусь обратно и возьму револьвер. Но не тут-то было. Не дошел я до казаков сажен 50, как один закричал: «Руки из карманов вон!», и другой спросил: «Куда идешь?». Я сказал:—«Домой, на Бутырки».—«А где был?»—«На кладбище, заказывал панихиду по брату». Один казак обыскал: «Это у тебя что?»,—я говорю: «Часы».—«Покажи!»,—я показал:—«На, смотри».—«Подай сюда!»—«Нет, часы мои и я вам их не отдам».—«Я тебе говорю подай! Имею право тебя расстрелять!»—«Стреляй, а часы я все-таки не отдам». Крикнул другому казаку: «Отвесь ему!». И он мне отвесил — вытянул плеткой через голову, только у меня искры из глаз посыпались; любезно со мной простились и больше велели не показываться на глаза.

По окончании забастовки нас из спальни выгнали, был обыск. Один, Иван Немудрый, показал, что у меня имеется револьвер и кинжал, но револьвер я бросил в снег на Ходынке, а вместо кинжала я подсунул складной

нож, вроде кинжала. Товарищи сказали, что я этим ножом занимался резьбою. Меня оставили в покое, только составили протокол, и Лемерсье все дело замял; но все-таки мы продолжали тайно собираться где-нибудь; делали так: выбирали кого-нибудь именинником, брали пустую четверть, закуску и где-нибудь на открытом месте обсуждали свои вопросы. А если случайно был митинг многолюдный, то уходили в лес для этой цели, выставляли своих часовых. Около собраний, на видном месте, ставили человека с таким расчетом, чтобы ему было видно митинг, и другого товарища, который был около дороги. Я садился на насыпи железной дороги, откуда мне было видно хорошо две дороги, и другого товарища, который сидел там, около дороги, брал в руки газету и делал вид, будто ее читаю. Если я замечал что-нибудь опасное, казаков или конных городовых, я оставлял газету и смотрел в сторону,—это означало внимание, а если я переставал читать, снимал картуз и вытирал голову платком,— это означало: спасайся, кто куда может. Если бы товарищ дежурный прозевал, то пропало все дело. И это случилось с сапожным цехом. Они собрались в лесу Бутырского хутора; собирались не поодиночке, а целыми толпами. Городовые, конечно, догадались, сделали облаву; товарищи, которые дежурили, ко всему делу относились халатно и прозевали. Местности не знали; когда раздался выстрел, все побежали. Бросились через забор, думая, что это — дача, оказался участок, и без всяких городовых сами попали в руки полиции.

И. Селезнев.

В главных мастерских Брестской жел. дор. в 1905 г.

Я поступил в Брестские жел.-дор. мастерские в 1904 г., 19-летним юношей. В мастерских знакомлюсь с сознательными товарищами: Виноградовым, Николаевым и другими. Начинаются подпольные собрания.

В июле 1905 года вспыхивает забастовка. Забастовали все рабочие с требованием 9-часового рабочего дня и экономических улучшений, все это было заранее выработано. Рабочие лавиной двинулись в токарный цех, к конторе начальника; когда подошли, начали возбужденно требовать начальника мастерских и начальника тяги. Начальник приехал, были жандармы. Начальник вежливо спросил: «В чем дело? что нужно?». Все заволновались, рабочие закричали, но никто не мог выступить и сказать начальству всю нужду и горечь рабочего. Я, как юноша, заволновался, хочу сказать, но чувствую, что я не могу выявить и высказать начальству все нужды рабочих. И вот, в тот тяжелый и мучительный момент, появляется симпатичный рабочий в синей блузе и кепке, фамилия его Николаев. Когда он выделился вперед с бумажкой, где были написаны требования, и начал говорить внятно, толково, умно, рабочие замерли на местах. Он говорил: «Трудно рабочему, рабочий измучен, истощен, рабочий эксплоатируется во-всю, ему нет прав...». Он закончил свою речь следующим: «А вот те требования, которыми возможно облегчить жизнь рабочего». Первое требование было: 9-часовой рабочий день и экономическое улучшение. Когда тов. Николаев кончил, рабочие молчали. Начальник долго не мог ответить на речь тов. Николаева. Он так опешил, так растерялся, что почти на все требования согласился. Дня через два 9-часовой рабочий день был проведен в жизнь.

Я помню, как мы охраняли нашего любимого вожака т. Николаева от опричников и жандармерии, которые несколько раз покушались арестовать его.

Собрания подпольные шли до сентября. Но вот начинаются вновь забастовки уже политического характера и выливаются в общие и массовые. Забастовали в мастерских т.т. Николаев, Виноградов, Гришин, которые работали слесарями в сборке. Под давлением забастовок выпускается царский манифест, но этому манифесту рабочие не верят и продолжают свое начатое дело. Освобождаются из тюрем товарищи, которые опять идут к рабочим; разрешаются общие собрания (большинство собраний проходило в театре быв. Омон, на Садовой). Собрания были почти-что ежедневные. Я помню одно собрание, когда было много ораторов, и большинство из них—вернувшиеся

из ссылки и тюрем. Говорили эс-эсеры, меньшевики, большевики. Одни говорили, что нужно согласиться с манифестом и доверить правительству. Другие, крайние левые требовали свержения правительства. Были расколы, борьба на собраниях. Председателем Совета рабочих был товарищ Седой. Когда начались разногласия, многие говорили, что нужно добиваться экономических и политических прав мирным путем.

Но пошли опять аресты; стали окружать собрание солдатами, часто с собрания обыскивали, искали оружие; например, это было на собрании в Комиссаровском училище. И вот тогда манифест и мирная борьба отошли в сторону. Раздался зов: «Добиваться своих прав с оружием в руках!».

Председателем вооруженного восстания был назначен тов. Седой. Начали организовываться боевые дружины, летучки. Вооружались все, кто чем мог. В мастерских ковали кинжалы, железные пики и многое другое, но огнестрельного оружия было очень мало. Забастовали все: пекаря, прислуга, трамваи, электрическая станция, жел. дороги. Москва замерла и погрузилась во мрак. А в это время правительство не дремало, оно в Кремле спаивало солдат водкой, чтобы те, не щадя, расстреливали и кололи рабочих. Солдаты стали пьяные появляться на улицах, сначала разгоняя, а затем и стреляя в собравшихся. И вот, когда обнаглевшие солдаты начали расстреливать беззащитных, боевая дружина взяла под свою защиту безоружных, обстреливая правительственные войска. Солдаты, драгуны буйствовали, налетали на безоружных, стегали плетьми и стреляли, а то прямо кололи.

От винтовок и нагаек правительство переходит к пушкам. Первые выстрелы из пушек были с колокольни Страстного монастыря. Жертв было очень много, потому что никто не думал, что религиозное правительство поставит пушки на храме своем божьем. В это время строится первая баррикада на Триумфальной Садовой: спиливают телеграфные столбы, подпиливаются чугунные трамвайные столбы. По этим баррикадам стрелялось залпами из домов и помещений жандармерией и полицейскими. Появляющихся загримированных городовых, надзирателей и приставов обезоруживали и таким путем доставали оружие и шашки. Боевая дружина вооружилась и выступала у баррикад против обнаглевших правительственных войск. У Брестских мастерских баррикада по Камер-Коллежскому валу вся опутывается проволокой от телеграфных столбов. На баррикады иногда делали налеты казаки с шашками, рубя проволоку, но дружинники стреляли и отгоняли их. По всем улицам стали появляться орудия, которые разбивали баррикады. Когда же дружинники стреляли из-за углов и заборов, солдаты повертывали орудия в ту сторону и разбивали дома, заборы, а дружинники забегали с другой стороны без всяких потерь.

Я в это время был назначен десятником боевой дружины. От главных мастерских мы влились в Красно-Пресненскую боевую дружину. Борьба продолжалась полторы недели. Когда же все силы правительство устремило на Пресню и стало орудийными выстрелами разбивать Прохоровскую фабрику, мы с товарищами передвинули свои посты к мастерским. Уже в это время на станциях стали появляться приехавшие для усмирения солдаты. Возобновилось

движение на Николаевской, Курской, Нижегородской, Ярославской жел. дор. Наконец, появились солдаты Миценко на нашей Брестской жел. дор. Когда рабочие узнали об этом, то собрались итти к солдатам уговорить их, чтобы они не стреляли в рабочих. Отправились. Мы трое были избраны для переговоров: я, тов. Никитич (оратор) и барышня в красном шарфе, как ее звать, не помню. Мы—впереди, рабочие—сзади. Не дошли, так сажени три, как солдаты выстроились в боевой порядок. И между ними офицер прохаживается по рядам. Мы стали говорить: «Товарищи, за что вы стреляете в нас, рабочих? Мы же вам—братья, вы—такие же рабочие!» Но они молчали, были как деревянные; офицер что-то им тихо сказал,—моментально винтовки были взяты на прицел. Сзади рабочие побежали, тогда офицер говорит: «Еще слово, и вы будете расстреляны». А солдаты молчали и повиновались начальству. Тогда мы решили отойти, и когда уходили, винтовки все время смотрели смертельными дулами на нас.

С этого дня начинается наступление правительственных войск по всем направлениям, а Пресню расстреливают орудиями. Пошли аресты, расстрелы, тюрьмы. Через некоторое время кровавое правительство праздновало свою победу. Наступила тяжелая реакция, арестовывали рабочих тысячами, ссылали в Архангельск, Вологду, в Нарымский край. Я был арестован и взят с работы с товарищем Моисеевым, тов. Егоровым, Илющенковым, Безруковым, работавшими слесарями в сборке. Арестовал нас жандарм Канунчиков и отвел в участок, а затем в Бутырскую тюрьму.

Е. Розанов (Николаев).

Воспоминания начальника боевой дружины Брестской железной дороги.

Егор Розанов (Николаев).

С января 1905 года я работал в качестве слесаря на М.-Брестской ж. д. (ныне М.-Б.-Б. ж. д.) в сборном цехе. За несколько дней до январских событий в Петербурге к нам поступил слесарь Михаил Степанович Николаев; как хороший организатор, он обладал даром слова и знал больные жилки рабочего. Он, совместно с нами: Виноградовым Петром, Гришиным, Куваевым провел экономическую стачку с частью политических требований, пред'явленных администрацией. Мы одержали и крупные победы, как-то: сокращение рабочего дня, прибавка жалованья, увольнение некоторых начальников, монтеров, табельщиков и кляузных слесарей. Железнодорожная администрация нашла причину уволить тов. Николаева, но он нас не оставил: подыскал конспиративную квартиру, пригласил пропагандиста, добыл литературу, организовал кружок рабочих, человек в 40, и каждый день аккуратно с 7 часов вечера до 12 часов и позже проводил собрания партийной школы Р. С.-Д. Р. П. (б.). Кружок пройдя партийную школу, устраивал массовки, митинги у ворот железнодорожных мастерских и за городом. Тов. Николаев уехал до июня месяца. После него к нам стал ходить тов. Седой, он выступал у ворот мастерских.

Так кончилась первая половина 1905 года.

С июня месяца с тов. Виноградовым завязали связь меньшевики, и он перешел к ним, перетянув с собой бо́льшую полови́ну, хотя и мало сознательных, но все же организованных товарищей.

Получился полный раскол и дезорганизация нашей партии на железной дороге. Критика и ложь посыпались на партию большевиков; с трудом при-

шлось работать по организации с небольшой группой товарищей (оставшись верным своей партии, я понимал и разбирался в соглашателях).

В августе месяце организовали группу дружинников и добыли за деньги оружие разных систем: смит-вессоны, бульдоги и др. Дружине были даны задания: охранять ораторов при выступлении рабочих на собраниях, митингах; отстаивать нелегальную литературу, распространяемую и расклеиваемую против черной сотни; предупреждать о нападении на интеллигенцию и не допускать погромов.

В октябре мы опять сняли квартиру на М. Грузинской улице, в Б. Тишинском пер., д. № 28 (быв. Андреева), где помещался штаб квартиры боевой дружины. Туда же доставлялась литература, оружие, патроны: подготовлялись быть способными к отражению жандармерии и городовых в нужную опасную минуту.

Не помню фамилии организатора, который об'единил всю боевую дружину Брестской жел. дороги с заводами: «Мориц-Пальма». Грачева и Прохоровской трехгорной фабрикой. Прохоровская фабрика имела 12 дружинников, завод «Мориц-Пальма»—2, завод Грачева и Брестская жел. дор.—15 человек. Мы все об'единились и на первом же собрании произвели выборы начальника боевой дружины и его помощника.

Начальником всех дружинников был выбран я, а помощником—тов. Поляков. Я согласился быть начальником, при условии, если будет твердая дисциплина и подчинение нашей партии. Товарищи одобрили мое предложение: я разбил их на десятки, а десятки выбрали десятников.

В боевую дружину входили следующие товарищи: Егор Николаевич Николаев (он же Розанов)—начальник боевой дружины, Сергей Поляков—помощник начальника, Александр Николаевич Розанов—десятник боевой дружины, Клопков — десятник, Селезнев — десятник, рядовые дружинники: Гавриков, Мишков, Бирюков, Горячев, Телешов, Щегин, Самарин, Холуев, Коленков, Виноградов, Порхунов, Кургузов Михаил, Кургузов Иван, «Кузнец» Дмитрий, Николай «Монтер» с завода Грачева, Левкович с завода «Мориц-Пальма». Все перечисленные товарищи участвовали в боевой дружине, кроме товарища Порхунова, который в начале декабрьского восстания прострелил себе по неосторожности руку.

Боевая дружина заняла нужные посты и открыла митинг. На митинге—т.т. Гришин, Марков и Виноградов об'явили политическую стачку. Требования должны были быть выработаны для всей Москвы одинаковые.

Ораторы горячо говорили о значении политических требований, о манифесте 17 октября, об аресте депутатов, о разоружении городовых, жандармов. Все эти вопросы глубоко волновали рабочих, и устраиваемые митинги информировали о ходе событий, направляя общую волю к одним действиям и поднимая дух рабочих к вооруженному восстанию.

Однажды окончили собрание часов в 11 ночи. Выходили человека по 3—4 и расходились по разным сторонам. Проходя по Малой Грузинской, мы услыхали выстрел, произведенный дружинником Щегиным. Оказалось, что известный черносотенец Каров совместно с городовым Васильевым задержал

тов. Самарина, который всегда разносил литературу. Щегин стрелял в голову Карова через мостовую и попал ему в щеку, выбив два зуба; Карова отправили в больницу, а Самарина арестовали, так как его знали и он не стал скрываться. Тогда я с тов. Виноградовым явился на квартиру Карова и заявил его жене, что арестованный наш тов. Самарин должен быть освобожден самим Каровым без всяких обвинений, в противном случае мы сведем с ним счеты по нашему усмотрению. Карова передала об этом мужу, и тов. Самарин через 4 дня был на свободе.

Я знал, что недалеко от мастерских, в доме Сигалова находятся человек 20 артиллеристов и, желая перетянуть их на нашу сторону, пошел к ним и сказал им, чтобы они пришли к нам на собрание, но начальник их приказал им сесть на лошадей и выехать на Ходынку.

В ночь с 6 на 7 декабря часа в 3 дня пришел тов. Марков с собрания С. Р. Депутатов и сказал, что постановлено 7 декабря в 11 часов дня об'явить политическую стачку, вплоть до вооруженного восстания. Я и брат Розанов А. Н. оделись и пошли предупреждать организованных товарищей, а также боевую дружину, чтобы они были готовы к снятию заводов и остановки движения поездов. Дали указания, что делать дружине, а также предупредили заводы: Грачева, «Пальма», Левина, Серебрякова и др., прилегающие к железной дороге, о том, что в 11 часов будет гудок, который означает окончание работы.

Без 3 минут 11 часов я пробрался в кочегарку, быстро вскочил на котел и дал гудок, возвестив этим начало стачки. Затем вбежал в машинное отделение и силой браунинга заставил оставить машину; далее предупредил депо о том, чтобы без разрешения общего собрания ни один паровоз не вышел из депо; для нас же должны быть под парами 2—3 паровоза, а остальные должны быть охлаждены.

Вокзала нам взять не удалось: его охраняли войска, а у нас дружина была малочисленная, оружие плохое. Пошли переговорить с солдатами, но офицер вывел роту солдат к ограде перрона и заявил, что вокзал он не покинет и не допустит нас разговаривать с солдатами. По мере надобности, поезда отправлялись только с солдатами, едущими с японского фронта на родину.

Нами было дано дружине новое задание: обстрелять паровоз поезда, чтобы остановить движение, а также снять с работы рабочих Прохоровской фабрики; все это наши дружинники выполнили.

Чтобы не быть захваченными врасплох, под моим руководством были расставлены проволочные заграждения; я предупредил дворников и домовладельцев, чтобы ворота были открыты.

После этого я с товарищем пошел в 3-й Пресненский участок, но там уже разоружал полицию тов. Николаев со шмидтовцами! Присоединившись к ним, идем к Волкову переулку. Здесь произошла небольшая перестрелка с жандармами — противник бежал. Получив сообщение, что в Прохоровской столовой нас ждет Седой, я пошел к нему, захватив десятка 2 дружинников; из них 12 человек прохоровцев. Столовая была разделена на две половины.

Одну половину занял Седой, с.-д., другую — «Медведь», с.-р. Об'яснив, что у нас происходило и напомнив о разоружении 3-го Пресненского участка, мы отправились с тов. Седым разоружать 1-й Пресненский участок, на Н. Пресне. Разоружив полицию, мы забрали в участке все, что было у них, как-то: кое-какое оружие, печати, бланки, чистые паспорта.

9 декабря вечером т. Виноградов пошел к нам и сказал, что он переходит в шмидтовскую дружину к тов. Николаеву, потому что там дружина лучше вооружена. Вместе с Виноградовым я послал своего помощника, т. Полякова, чтобы он сообщил, как у нас дела, и узнал, что у них делается. Из центра сведений не было, — действовали по личному совету тов. Седого. Проходя по Грузинской улице, тов. Виноградов, Поляков и еще посторонний молодой человек (фамилию не помню) вблизи угла Расторгуева переулка встретили инженера Воробьева и офицера Гаранского, вернувшегося с японского фронта; наши ребята хотели их разоружить, но те добровольно оружие не отдавали. Завязалась перестрелка. Офицер Гаранский был убит выстрелами из браунингов неизвестного молодого человека и Полякова, а тов. Виноградов выстрелом из маузера прострелил грудь инженера Воробьева; но тот, падая к воротам дома Грачева, собрал последние силы и выстрелил в Виноградова; пуля попала тов. Виноградову прямо в пах. Виноградов со стоном упал, потеряв сознание. Поляков хотел добить Воробьева, но пуля застряла в дуле револьвера. Неизвестный молодой человек взял Виноградова на извозчика, а Поляков вернулся на нашу квартиру и рассказал все, что произошло. Мы поторопились на место происшествия, но там уже никого не было. Сторож дома Грачева подобрал инженера Воробьева и офицера Гаранского.

В Грузинах боев не было: мы сходились со шмидтовцами и вместе выступали. Помню перестрелку в Проточном переулке с небольшим патрулем конной полиции; у нас были раненые, а у противников — убитые. Помню перестрелку на Смоленском рынке —здесь был убит один шмидтовец, кажется, Карасев. Были также перестрелки на Кудринской-Садовой, где стреляли из пушек пьяные солдаты, которых мы все-таки загнали в часть. И так изо дня в день велась перестрелка.

Припоминаю последние дни боев, отличавшиеся напряженной, горячей работой, когда в один день с 7 утра до 5 часов вечера было выпущено 400 шт. 3-дюймовых снарядов. Тут запылало все пожаром и опять было бы полгоря, но беда настоящая обнаружилась тогда, когда мы получили сведения, что некоторые районы уже встали на работу.

Восстание приходило к концу, держалась только геройская Пресня. Вскоре мы решили покинуть свои места и итти к шмидтовцам; идем к шмидтовцам, смотрим, а те к нам навстречу...

Улик за мной прямых не было, по распоряжению градоначальника меня только выслали из Московской губернии.

Так печально закончились наши первые маневры, послужив всеми своими неудачами и промахами уроком и опытом для успеха в октябрьские дни 1917 г.

И. Королев (Батышев).

На Брестской ж. д. в 1905 году.

Революционные события декабря 1905 г., как и всякое крупное историческое событие, является результатом известных социально - экономических и политических условий. Но для истории весьма важно выявить также и процесс развития революционных настроений, роста политического сознания, происходившего в рабочей массе, и то, каким образом последняя проявляла себя в этой борьбе.

У меня в данном случае небольшая задача: иллюстрировать, насколько это позволяет память, кое-что из того, что происходило перед моими глазами в указанный период революционного под'ема, связывая происходящее с определенным местом: московскими мастерскими Брестской железной дороги, где я работал в качестве слесаря инструментальной мастерской. Как мы подходили к этому периоду? Еще в начале русско-японской войны в патриотических манифестациях в Москве (в одной из них, на Тверской ул., я лично участвовал) в среде манифестантов можно было заметить не мало рабочих, что указывало, что масса политически, в своем классовом сознании далеко еще не прозрела. Но продолжающиеся военные неудачи этой войны, разочарование ею произвели решительный перелом в настроении рабочих, заставляя прислушиваться к новым голосам, к новым настроениям, идущим из революционного подполья. Передовой слой рабочих уже на примере зубатовщины показал свою исключительную способность быстро и легко ориентироваться в крупных вопросах момента.

Вспоминаются два зубатовских собрания в районе Грузин. Первое из них состоялось в помещении быв. Педагогических женских курсах на Георгиевской площади. В зале одного из этажей за столиком сидели сплошь рабочие близлежащих предприятий, в том числе рабочие мастерских Брестской дороги.

Выступал зубатовец Соколов. Рабочие выслушали его внимательно, но слова оратора вглубь мозга и сердце не проникали. Ни на меня, ни на двух моих приятелей краснодеревцев—Алексея Петровича и Ивана Петровича—людей солидного возраста и прочных взглядов на вещи, весьма резонных и симпатичных, речь Соколова никакого впечатления не произвела. Тоже было заметно и по другим слушателям, которые молча посидели и без обмена мнений разошлись. Некоторое впечатление у меня осталось не от содержания речи, а от способности человека удержать в памяти и высказывать вереницы мыслей, так как длинную, литературную речь я слышал впервые.

На втором зубатовском собрании, происходившем несколько позднее в Грузинском Народном доме на Сенной площади, выступали две стороны. Второй из них были передовые рабочие. Большее впечатление произвела на собравшихся резко обличительная критика, с которой выступили после зубатовского докладчика т. Михайлов от Прохоровской фабрики и т. Виноградов от мастерских Брестской дороги. Это были сильные и горячие, прекрасные речи, которые сразу развеяли зуботовский туман и показали зубатовщину в ее незамаскированном виде. Настроение рабочих ораторов широкой струей перелилось в рабочую аудиторию, и она шумно выразила им свою солидарность. Нужно отметить, что после полученного урока дальнейшая работа зубатовцев в нашем районе свелась на-нет.

Огромное агитационное значение имели события 9 января 1905 т. Для всех достаточно восприимчивых, сколько-нибудь политически мыслящих и активных элементов в нашей рабочей среде, это был момент коренного преломления сознания в сторону революционных настроений и расширения политического горизонта. У нас в мастерских эти элементы были немногочисленны: на мой взгляд каких-нибудь 2 — 3%. Что касается многих, если не большинства остальных, меня всегда угнетала их чрезмерная грубость и любовь к выпивке. От ворот мастерских до казенки была одна минута ходьбы. Сюда шли не только по окончании работ, но и в рабочее время. Сознательному рабочему иметь дело с поклонниками алкоголя было крайне неприятно, так как подвыпивши они обыкновенно становились дерзкими и ненадежными на язык.

Появились листки. Являясь ярким освещением сущности злополучной русско-японской войны, событий 9 января они привлекли исключительное внимание масс. Выпуск этих листков-прокламаций, как их называли,—дело, несомненно, весьма удачное, судя по тем результатам, которые наблюдались. Быстро развивалось сознание, революционизировалась мысль. Лозунги: «Долой самодержавие», «Долой войну» и др. были выброшены вполне своевременно. Часто встречаясь с ними, рабочий прочно заложил их в своей психике и сжился с ними. За все время нелегальщины к нам в мастерские попадали преимущественно листки социал-демократической организации.

Первым социал-демократом большевиком, с которым я встретился, был слесарь инструментальной мастерской Григорий Матвеич Гавриков; он был человеком среднего роста с золотисто-рыжими, но красивыми вьющимися волосами, такой же небольшой бородкой, правильными утонченными чертами лица, высоким лбом, широко открытым, карими «думающими» глазами, средних лет, крепкий по натуре, интеллигентный по внешности. У него ярко проглядывало сознание его достоинства, спокойная уверенность всех движений и высказываний.

Его личные качества и высокая квалификация создали ему внушительный авторитет, как со стороны рабочих, так и администрации. Он был сыном бывшего жандарма, жителя, села Мазилова, находящегося близ Москвы. Разумеется, убеждения отца и сына были диаметрально противоположны.

От Гаврикова я получал первые листовки, которые помогал ему распространять в цехе. Он же доставал заграничную «Искру», издававшуюся на весьма тонкой бумаге, и кое-какие брошюры, в том числе «Коммунистический манифест», который мне показался одним из самых мудрых и ценных произведений. У меня было даже серьезное намерение заучить его наизусть.

Через Гаврикова знакомлюсь с работой кружков. Первыми в моей памяти остались следующие две картинки. Вместе с Гавриковым и несколькими другими рабочими наших мастерских попадаем в кружок, собравшийся в подвальном помещении одного из переулков по Сретенке. Собралось человек 12. Оратор минут десять красиво и быстро говорит на тему о том, что́ представляет из себя социал-демократическая рабочая партия. Красноречие зубатовца Соколова становится бледным пятном. Вдруг вбегает товарищ, стоявший настороже во дворе, и заявляет, что он заметил подозрительного суб'екта. Все присутствовавшие моментально рассыпались, за исключением меня, так как я тщетно искал свою шапку. Когда я взялся за ручку двери, товарищи стали возвращаться обратно, узнав, что произошла ошибка и за шпика был принят один из своих, явившийся с опозданием. Однако, оратор уже исчез бесследно.

В следующий раз собрались на Бронной в студенческой квартире. Раздевшись в прихожей, мы с Гавриковым попали в комнату, где увидели несколько студентов и курсисток. Из рабочих, кроме нас, как будто никого еще не было. Пришлось ждать. Наша интеллигентная молодежь начала чего-то тревожиться и волноваться. Наконец, когда кто-то пришел со двора, было заявлено, что собираться не безопасно и нужно расходиться. На нас вся эта обстановка братания интеллигенции с рабочими произвела впечатление невыгодное для тех, кто особенно волновался.

На развитие классового сознания рабочих мастерских большое значение имела стачка, которая произошла вскоре после событий 9-го января 1905 г. В начале забастовки, на первом же общем собрании ярко вырисовывается фигура тов. Николаева, руководителя стачки. После того, как все, включая администрацию с начальником мастерских Разумниковым во главе, собрались у главной конторы в токарном цехе, тов. Николаев зачитал и подробно раз'яснил выставленные требования, среди которых были требования и политического характера. Вслед за тем между ним и Разумниковым началась крайне интересная дискуссия. Разумников оспаривал рациональность требований, указывая, что они скопированы с требований петроградских рабочих и носят политический характер. Небольшого роста, тягуче-пискливый, хмуроунылый и неуверенный, он представлял полную противоположность тов. Николаеву. В последнем все как-то гармонировало: весьма удачный пролетарский тип в кепке, мужественное, приветливое, тонко улыбающееся лицо, острый, орлиный взгляд, звучный и мелодичный голос, удивительное спокойствие, легкая игра мыслей, слов, их убедительность,—все говорило за то, что выступает сильный, опытный противник, настоящий вождь. Он ловил, как мячи, все возражения Разумникова и давал на них меткие и исчерпывающие ответы. Его позиции крепли. Масса стала за ним непоколебимой, искусно сцементи-

рованной стеной. Забастовка продолжалась несколько дней. Собрания уже устраивались под открытым небом, на ближайшем пустыре. Настроение рабочих было попрежнему твердым. Стачкой было достигнуто увольнение нескольких мастеров, сокращение рабочего дня до 9 час. и некоторое повышение заработной платы. Персонально повышение заработка рабочего выражалось в прибавке на день от 5 до 15 коп. Впоследствии тов. Николаев должен был исчезнуть, оставив о себе самые лучшие воспоминания.

Практика этой, а затем сентябрьской стачки, рост сознательности способствовали тому, что в октябрьскую забастовку рабочие выявили еще больше доверенности и боевого настроения. Несмотря на молодость и недостаточную политическую зрелость, мне пришлось быть в эту забастовку членом Московского Совета Рабочих Депутатов на ряду с другими, избранными от наших мастерских. У меня запечатлелось в памяти одно собрание Совета, состоявшееся в лесу за Сокольниками по линии, кажется, Ярославской жел. дор. Открывшиеся дебаты показали, что в массе депутатов имеется много испытанных товарищей. После речей ораторов и принятия постановлений осталось впечатление полного единодушия депутатов, твердости и прямоты революционной линии. Ожидали, что собрание будет накрыто полицией. К счастию, все обошлось благополучно. Грандиозность забастовочного движения завершила стачка солидаризировавшихся рабочих и служащих железных дорог, об'явленная Всероссийским Союзом железнодорожников; линия Брестской жел. дор. и депо, конечно, тоже бастовали.

В октябре особый интерес представляли митинги, устраиваемые в высших учебных заведениях, в высшем техническом Межевом институте, Инженерном училище и др. Аудитории буквально переполнялись рабочими, студентами и молодежью. При ежедневных посещениях этих митингов не чувствовалось ни усталости, ни ослабления интереса. Сделать за день 20 или больше верст в дождливое время, какое тогда стояло, лишь бы быть на митинге, лишь бы помочь снять с работы рабочих еще работающих предприятий,—все эти неприятности ни мало не смущали. При снятии с работ в некоторых местах нарывались на казацкие нагайки. Выросшая в громаду, пропитанная революционным чувством лавина, казалось, готова, была двинуться из кипящих аудиторий на улицу и увлечь все пассивное и все неподвижное...

Перед лицом небывалой в истории стачки правительство 17 октября по старому стилю об'явило манифест о даровании свобод и конституции. Но как только движение улеглось и работа возобновилась, то, что было дано одной рукой,—другой стало нагло отниматься.

Рабочий класс, учитывая новое положение, со всей силой и до конца отстаивал борьбой свои завоевания. На первый же акт реакции—убийство вышедшего из тюрьмы Баумана—он ответил в Москве никогда не виданной по размерам демонстрацией.

Вышедших на демонстрацию из наших мастерских было немного, что, повидимому, об'яснялось плохой информацией о существе этой демонстрации. В демонстрации участвовали вооруженными. Количество демонстрантов история, вероятно, учла. Вся Москва была буквально на ногах. По улицам

тянулись непрерывные шеренги разнообразной публики, встречавшей процессию. На одной из центральных улиц раздался провокационный выстрел, который, однако, никакого замешательства не внес. Каждый знал, что порядок гарантировался вооруженными дружинниками. Местами дома были украшены красными флагами. Дорогой пели революционные песни. Напротив консерватории, на одном из балконов раздался прекрасный, сильный голос, певший: «Мы жертвою пали»...

На обратном пути из Ваганьковского кладбища товарищи из Грузин свернули в свой район; те, которые продолжали итти дальше и прошли Б. Никитскую, как известно, были встречены предательскими выстрелами казаков из манежа, и многие поплатились жизнью.

Правительство не спало и продолжало действовать. Зашевелилась черная сотня. Мне помнится, как, вслед за демонстрацией, наступила необходимость итти в высшие учебные заведения для охраны их с оружием в руках. Из числа товарищей, которые дежурили ночь в Инженерном училище, мне припоминается лишь тов. Щегин, работавший в токарном цехе. В училище мелькали рабочие, студенты, курсистки. Ночь прошла в напряженной тревоге. Ожидали наступления черной сотни, были признаки ее появления, но, очевидно, она оказалась трусливой. На утро Инженерное занимали те же рабочие, студенты, курсистки...

В октябре стали выходить легальные социал-демократические газеты. С походом реакции они начали подвергаться репрессиям.

Накануне боевых декабрьских дней театр Аквариум превратился в большой агитационный центр. Громадной популярностью пользовался выступавший на митингах тов. Седой, голос которого, в момент наступившей в одно время в театре большой сумятицы, потребовавший раздельно и громоподобно: «Товарищи, тише»—эхом отзывается в моих ушах и поныне. В Седом как будто олицетворялись душа и сила революции. Создавалось впечатление, что мосты позади взорваны, и наступает время борьбы не на живот, а на смерть. Наконец, решение Московского Комитета, воззвание Совета Рабочих Депутатов и преддекабрьские события поставили точку над «i».

У нас снова об'явлена уже политическая забастовка. Мастерские не заставляли себя ждать. Рабочие всех забастовочных цехов собрались в паровозно-сборном цехе. Выступали т.т. Виноградов, Гришин, Марков. Первый твердо не примкнул ни к той ни к другой социал-демократической фракции, колеблясь между большевиками и меньшевиками, второй—анархист-индивидуалист, последний—меньшевик. На личности этих лидеров следует остановиться. Тов. Виноградов, уроженец гор. Можайска, работал в качестве слесаря сборного цеха. Он имел интеллигентное лицо, носил очки, что как-то странно не вязалось с его сильно замасленным и грязным рабочим костюмом. Если не считать Николаева, он был самым влиятельным работником. Отличительными особенностями его являлись необычайные активность и чуткость, оставляющие впечатление постоянной встревоженности, способность мгновенно воспламеняться и с большим жаром реагировать во всех случаях, требующих выполнения революционного долга. За время забастовок он выка-

зал много смелости, широко агитируя и держась прямой и решительной тактики. Разумеется, в декабрьском восстании он участвовал, как боевая единица.

Тов. Гришин, по профессии слесарь,—небольшого роста с круглым лицом и в синих очках, чрезвычайно увлекающаяся, боевая, порывистая натура. Его речь, обычно сопровождающаяся резкими выражениями и жестами, текла, как бурный поток, готовый опрокинуть на своем пути все преграды. Другими чертами его являлись самолюбие и некоторая замкнутость, которые отзывались на отношении к нему рабочей массы.

Меньшевик Марков, тоже слесарь, находился на нелегальном положении. Это был довольно способный человек, недурный оратор. Его позиция, насколько помнится, была приличной. Позже, когда я снова через несколько лет с ним встретился и даже вместе работал в одном предприятий, он также оставался на нелегальном положении под фамилией Сибрина и числился «плехановцем».

Нужно сказать, что пропасть между большевиками и меньшевиками в рабочей среде тогда была еще мало заметна, но в декабре, и в особенности после декабрьского восстания, она сразу заметно углубилась.

Отношение массы к происходящим событиям, к борьбе против царского правительства было, несомненно, сочувствующее. Но должной активности в самих событиях широкие массы все-таки не выявили. Об'яснение этому нужно искать не в отсутствии революционности масс, а в организационной особенности. В боевую обстановку масса была почти не втянута, благодаря чему даже сочувствующие и сознательные, но не вошедшие еще в боевую дружину, прямого участия в боях не принимали. Не имелось оружия. Многие рабочие сделали для себя пики и кинжалы, но до настоящего вооружения от этого смехотворного оружия была далеко. Когда однажды перед глазами собравшихся в цехе неожиданно появилось десятка два боевиков в доспехах обезоруженных ими в одном месте городовых, с шашками и револьверами, — это вооружение вызвало удивление и под'ем духа.

На общих собраниях часто выступал один агитатор, который пользовался большой популярностью. В один прекрасный день он повел агитацию за то, чтобы всем собравшимся пойти на вокзал и предложить имеющейся там воинской части перейти на сторону восставших. Его призыву последовала бо́льшая половина рабочих. На платформу вокзала с ним пришло приблизительно человек триста. На правой стороне платформы была выстроена воинская часть. Мы были отделены от солдат какими-нибудь пятидесятью шагами. Офицер части—с той стороны, агитатор и несколько боевиков—с нашей стороны, отделились и сошлись для переговоров. Так как переговоры, по-видимому, не дали нужных результатов, агитатор обратился к солдатам с речью, в конце которой призвал их немедленно перейти на нашу сторону. Однако солдаты не двинулись. Прошла минута тягостного ожидания. Затем мы повернулись спиной к солдатам и стали удаляться. Чувствуя за собой дула ружей, ожидая смертоносного залпа, многие из нас, повинуясь чувству гордости и пренебреже́ния к опасности, минуту, другую умышленно не хотели сойти с платформы под прикрытие и подвергали себя риску быть обстрелянными.

Так проявила себя масса, так она доказывала, что представляет из себя при известных условиях отличный боевой материал.

Мастерские для района Грузин превратились в значительный политический центр. Рядовой рабочий шел сюда узнать новости дня, заслушать обсуждение злободневных вопросов, встретиться с товарищами. Здесь для него было много интересного. Помимо рабочих на собраниях иногда выступали солдаты. Однажды сюда же заявился начальник тракции — большое в свое время начальство. Он просил разрешения отправить из Москвы эшелон войск, прибывших с Дальнего Востока. В противоположность прежнему, высокомерно-презрительному приказному тону, он выступал бедным и смиренным просителем и называл рабочих товарищами. Это оставляло сответствующее впечатление.

Известия Совета Рабочих Депутатов, которые получались из мастерских, привлекали всеобщее внимание и интерес. Они указывали метод борьбы и еще больше сплачивали силы бастующих.

Ближайшие окрестности—района Грузин—представляли в декабрьское восстание довольно интересную картину. Чуть ли не на каждой улице и переулке было сооружено по одной или несколько баррикад. На их сооружение шел самый разнообразный материал: столбы, проволока, бревна, вывески, двери и пр... Находились догадливые люди, которые обливали отдельные баррикады водой и замораживали их для большей устойчивости.

Старой властью в районе даже не пахло. По улицам революционными организациями, время от времени, расклеивались листки.

Боевых действий в нашем районе, несмотря на приготовления, не было. Имелись лишь отдельные случаи обезоружения офицеров, околоточных и городовых. Обезоруженные вначале обыкновенно отпускались на все четыре стороны. Ближайшими местами боевых схваток были: Садовая, Кудринская площадь и Пресня. От Триумфальных Ворот, где была артиллерия, велся обстрел Тверской и Садовой. На Тверской по направлению к заставе баррикад не было. Обстреливались отдельные группы и лица, замеченные по углам улиц, или перебегавшие Тверскую, а также—перебегавшие из Тверских-Ямских улиц в Оружейный переулок. Первая кровь была пролита на углу Б. Грузинской и Тверской, где, по слухам, пострадавшими оказались владелец ближайшего колбасного магазина и его жена.

Ожесточенная баррикадная борьба шла на Садовой. Днем баррикады разбивались артиллерией. Ночью на месте разрушенных баррикад возводились новые, ничем не уступающие прежним. Казалось, что разрушение их ни к чему не ведет. Весьма успешно действовали дружинники, засевшие в угловых домах на пересечении Садовой линии, М. Бронной, Живодерки. Эти дома, в особенности Полтавские бани, оказались сильно пострадавшими от снарядов...

При разгроме Пресни, если не ошибаюсь, 17 декабря, ночью началась сильная канонада. На ближайших улицах стало светло от пожара. Легко было убедиться, что пожар принял большие размеры. Пробираясь по М. Грузинской на Пресню, я не дошел даже до Б. Пресненской улицы. На углу ее стоял

воинский патруль, который обстреливал всех приближающихся со стороны Грузин. Эта ночь была решающей для судьбы декабрьского восстания. От шмидтовской фабрики остался полуразрушенный кирпичный остов. На Пресне после пожара эти остовы виднелись всюду. На Пресне у Зоологического сада публика обыскивалась. Старались найти оружие. С женщинами при этом поступали крайне неприлично.

Перед началом работ в мастерских Брестской дороги рабочие были должным образом просеяны.

Тов. Виноградова больше никто не видел.

Передавали, что он был убит в декабре при перестрелке с неизвестными лицами.

Искры декабрьского восстания 1905 г. не потухли. Они возгорелись в пламя победоносной октябрьской революции 1917 г., предвестницы мировой социальной революции, приближающейся с каждым днем.

«Наташа».

Воспоминания секретаря боевого штаба дружин.

Прошло 18 лет со времени вооруженного восстания, а некоторые картины из этой жизни так ярко и отчетливо встают в памяти, что кажется, как будто это было только вчера.

Помнится, например, демонстрация на Пресне в самом начале восстания. Большая масса рабочих из прохоровской кухни после митинга отправилась со знаменем и пением революционных песен на Б. Пресню и стала подниматься к Зоологическому саду. Настроение было самое боевое. Вдруг сзади послышались крики: «Казаки едут, казаки». Толпа как будто замерла на минуту, кое-кто инстинктивно шарахнулся назад и в стороны, но потом снова пришел в себя и сомкнулся еще тесней.

Казаки скакали вперед, с офицером во главе, прямо на толпу,—казалось вот-вот начнут избивать нагайками; офицер уже скомандовал «бей их», но в этот момент две фабричные работницы, несшие красное знамя с надписью «Солдаты, не стреляйте в нас», вышли из толпы и встали перед ними. Казаки как-будто остолбенели, опустили нагайки и ни с места. Офицер неистово кричал «бей их», но казаки не повиновались, а задние ряды стали понемногу поворачивать своих лошадей назад. Через минуту и передние повернули лошадей и поскакали назад, сопровождаемые неистовым криком и возгласами: «Да здравствуют казаки, ура!..». Офицер с искаженным от злости лицом, и бессильный что-либо сделать один против громадной ликующей толпы, тоже повернул свою лошадь и поскакал за отрядом.

Рабочие же демонстранты, чувствуя себя победителями, гордо продолжали свой путь вперед по заранее намеченному плану и благополучно вернулись обратно на Прохоровскую фабрику или, вернее, «кухню», которая сделалась с этого дня ее штабом.

На второй день, принялись к вечеру за постройку баррикад на Пресне: тащили все, что только попадалось под руки: валились телеграфные столбы, ворота, выкатывались из домов бочки и проч.; многие обыватели помогали в этом деле ломать свои ворота. Ночью Пресню нельзя было уже узнать: это был укрепленный лагерь в полном смысле этого слова, где то и дело раздавался грозный голос дружинника: «Кто идет — ваш пароль...»—«Без пароля» — «Направить его в штаб для расследования».

Прохоровская кухня—свидетельница великих событий истории—была местом отдыха и сборища для усталых и порой сильно измученных дружин-

ников; грязные стены ее видали и слыхали много горя и радости в эти дни от ее временных обитателей.

Ведь и в самом деле, почти в течение недели (от 9 по 17) она не оставалась ни на минуту пустой ни днем, ни ночью. Порой в ней раздавалось и пение революционных песен: помню в один вечер особенно хорошо пели после отбития нападения казаков со стороны поля. Обыватели Пресни уже тоже стали как-будто привыкать к новому положению и обращались в штаб со всякого рода просьбами: приходит, например, мужичок и просит дать ему пропуск на провоз сена для лошади; «Теперь ведь вы—правительство новое, разрешите сделать», говорили просители; одна женщина, мещанка какая-то, жаловалась на своего мужа, просила рассудить дело.

Настроение все дни держалось настолько боевое и решительное, что иной раз даже было удивительно и думалось, откуда явилось оно, чем оно поддерживалось? А поддержки-то как раз последние дни ни откуда почти не было, так как Пресня была совершенно оторвана от центра и только отдельным дружинникам удавалось проникнуть в центр; они рассказывали, что в городе уже баррикад нет, что ездят извозчики, и даже магазины открыты. Как-то не верилось и не хотелось этому верить, думалось, что «везде так же хорошо, как у нас»,—как говорила одна работница, и даже после этих рассказов и то настроение оставалось прежнее.

Что же дальше? Возникал вопрос. Каковы директивы центра? Развязка, наконец, пришла... Ночь была ясная, морозная, последняя ночь в «кухне». Было так жутко, что-то чувствовалось недоброе.

Дружинники, как всегда, были на своих постах... Длиннее, чем другие, кажется эта ночь; вдруг к утру слышатся выстрелы... Что это такое? Свои ли стреляют или неприятель пришел? Ответ не заставил себя долго ждать. Вбежали два дружинника, и достаточно было посмотреть на их лица, чтобы понять, что все кончено.

Семеновцы вошли на Пресню в 5 час. утра, но, вернее сказать, полезли на четвереньках, озираясь пугливо во все стороны и держа винтовку наготове.

Выходить из домов было почти невозможно, каждого выходящего спрашивали: «У тебя крест есть?» Если был, то отпускали, а если такого не оказывалось, расстреливали на месте. Наконец, видя, что опасность для них уже не так велика, сопротивления дальше нет, они стали по двое входить в дома с вопросом: «Мужчины есть? Дружинников нет?». А Пресня пылала красным пожаром...

Несколько дней спустя знатные иностранцы на автомобилях приезжали смотреть на ее развалины, благословляя оружие победителей и фотографируя на память.

Е. Салтыкова (Старостина).

Воспоминания работницы Трехгорной мануфактуры.

7 декабря рабочие вышли на работу, работали до 10 декабря, потом прямо с фабрики рядами двинулись на спальни. Здесь тов. Седой сказал: «Нас так много, идемте на Большую Пресню». Дошли мы до Волкова переулка, вдруг навстречу казаки, старший из них скомандовал: «Пли!» Мы спросили их, почему они хотят в нас стрелять, после этого они опустили свои ружья и уехали. Но спустя некоторое время появилось еще больше казаков, которые уже нас остановили и выстрелили в воздух. Наша дружина вернулась к себе в большую «кухню»; созвали собрание, решили все вооружиться, кто чем может. На следующую ночь мы вышли делать баррикады.

Я вспоминаю, как все мы, работницы, пилили телеграфные столбы, дружно делали баррикады и опутывали проволокой всю Пресню, снимали ворота с домов и клали на баррикады; так работали все ночи.

Я работала в боевой дружине и сестрой милосердия; десятник был у нас Николай Иванович Нестеров, в нашей же дружине был мой муж, Салтыков. Мы находились все время с ним в боевой дружине, не щадя своих детей, которых мы оставили с одной маленькой девочкой.

Вот идем мы на баррикады, а нам навстречу едут казаки. «Расходитесь и уберите флаг с баррикад»,—говорят казаки, а мы им отвечаем: «А вы почитайте, что на флаге написано». Тут офицер строго крикнул: «Убирайтесь сейчас же!», но мы, работницы, не испугались казаков и бодро пошли со своим знаменем на баррикады. Мы героически боролись на баррикадах Пресни около двух недель, не считаясь ни с чем; но дальше продолжать борьбу было невозможно: царские опричники, окружив с четырех сторон, начали нас жестоко обстреливать. Товарищи Седой и Власов сказали нам: «Спасайтесь, кто куда может, делать нечего». Нам, работницам, спасаться было некуда, мы решили спрятаться в подвалы; некоторые работницы, а также и рабочие, кричат нам: «Зачем вы здесь прячетесь, вы заводили, теперь вот и идите, воюйте на улицу, а то мы вас все равно выставим отсюда». Мы смолчали, потом видим, что больше оставаться в подвалах нет никакой возможности; решили мы пойти к нашему бывшему хозяину Прохорову; выпросили у него миткалю и выкинули на крыше три белых флага. Бой стал понемногу утихать; на утро, не помню какого числа, приехали семеновцы; тут пошли обыски, аресты. Все участвующие в восстании стали жечь свои бумаги, у кого что было; у моего мужа осталась винтовка и шашка, а у меня—револьвер. Нам пришлось незаметно пойти в одну квартиру и бросить оружие в

уборную. Дошел черед обыска и до нас — у нас ничего не нашли и, когда семеновцы вышли, мы успокоились, но наше спокойствие было недолго. Во время обыска в следующих комнатах, царским жандармам кто-то сказал, что я и муж участвовали в восстании. Через несколько минут семеновцы вернулись, мой муж был в это время дома и сидел со своим ребенком. Опричники крикнули: «Кто здесь Салтыков?» Он сказал «Я». «Вы участвовали в боях?», задают они нам дальше вопросы. Мы свое участие отрицаем. Тогда они говорят моему мужу: «Вы все-таки одевайтесь и идите с нами, а вы, — обратились они ко мне,—останьтесь пока с ребенком, мы про вас не скажем». Я осталась, а мужа повели туда, где находился палач Мин и дожидался рабочей крови. На другой день меня к мужу допустили. Здесь он мне сказал: «Дуня, воспитывай наше дитя, я больше не вернусь, суждено мне погибнуть от рук палачей».

В 4½ часа дня начались расстрелы, кругом раздавались крики, стоны — это стегали плетьми и мучали рабочих во дворе нашей фабрики, а мы, жены, матери, стояли за воротами, во двор нас не допускали. К вечеру истязание кончилось; я одна вошла во двор и спросила сторожа Михаила, не видел ли он моего мужа, он мне ответил: «Его уже расстреляли в 3-й партии, стреляли в него два раза при моих глазах, после чего всех убитых наклали на две повозки, клали вместе с ними и полуживых и отвезли в часть». Я не могла заснуть всю ночь, а на утро, чуть свет, пошла искать убитого своего мужа. Вышла я из ворот и спросила: «Скажите, куда повезли убитых, расстрелянных рабочих на «Прохоровке»? Мне ответили: «В часть». Пришла я в часть, но найти мне моего мужа не дают. Рвалась я тут, плакала, металась, в конце концов меня послали к приставу за разрешением. Окруженный опричниками с обнаженными шашками в руках, пристав крикнул на меня: «Ты что пришла?» Я ответила: «Мой муж здесь лежит расстрелянным». Пристав злорадно улыбнулся, и сказал: «Мы всех негодяев расстреляли», и дал мне пропуск. Вошла я в первый сарай, вижу—лежит груда обнаженных тел, воздух такой тяжелый, невозможно простоять более пяти минут, искала, искала, но мужа своего не нашла, во втором тоже не нашла, но в третьем вижу—лежит мой муж, растерзанный весь, с пробитой головой, одна пуля в грудь попала, четыре пули в боку. Наняла я деревенскую лошадь и привезла убитого в часовню. Денег у меня не было, думаю, как я его буду хоронить? Но тут рабочие и работницы «Прохоровки» помогли: приходили они смотреть моего мужа и клали ему на грудь деньги, кто сколько мог. Только так я и смогла его похоронить. Когда принесла убитого мужа в церковь, мне священник и говорит: «Что ты его одела в красную рубашку, как разбойника?»—Я ему ответила: «Я исполнила желание своего мужа, как он просил».

Настало для меня одной житье трудное: выбросили меня с фабрики на улицу с малыми детьми. Деваться мне было некуда, и уехала я в деревню к знакомым. Спустя некоторое время, не знаю от кого, получила 50 рублей денег, оправилась я тут немного, поехала в Москву и поступила к старому хозяину Прохорову; хотя с трудом, но меня приняли.

В. Забрежнев.

За массой.

28 ноября 1905 года меня выпустили из Бутырок по настоянию Бюро Амнистии под залог до суда [1]), а 6 декабря вспыхнуло восстание.

Выйдя из тюрьмы, я нашел всего двух с половиной анархистов в Москве. Послали Игната Музиля [2]) в Рязань за свеже распропагандированными товарищами. Обратно из-за жел.-дор. забастовки ему вернуться не пришлось.

Вопрос о восстании висел в воздухе. Мы, анархисты-коммунисты, в лице двух членов группы «Хлеб и Воля» — С. И. Ивановой-Левкович [3]), и моем, С. А. Владимирова (впоследствии Коновалова) и Алексея Иванова решили, конечно, принять участие в восстании. Но как быть? Не могли же мы, анархисты, влиться в партийные дружины! Решили устроить свою. Обзавелись оружием и приготовились. В первый же день А. Иванов был арестован в фидлеровской школе. С. И. Иванова была окружена в Аквариуме, но благополучно выскользнула, вынося, под видом санитарки, упавшую в обморок женщину. Солдаты пропустили беспрекословно и даже не обыскали. Оружие уцелело. Я в этот вечер вместе с С. А. имел счастье принимать участие в постройке одной из первых баррикад — у Триумфальной площади: начался обстрел Тверской от Страстного монастыря, и случайная толпа принялась баррикадировать Тверскую около Оружейного пер. Тащили — кто что мог: мебель, ящики, комья снега, решетки от сквера и телеграфные столбы. Здесь же была и первая санитарная практика, указавшая нам дальнейшее направление работы. Один парнишка влез на столб и, сдирая проволоку, порезал руку. Сейчас же реквизировали у какого-то зубного врача комнату для «перевязочного пункта», при общем сочувствии собравшихся. Парня перевязали. Организовали «койку» и дежурство. Ночью благополучно вернулись домой, на Мерзляковский, а утром, 7-го, уже втроем отправились на Триумфальную площадь без определенного плана. На Тверской — следы обстрела, продырявленные вывески, разбитые стекла и телеграфные изоляторы... Подошли к площади — толпа «деликатно толкает» не то околоточного, не то пристава. Прежде, чем

---

[1]) Привлекался сперва военным судом, а после «амнистии»—уголовным за вооруженное сопротивление при аресте в с. Богородском. Характерно, что 279 ст. военных законов заменили не той статьей гражданских законов, которая карает вооруженное сопротивление от 3-х мес. до 3-х лет тюремного заключения, а 1055 и еще какою-то, изменив и самое обвинение на «покушение на убийство жандармского офицера при исполнении служебных обязанностей».

[2]) Убит в 1919 году колчаковцами.

[3]) Впоследствии Забрежнева. Расстреляна в Курске в 1919 году деникинцами.

мы успели подойти, полицейский вскочил на извозчика и пустился наутек. Из глубины души крик вырвался, откуда голоса хватило: «Товарищи, да вы хоть оружие-то отберите». Услышали. Нагнали, отобрали шашку и револьвер и отпустили с миром, напутствуя тумаками.

Свернули на Садовую. Идет прапорщик запаса с шашкой поверх пальто. Подхожу к нему: «Ваше оружие!» — «Я сам, я сам». Снимает и вручает шашку.

Понравилось, успех окрылил. Входим в Садовую, толпа позади, на площади прохожих мало. Навстречу два геркулеса. Один в статском, другой—офицер-драгун. Мы к ним: «Ваше оружие!»

— То-есть как же? — растерялся офицер. А девицы уже приняли решительные меры. Одна пальто расстегивает, другая за портупею тянет. Что стоило им, богатырям, одним щелчком разметать нашу грозную группу. Но такова сила решительного натиска: вместо протеста стал просить: «Да позвольте, ведь это мне для самообороны необходимо». — «Тем более, давайте немедленно».—«Да это подарок полка...» Действительно, шашка великолепная, дамасской стали с травленым клинком. Отобрали. «Есть револьвер?»— «Честное слово офицера, больше никакого оружия у нас нет».

Эти встречи окончательно определили нашу линию поведения.

Были у нас знакомые среди рабочих Гранатовского издательства. Собрали собрание и предложили устроить беспартийную дружину и санитарный пункт. Отозвалось 18 человек, привлекли случайного врача — фон-Вица, еще студента-медика, овладели квартирой издательства, откуда-то добыли койки. Разделились на летучие группы по 4—5 человек. Одна дежурила — остальные, вооруженные и с перевязочным материалом, ходили по городу — «на выстрелы». Где примешь участие в перестрелке, где раненых тащишь в свой пункт. Не обходилось без соревнования с другими санитарными отрядами, чуть до драки не доходило—каждому лестно было своего раненого приобрести. Рассказ о произведенном нами разоружении так раззадорил товарищей, что почти ни одна летучка не возвращалась без оружия. Кто тащил шашку, кто—револьвер, кто—целую винтовку, отбирая их от захваченных врасплох городовых, а одна летучка, отчаявшись заполучить трофей, польстилась даже на дробовик какого-то мальчугана. Исколесили всю Москву, организовывая мимоходом при сочувственном содействии обывателей, перевязочные пункты. На Кудринской-Садовой получил боевое крещение—шрапнелька на излете застряла в барашковой шапке, но все же лицо окровянила своим острым штифтиком. Где-то, на какой-то конспиративной квартире, столкнулись с боевым отрядом большевиков. Помню решительное напутственное слово, которое держал нам перед выходом тов. Пятаков, если память не изменяет. В водовороте лиц и событий мелькают дни и ночи. Где, как и когда ели и спали — не вспомнишь. Нашему пункту «посчастливилось». Подвоз раненых не прекращался. Были даже два очень серьезных случая. Дружина возросла до 30 человек, присоединились какие-то совсем посторонние люди, два кадета, беглых из корпуса, еще один врач. Добывали где-то пищу, перевязочные средства, ухаживали...

Помню отдельные эпизоды, рисующие психологию момента. Захотелось фон-Вицу прогуляться после дежурства. Пошли вдвоем, важно нацепив на рукава белые перевязи с красным крестом. Идем к Никитской по Мерзляковскому. Навстречу бегут отдельные прохожие. «В чем дело?» — «Там стреляют!» Подходим ближе — на площади пожарные жгут баррикаду, а перед ними—цепь солдат с винтовками на перевес. Увидел нас офицер, командует: «Огонь!» Коллега смутился духом. «Нет ли раненых?»—кричит. «Мы—Красный Крест».—«Бей жидовский Красный Крест!»—слышится команда. Поворачиваем и «поспешно удаляемся». Случайно или умышленно прицел плохой—пули нас не задевают. Подбегаем к ближайшему дому—дворник поспешно захлопывает калитку: «Не приказано пущать». Но стоило пригрозить мифическими дружинниками, будто бы следующими за нами, как ворота гостеприимно растворяются: страх ли, сочувствие ли—не разберешь. Оказалось в тот самый день был вывешен приказ градоначальника, под предлогом мнимого покушения на него санитарами (студент Ласточкин, проходя мимо градоначальства и увидев Рейнбота, бросился к нему под защиту, показывая свой сломанный револьвер, надеясь избежать таким образом побоев патруля) расстреливать носителей повязок Кр. Кр. и закрывать ворота.

Переждали, пошли дальше. Натыкаемся на сцену. Под воротами —баррикада: поломанный рояль на боченках. Подвижная баррикада, не поддающаяся усилиями патруля, откатывается и снова налетает на них. Офицер неистовствует, увидя нас, снова клянет и Кр. кр. и жидов (мы оба совсем даже и не похожи), но солдаты настроены благодушно. Ощупав в карманах под бинтами револьвер, машут рукой и рекомендуют поскорее убраться, что мы и не замедлили сделать.

Еще вспоминается: едем втроем на извозчике, перевозим оружие. Извозчик неожиданно сворачивает на Тверской бульвар со стороны градоначальства. У ворот—патруль городовых. Крик: «Стой! стой!» Видим, навстречу бежит мальчишка. Быстро, но властно шепчу извозчику: «Погоняй, это они мальчишке кричат». Извозчик нахлестывает лошадь, а мальчишка, действительно, влетая в группу городовых, временно отвлекает их внимание. Выбравшись на безопасную дистанцию, извозчик оборачивается и улыбаясь заявляет:

— Нешто я сам не понимаю, не в первой, чай, левоционеров вожу Тоже и себя поберечь надоть. Неохота до ихнего кулачного потчевания.

Сжимается кольцо осаждающих. Мы с С. И. и С. А. перебираемся на Пресню, проникаем на «Прохоровку». Встречаем старого знакомого еще по Сормову и Питерскому с.-д. кружку, Зиновия Седого. Суетится, раздает патроны. Мы его игнорируем и основываемся в Прохоровской школе, где устраиваем перевязочный пункт. Присоединяется земский санитарный отряд — девицы, отбившиеся от руководителя. Работа есть. Для отдыха выходим на улицу, высовываем нос за баррикаду, моментально откуда-то из недалека вылетает любительская пуля. Проходят сутки. Легкая перестрелка с колокольни, с пожарной части стреляют любители. Какой-то дружинник ловко снимает нескольких стрелков. Замолкают.

На вторую ночовку устроились где-то в верхнем этаже на столах. Будит неожиданный, гулкий удар. Еще темно, часов шесть. Выглядываем в окно: где-то вдали виднеется огонек и снова удар. Еще и еще. Полукругом бегают огоньки, после каждого—новый удар. То подвезли пушки и расставили на Камер-Коллежском валу. Сыпятся «стаканы», все удачнее попадания. Зарываются в снег во дворе. Ребятишки-школьники организовывают охоту за ними и притаскивают еще дымящиеся. Проходят еще сутки. Загорается фабрика Шмидта и еще какая-то. В окне видно, как совсем по-соседству у забора возятся солдаты, поливая его керосином и пытаясь поджечь. Сопротивление, повидимому, бесполезно. Фабриканты едут парламентировать. Дружинники прячут оружие, собираются покинуть Пресню.

Сдаем раненых в фабричную больницу. Стрельба не прекращается. Пожилые рабочие, женщины не могут усидеть в подвале. Со скарбом на плечах пытаются пробраться сквозь осаду. Скоро две женщины возвращаются с простреленными плечами.

Распространяется слух о результатах переговоров. В 4 часа пушечная пальба прекращается. На фабриках поднимают белые флаги из любезно пожертвованной фабрикантами ткани. Идут повальные обыски.

У меня на руках восемь санитарок. Зная казацкие нравы, просят достать яд. Директор школы, либеральничавший еще так недавно на нашем пункте, заявляет откровенно: «Соберу вокруг себя своих учеников, а о вас сообщу — силой ворвались, ничего не мог поделать». Иду к тоже либеральничавшему учителю на квартиру, не приютить ли хоть кого из них. Жена его устраивает истерику. Сконфуженный, отказывает. Кланяясь пулям, иду к врачу фабричной больницы. Тот отказывает с ужасом. Прошу тогда яду для наиболее малодушных санитарок. Сестра врача, фельдшерица, услышала, пристыдила брата: «Конечно, двух—трех можно у нас устроить на ночовку».

Возвращаюсь с ответом в школу. Борьба великодушия. Все или никто. Все типичные интеллигентки,—решаюсь попытать счастья у местных интеллигентов. Иду к присяжному поверенному Переверзеву, дощечку которого случайно видел, проходя по улице. Не отворяют. Возвращаюсь. Одна девица надумала: есть знакомый наблюдатель в обсерватории. Не приютиться ли там?

Уже стемнело. Пушки замолкли, но вдоль Большой Пресни ружейные выстрелы. Кланяясь пулям, пробираемся куда-то к обсерватории. Увы, обсерватория оказывается метеорологическая, приятель же ее работает на астрономической. С такими же поклонами возвращаемся обратно. По дороге решаю еще раз попытать адвоката. Идем с женой к нему. Уже совсем стемнело. Проходим мимо церкви. Раздается колокольный звон. Кучками стекается публика к церкви и в собравшуюся толпу врезается залп, по случайности никого не задевая.

Подходим к дому, стучим в ворота; лает собака, слышится старушечий голос: «Кто там?»—«Доктор такой-то!»—«Не звали, батюшка!»—«Знаю, что не звали, сам пришел. Надо хозяина повидать»,—выкрикиваю я под аккомпанимент колоколов и выстрелов. «Господи, с нами крестная сила, страсть-то

какая! Обойдите из-за угла, в калитку, хозяина дома нет, сейчас пошлю за ним».

Входим, об'ясняю, в чем дело. «А бомб-то нет у них? Я сама им карманы пощупаю».

«Какие там бомбы, мирные санитарки, одна даже княжна» (курсистка Долгорукая). Сердце старухи смягчается. Пропускает в гостиную. «Сейчас пошлю за ним девушку горничную. Он в церкви, либо у батюшки, староста церковный он. Не знаю, только, согласится ли». Неожиданное открытие. Доброго ждать вряд ли приходится, не напрасная ли трата времени?

Заглядываю в соседнюю комнату, — роскошно убранный стол (признаться слюнки потекли с голодухи). За ним изящная расфранченная парочка: молодой человек и дама, чуть не декольтированная.

— Ну, идем, — говорю жене, — бесполезно пытаться.

В это время открывается дверь и входит высокий, плотный старик в долгополом сюртуке, с седой бородой и свесившейся прядью волос на лбу, напоминающий Тургенева. Нехотя излагаю ему причину визита.

— Ну, какой же разговор может быть! Тащите их всех сюда. Уложить, может, не сумею, так посидим, ночь скоротаем.

Через четверть часа шесть санитарок водворяются у адвоката и, как потом я слышал, провели время приятно и благополучно впоследствии вернулись в город.

Уже поздно. Дружинники частью пробрались через лед. Лед теперь вырублен. Путь к городу отрезан. Наша группка заночевала у врача. Утром разделяемся; мы с женой садимся на извозчика. Под'езжаем к Горбатому мосту. Поперек—цепь солдат. Инстинктивно сжимаем в карманах револьверы, но нас даже не окликают, расступаются и пропускают.

Уж не за фабрикантов ли приняли, благодаря «мехам?»

Уже от'ехали изрядно. Слышится одиночный пушечный выстрел; не сигнал ли к тем зверствам, которые обрушились на рабочее население многострадальной Пресни?

Благополучно переночевали, благополучно утром сплавили через зашедшую «сочувствующую» в ротонде имевшееся на дому оружие, обвешав ее всю кругом, в том числе и согнутой в маленький пакетик памятной шашкой. А через полчаса дом наш (Мерзляковский, 18) был окружен, и уже не я, а обершпик бросился на меня и, схватив одной лапищей обе мои руки, другой приставил прекрасный никкелированный браунинг к виску, вопя испуганным голосом: «Есть оружие или нет?». Неожиданное вмешательство пристава уберегло меня от участи прив.-доц. Воробьева (застрелен в спину в тот же день приставом Ермоловым) [1]). Перевернули все вверх дном, вскрыли полы и, ничего не найдя, кроме показавшейся подозрительной книжки Генри Джорджа «Свобода торговли» («Свобода! — воскликнул пристав. Отбери!» — приказал

---

[1]) Пристав Ермолов был за это убийство осужден на 5 лет каторги, но по высочайшему вмешательству вместо того отправлен полицеймейстером на Кавказ, где его убрали эсэры.

он городовому) да перевязочных медикаментов, торжественно провели нас сквозь шеренги переодетых городовых с винтовками — движение на улицах было приостановлено по столь важному случаю — в Арбатскую часть.

Через несколько дней после «бунта» (с поджиганием матраца) меня перевели в Бутырки, из больницы которой я и удрал два месяца спустя, переодетый судебным следователем, так и не явившись на вновь назначенный суд и по старому и по новому преступлению.

Вспоминая эти давно пережитые дни, не могу не отметить для самого себя, какой характерной оказалась практическая оторванность от рабочих масс нас, анархистов старого типа, идейно стремившихся к ним и служивших им. Какой роковой, вместо того, оказалась связь с интеллигенцией, с мелкой буржуазией. Мы, уже тогда сравнительно старые революционеры и бывшие социал-демократы, помимо нашей воли подошли ближе к представителям мелкой буржуазии, революционно зазвучавшим под стихийным влиянием событий и не имевшим никаких корней в пролетарской среде.

К сожалению, тогда урок прошел для нас бесследно на протяжении многих лет. Понадобилась октябрьская революция, понадобилось новое соприкосновение с массами, целое турнэ по России с пропагандой анархизма, чтобы, оценив наш успех все в той же обывательской и мелко-буржуазной спекулятивной среде, как наше поражение, вернуться, подобно блудному сыну, к заветам «Коммунистического манифэста», который еще в 1896 году и толкнул нас в ряды социал-демократов (до 1903 г.).

А. Шестаков (Никодим).

Великие дни прошлого.

Когда впервые московский пролетарий почувствовал по-настоящему свою силу, октябрьский манифест о «свободах» очень быстро был разоблачен перед широкими массами. Волна революционного движения поднялась значительно выше того, что давал манифест. От вопросов о политических свободах московский пролетариат переходил к разрешению проблем своего социального бытия. Всюду и везде, начиная с крупных мануфактур и кончая мелкими ремесленными мастерскими, рабочие начинали борьбу за радикальное улучшение их экономического положения.

Лозунг 8-мичасового рабочего дня и проч., выкинутый петербургскими рабочими, нашел свое отражение и в Москве. Закрепленные захватным путем политические свободы рабочие стремились в первую очередь возможно скорей использовать для достижения улучшения своего безотрадного материального положения. Отсюда и необычайный интерес к профессиональным союзам, куда меньшевистская организация Москвы, во главе с А. Никитиным, стремилась увлечь рабочие массы. На этой же почве в ноябре происходил ряд крупнейших забастовок, где нам, партийным людям, приходилось выступать в качестве представителей рабочих. В памяти очень ярко остался один случай с такой забастовкой рабочих на большой подмосковной фабрике. Рабочие фабрики добрались до Московского Комитета партии (больш.) и настояли, чтобы к ним приехал организатор как для налажения у них чего-то вроде заводского или фабричного комитета, а главное—для переговоров с самим хозяином об улучшении положения рабочих. На фабрике в столовой мы устроили собрание. Наметили максимум экономических требований.

С записями на бумаге и с другим делегатом от собрания отправились мы в контору фабрики, где фабрикант уже ждал нас со всем своим штатом. Вначале, при встрече с нами, он пытался принять иронический тон, но я его сразу же сбил, заявив, что являюсь не только представителем рабочих его фабрики, а также и от Московского Комитета Партии (больш.). Фабрикант сразу «увял». Разговор принял деловой характер. Против 8-часового рабочего дня фабрикант не возражал, но не соглашался на недопущение женского труда ночью, указывая, что у него нет достаточного количества мужчин для трехсменных работ. Заработную плату, которую требовали рабочие, он также оспаривал, заявляя, что тогда придется повышать цены на товар при их продаже, что повышение заработной платы невозможно из-за конкуренций Польши, где нет таких изменений в условиях производства, на которых настаивают московские рабочие и их «комитеты».

В конце концов мы с ним все же сторговались, и результаты переговоров об'явили на общем собрании рабочих.

Интересно отметить, что на фабрике была полиция, которая хотела меня арестовать, но рабочие пригрозили разорвать ее в клочья, если она только посмеет меня коснуться. Фабрикант также приказал уряднику меня не трогать.

Подобные рассказанному случаи были обычным явлением, и во многих местах, в той или иной мере, рабочие добились материального улучшения своего положения.

Однако все чувствовали, что и строительство и экономические завоевания базируются на недостаточно прочном фундаменте. Революционная мысль искала выхода, так как каждый день давал понять, что при оставшемся самодержавии ничего серьезного от капиталистов не получишь. Если они и уступали, то всеми чувствовалось, что это делается ими только лишь «так», «на время», пока у них нет сил, пока сила на стороне рабочих. В то же время вся капиталистическая Москва ощетинилась против рабочих и на заседаниях у Гучкова, где формировалась партия октябристов, и у Рябушинского, где строилась партия прогрессистов, шла усиленная деятельность по организации отпора требованиям рабочих. Интересно отметить, что наиболее яркими противниками удовлетворения рабочих были крупные фабриканты, независимо от того, к какой политической группировке они примыкали. К их числу относился между прочим и главный владелец Прохоровской мануфактуры, Н. И. Прохоров, по родственным связям примыкавший к октябристам Гучковым.

Указанные выводы неоднократно делались в заседаниях и Московского (городского) Комитета нашей партии и в комитете (губернском) так называемой, Окружной организации. Выхода, кроме вооруженного восстания, мы не видели. Необходимо было силой уничтожить царское самодержавие и получить действительные политические «свободы» для того, чтобы удержать за рабочим классом уже завоеванные в экономическом отношении позиции и чтобы подготовиться к дальнейшей борьбе за социализм. К этому решению пришли постепенно, после длительных колебаний, после сношений с Питером, после многократных совещаний с военной (боевой) организацией, с организацией пропаганды и агитации среди солдат московского гарнизона, после соответствующих конференций...

Если Московские Комитеты — городской и окружной и Московский Совет Рабочих Депутатов вели подготовку и, наконец, об'явили вооруженное восстание на 7 декабря, то царская власть в Москве также не дремала и вместо обороны перешла сама в наступление раньше, чем на нее напали. Обстрел из орудий дома Фидлера на Чистопрудном бульваре был прологом к восстанию. Там, в этом доме, погибли первые группы боевиков - дружинников, по преимуществу, железнодорожников из района Казанской, Николаевской, Северной, Курской и Нижегородской железных дорог. Среди погибших были и эсэры и эсдэки, большевики, и анархисты, и беспартийные. Я случайно не попал в этот вечер в дом Фидлера, так как был задержан засе-

данием комитета «Окружки». Дом Фидлера окружали войска, и меня не пропустили; я пробовал было агитировать среди солдат, но это чуть не кончилось арестом...

И в этот момент я уже почувствовал, что наше дело не очень-то надежно. Особенно была плохо налажена связь с нашим революционным штабом. Я не знал, куда бежать, кому сообщить о том, что делается у дома Фидлера... Надвигалась холодная, зимняя ночь. Я бросился от Чистых прудов на Тверскую... Там, в одной из квартир, я думал застать кое-кого из товарищей, но никого нигде не нашел. Между тем, дом Фидлера уже громили из орудий... По Тверской от Страстного монастыря к Садовой двигался отряд пехоты, обстреливая залпами вдоль всю улицу. Я пробирался под пулями вдоль стен, прячась за выступы... Впереди где-то «пукали» из револьверов... Это стреляли дружинники из-за первой баррикады на углу Тверской и Садовой. Их вскоре согнали с баррикад верные царевы слуги... Я попал в руки отряда солдат, и только случайность и мой внешний буржуазный вид спасли мою жизнь. Меня слабо обыскали и отпустили «по глаголу с миром», не обнаружив за моей спиной под пальто здоровенного «парабеллума». Все-таки в эту же ночь удалось кое с кем сговориться и относительно наладить связь с руководящей группой товарищей. Я получил назначение направиться с ответственным поручением на Пресню. В моей памяти остались какие-то белые комнаты, большие обеденные столы, группы дружинников, наши красные сестры милосердия, которые не только перевязывали раненых, но и разносили на посты дружинникам хлеб и кашу... Тут же яркая фигура старого товарища Седова...

Вся Пресня как-то притаилась, сжалась, приготовилась к прыжку... Полицейский участок около «Прохоровки» разбежался. Городовые исчезли с постов. Пропуск по Пресне по паролям. Изредка пробирается извозчик. Обыски седоков.

Дружинники жалуются на недостаток оружия, патронов... План военных действий им неизвестен... Как произойдет захват власти, никто реально себе не представлял. Мельком говорили об осаде кремля, куда будто бы скрылись все московские власти (между прочим, интересно отметить, что штаб царских опричников помещался в первые дни восстания в доме на углу Воздвиженки и Моховой — ныне дом В. Ц. И. К.). По существу, Пресня уже находилась всецело в руках пролетариата, чего нельзя сказать про другие районы города, где в руках дружинников были лишь небольшие участки или отдельные дома. На Пресне, кроме «географии», было что-то другое, а именно, тот особый энтузиазм, который характерен для периода революции и особенно для тех слоев пролетариата, которые больше всего несли на себе гнет и капитала и самодержавия, вместе взятые. Текстильщики и деревообделочники Пресни, в лице своих передовых товарищей - дружинников и поддерживавшей их остальной массы, показали, что они уже доросли до активных действий, что те лозунги, которые были брошены в массу революционными организациями, ими усвоены, что идея вооруженного восстания в той или иной степени проникла в их сознание, и они приготовились пожертво-

вать за нее жизнью. Не беда, что не все рабочие Пресни и, в частности прохоровцы, особенно женщины, до конца остались на революционном посту,—известно было, что часть рабочих с Пресни разбежалась по деревням, особенно, когда над Пресней была установлена блокада со стороны царских войск, и начался обстрел.

Но в лице своих передовых товарищей рабочие Пресни, по сравнению с другими районами, проявили значительную долю сознательности к происходившим событиям и огромное самоотвержение в революционной схватке горсти дружинников с плохими револьверами против хорошо обученной царской армии с пулеметами и пушками. Вместе с этим необходимо отметить, однако, что в отдельных местах Москвы рабочие сражались с царскими войсками не менее героически, чем пресненцы. Напр., в районе железнодорожного узла—Казанского, Николаевского и Северного вокзалов, на площади и на ближайших улицах и железнодорожных путях борьба дружинников-железнодорожников с войсками велась поистине изумительно, чему я лично был свидетелем в течение почти 4-х дней. Но важно также отметить, что после того, как центр и ряд районов — Сокольники, Рогожский, часть Замоскворечья — захватили царские войска, Пресня все еще держалась, и я помню, что в тот же день, когда мне удалось вырваться из кольца войск на Казанке, разбивших нашу дружину, я тотчас же поспешил к Пресне. В памяти осталась такая картина осады Пресни царскими войсками: 2 часа морозного дня... Все переправы, улицы и переулки к Пресне заняты войсками, ни пройти туда, ни проехать. Кое-как пробираюсь на берег Москвы-реки... Издали, там, где линия горизонта, вспыхивают зловещие огоньки, и тяжелые снаряды бухают по корпусам фабрик, по жилым домам Пресни. Царская артиллерия жестоко мстит восставшим рабам, неся уничтожение всем, кто имел несчастие быть рабочим. Между прочим, все буржуа с Пресни были свободно пропущены в город...

Пылала фабрика Шмидта, горели дома, снаряды били в «Прохоровку»... Последние, героические дни Пресни... И кровью обливалось сердце, и местью горели глаза, и сами сжимались кулаки, — проклятье палачам невольно срывалось с уст.

В революционном штабе, разыскать который в первый день не удалось, шел вопрос о ликвидации восстания. На другой день, когда я делал доклад о гибели нашей казанской дружины, один товарищ принес печальную весть о сдаче Пресни.

Наш партийный аппарат разладился, связи распались с целыми районами, в том числе и с Пресней. Пришлось принимать экстренные меры к спасению тех товарищей, которые остались в живых. Мне поручили организацию отправки из Москвы дружинников и других товарищей, наиболее «провалившихся» во время восстания. В квартире ныне здравствующего С. И. Мицкевича, в Сокольниках, мы оборудовали технику по выделке паспортов и явку по выдаче одежды и денег. Кое-кто из пресненцев получили паспорта с этой явки, но большинству они выдавались где-то в центре города. Партия с большим трудом собирала силы, и только лишь месяца через два

удалось начать понемногу снова работать среди масс. От завоеваний рабочих в области экономических уступок почти не осталось и следа. Террор свирепствовал вовсю. Полиция, охранка и капиталисты действовали об'единенно, вылавливая из рабочей среды каждого мало-мальски «сознательного» рабочего, и гнали его или в тюрьму и ссылку, или просто в деревню...

Профессиональные союзы попали сразу в полицейские тенета, и каждое выступление грозило большевику арестом со стороны присутствовавших всегда на собрании полицейских чиновников и шпионов.

Несмотря на все это, декабрьское восстание 1905 г. имело колоссальное историческое значение. Оно впервые вскрыло действительно революционные силы пролетариата России, оно укрепило классовое положение рабочих, оно показало им правильные пути борьбы, оно доказало значение партийной организации в революционной борьбе пролетариата и т. д., и т. д.

Пролетариат Пресни—один из передовых отрядов вооруженных бойцов 1905 г.—оказался на должной высоте в ответственный исторический момент, и в этом его вечная заслуга перед человечеством. Благоговейное преклонение пред прахом павших и слава живущим творцам великого будущего — коммунизма.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ ДЕКАБРИСТОВ 1905 ГОДА.

Речи, произнесенные на вечере воспоминаний декабристов 1905 года[1]).

Председатель. Разрешите открыть собрание в честь воспоминаний событий 1905 года. (Интернационал.)

Товарищи, 17 лет прошло с того времени, когда рабочий класс впервые пытался захватить государственую власть. Вы знаете, товарищи, что у нас участвуют лучшие представители, лучшие сыны рабочего класса, которые проявили активнейшую работу в этой борьбе, и я думаю, что на протяжении 17 лет те жертвы и те муки, которые были в 5-м году, мы не забудем за те действительно героические поступки, которые имели место 17 лет тому назад со стороны рабочего класса в России, в особенности Москвы, и, главным образом, Красной Пресни. Неисчислимые жертвы понесли мы в то время, которые вырвали из нашей среды лучших сынов рабочего класса, много пало в борьбе за попытку свержения капитализма. Я думаю, прежде чем мы перейдем к нашим основным докладам, мы почтим память лучших сынов, которые пали, вставанием.

Владимирский. Товарищи, события декабря 1905 г. стали уже нашими «воспоминаниями»; мы собрались сегодня, чтобы восстановить в нашей памяти эти события. Эти события лежат в далеком минувшем. Но на самом деле это прошлое 1905 года есть наше настоящее, и знать 1905 год, понять его значение, это значит понять значение тех дней, тех годов, которые мы переживаем сейчас. 1905 год был приготовительным классом, через который прошел рабочий класс, чтобы достигнуть тех завоеваний, которые мы имели в октябре 17-го года, чтобы приступить к работе по постройке нового мира, которую мы еще не закончили, и не скоро еще закончим. Наши дети закончат эту работу. То, что было в 1905 году, это является даже для настоящего дня и будет еще долго служить уроком и предметом изучения для всех членов нашей партии. И не только для Москвы, но и для всей Советской России, для всех советских стран эти события долго будут служить уроком. Более того, изучение событий 1905 года будет иметь практическое значение и для товарищей заграничных, и для тех стран, откуда мы ждем известий о начавшейся революции.

В эти годы (1904—1905) развернулась вся тактика, все принципы работы, основная суть той борьбы, которую вел рабочий класс России, и которую ведет пролетариат всех других стран. Что произошло в 1905 году? Я не могу, конечно, подробно излагать все события этого года. Большинство здесь присутствующих прошли партийную школу и знают по книжкам, что такое был 1905 г. Это был момент, как мы тогда говорили, когда все упиралось в вооруженное восстание. Положение рабочего класса было таково, что не выйти с оружием, значило стать изменником по отношению к рабочему классу страны. Таково было положение в Москве.

---

[1]) Состоялся 28 декабря 1922 г.

Энгельс, разбирая германскую революцию 1848 года, сказал, что всякий, кто в революции владеет решительной позицией и сдает ее вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ, должен быть рассматриваем, как изменник рабочему делу. Таково, было положение и в 1905 г. в Москве и в ряде других городов.

Начало 1905 года, как вы знаете, это был момент, когда все слои угнетенного населения находились в непрерывном брожении. 9-е января (поповская история) показало уже, что социал-демократическая партия (революционная социал-демократия, как называли нашу партию) уже имеет за собою широкую рабочую массу, по крайней мере в больших городах. Движение весны, а потом осени 1905 г. в деревнях показало, что крестьянская масса готова итти с оружием в руках против помещиков. Одна только цифра, которую я назову, показывает, какой размер носило это движение крестьян. За ноябрь месяц, когда, главным образом, проходила вторая волна восстания, во всей России было разрушено 2 тысячи помещичьих усадеб, а в Саратовской губернии это движение приняло уже характер вооруженного восстания. В ноябре 1905 года в Севастополе моряки на «Потемкине» подняли вооруженное восстание. Восстание это было усмирено армейской массой. Положение в городах к началу декабря было таково, что царское правительство решило итти на приступ и разгромить революционные организации (арест Совета Рабочих Депутатов, закрытие газет, роспуск различных профессиональных организаций). В то же время рабочий класс в Москве и Петрограде уже начал захватывать власть. В Москве это было выражено слабее, а Петроградский Совет Рабочих был уже тем органом, который держал вокруг себя почти все рабочее население Петрограда, и не только рабочее население: мелкое чиновничество группировалось также вокруг этого Совета. Если бы наша партия в этот момент забила отбой и сказала бы: «Товарищи, сдавай свои позиции и скрывайся снова в подполье»,—то рабочие массы назвали бы нас изменниками, потому что в результате этой сдачи было бы разбито все то, что было достигнуто и организовано годами долгой борьбы. Рабочая партия и весь рабочий класс ясно сознавали тогда, что они *должны* все итти с оружием в руках. В этот момент нельзя было сказать ни одному участнику, чтобы он оставил оружие и скрылся в подполье. Каждый из нас чувствовал, что поставлена решительная ставка, что уклониться от этой борьбы значит стать изменником рабочему делу, значит сдать свои позиции вместо того, чтобы заставить врага отважиться на приступ.

И вооруженное восстание, которым ответили московские рабочие на приступ врага, уже само по себе было показателем силы рабочего класса. Декабрьское восстание подтвердило ту мысль, что во всех революциях рабочий класс, если он хочет извлечь какую-нибудь пользу из революции, если он хочет, чтобы революция не пошла исключительно на пользу буржуазии, он должен быть гегемоном революции, т.-е. руководителем революции. За ним, как за вождем, должны пойти все остальные угнетенные классы.

Во всей нашей борьбе, во всей истории рабочего движения эта мысль, что рабочий класс, если он хочет извлечь из революции пользу для своего класса, должен быть руководителем движения,—эта мысль, была основным содержанием нашей борьбы. Она проходит через всю историю нашей партии. Еще в 80-е годы первая социал-демократическая группа (плехановская группа Освобождения Труда) — этот первый зачаток нашей теперешней партии, эта группа заявила устами Плеханова, что русское революционное движение восторжествует, как движение рабочих, или не восторжествует вовсе, т.-е. революция будет удачна только тогда, когда рабочий класс станет во главе движения, когда рабочая партия выступит, как самостоятельная партия, а не будет плестись в хвосте за буржуазными партиями. Позднее

это основное положение, что рабочий класс есть гегемон революции, стало тем оселком, на котором оформились все политические партии. Каждая партия, даже каждая мелкая группа определялись тем, какое отношение занимали они к этому вопросу. Будет ли рабочее движение классовым движением пролетариата во имя его конечных целей, или рабочие пойдут в хвосте за буржуазией, подчинятся руководству буржуазных классов. Ответ на этот основной вопрос оформил и те политические партии, которые мы имеем сейчас. Среди социал-демократических течений оформилось то течение, что назы-

М. Владимирский (член Московского Комитета в 1905 г.).

вается партией меньшевиков. Вопрос об отношении к буржуазным партиям был тем вопросом, который расколол тогдашнюю социал-демократию, выделив, с одной стороны, большевизм и с другой—меньшевизм.

В чем выражалось расхождение? Большевики говорили, что руководителем всей революции является рабочий класс, рабочий класс должен стать гегемоном этого движения. На кого он может опираться? Только на те массы, которые заинтересованы в радикальном, коренном уничтожении самодержавного строя. Такими массами были крестьяне. Большевики проводили эту мысль во всей своей тактике, которая принимала самые разнообразные формы. Обратно, меньшевики, исходя из положения, что это —

Декабрь 1905 г. на Красной Пресне.

революция буржуазная, утверждали, что рабочий класс в этой борьбе должен итти рядом с буржуазией, не пытаясь захватить себе руководящую роль, так как это может запугать буржуазию, оттолкнуть буржуазных либералов. Этим основным положением определялась и вся тактика их борьбы 1904—1906 г.г. (Земская кампания, выступления на либеральных банкетах, блоки с кадетами и т. п.). С той же точки зрения подошли меньшевики и к оценке декабрьского восстания.

После декабрьского восстания вышла книга меньшевика Череванина, где он, давая оценку декабрьского восстания, не нашел ничего другого, как сказать, что это было безумие. А Плеханов заявил, что не надо было браться за оружие.

Декабрьское восстание в Москве и ряд восстаний в других городах не привели рабочих к победе. Почему? Потому что в 1905 году, во время первой русской революции, связь между деревней и городом была еще слаба. Когда начался расстрел Пресни, то потянулась длинная вереница рабочих из Москвы в деревню. Эти рабочие, ушедшие с «Прохоровки» в деревню, гонимые мыслью о том, где бы найти прикрытие, невольно служили великому делу революции, они связывали крестьян с рабочими и вносили в деревню то, что было в городе. Они, может быть, передавали неправильно, но они переносили в деревню и рассказывали о тех формах борьбы, которую ведет рабочий класс. Деревня не поддержала декабрьское восстание; и наиболее отсталые слои крестьян,— крестьяне, одетые в солдатские шинели, подавили восстание московских рабочих так же, как севастопольское восстание моряков, большинство которых были дети рабочего класса, было подавлено пехотными частями, т.-е. тоже крестьянскими массами. Те рабочие, которые сотнями или тысячами ушли потом в деревню, познакомили и крестьянство с теми задачами, во имя которых рабочий класс боролся. И нужно было, чтобы прошло еще 12 лет, чтобы эта крестьянская масса, пережившая жесточайшую империалистическую войну, узнала ту связь, которая существует между рабочим классом и деревней. И только 1917 год принес нам победу. Это была победа рабочего класса, как вождя революции, за которым шла крестьянская масса, одетая в серые солдатские шинели. То, что в 1905 году было еще в неясных очертаниях, в 1917 г. стало, наконец, совершенно ясным и определенным самым широким массам. Стала ясной и роль меньшевиков в истории революционной борьбы рабочих. Сейчас в рабочем классе не найдется никого, кто бы сказал, что нам не ясна предательская роль меньшевиков в русской революции. Во время первой революции вопрос о блоке с кадетами и о соглашениях с буржуазией был еще не ясен для широких масс. Наша партия тогда заявляла, что меньшевики есть не что иное, как проводники буржуазных взглядов, прикрытых марксистскими фразами. Но это было вполне ясно только партийным кругам и тем рабочим, которые были организованы в партию. Но после того, как меньшевики входили в правительство Колчака, после того, как они поддерживали в Москве Руднева и белогвардейцев, поддерживали всякую контр-революцию, то их контр-революционная роль стала понятна всем и каждому.

Изучение 1905 года важно тем, что в событиях этого года, в борьбе партий, которая происходила в то время, мы видим начало той борьбы, которую мы переживали в 1917 году. Знакомясь с ролью отдельных политических партий, с их взглядами на революцию 1905 года и на декабрьское восстание, мы установили еще яснее контр-революционную роль соглашательских партий во второй русской революции.

С другой стороны, это изучение поможет понять значение смычки рабочих с крестьянством, значение связи города с деревней.

Задачей сегоднешнего моего краткого вступительного слова было показать вам, насколько важно изучение событий 1905 года. К сожалению, то-

варищи, каждый из нас сейчас занят строительством новой России и не всегда имеет время оглянуться назад. А, по-моему, нам нужно иногда оглядываться назад и изучать старое. Кто должен это сделать относительно декабрьского восстания? Пресня, центр восстания 1905 г., должна стать центром его изучения. Это знакомство с прошлым должно быть деятельным, мы должны, изучая прошлое, связаться с тем, кто не вошел еще в нашу партию, рабочие - коммунисты должны быть связаны со всей массой рабочего класса, связаны возможно теснее. А можем ли мы сказать, что связь эта у нас так сильна, что беспартийные рабочие чувствуют это каждый день, в своей работе, в своей квартире? Этого не можем еще сказать. Это—громадная задача, и на эту работу мы должны отдать много и много сил. Мы должны поставить всю нашу работу так, чтобы беспартийные чувствовали себя тесно связанными с нашей партией, и не только в дни торжественных манифестаций, но и во всей своей жизни, и на фабрике, и дома. Вот создать эту связь, это—основная наша задача. Можем ли мы использовать для этого изучение прошлого? По-моему, можем. У нас есть сейчас на Пресне сколько участников этого восстания. Я думаю, я не ошибусь, если скажу—не одна тысяча. Ведь когда происходили декабрьские события, то участвовало в борьбе все рабочее население, и самыми активными участниками были те женщины, которые строили баррикады, которые приносили кусок хлеба дружинниками (а их были тысячи). Почему мы, участники декабрьского восстания, не чувствуем большей связи с ними? Почему они живут отдельно, а мы отдельно? Почему нам не найти каких-нибудь форм большего общения с ними? Я думаю, наше изучение декабрьских дней здесь, в районном клубе, может привлечь и беспартийную массу.

В своей статейке в газете «Красная Пресня» я указал на пример парижских коммунаров — участников Парижской Коммуны 1871 г. А почему коммунисты на Пресне не могут собрать сотни таких беспартийных? Почему на демонстрации с Пресни не может потянуться колонна со значками старых «декабристов», со своим знаменем и т. п.? Мы должны привлечь тех беспартийных, которые связаны с нами теснейшими узами декабря. Надо нам привлечь и тех беспартийных, которые знают об этих днях только по рассказам своих отцов и матерей. Мы, старые работники, должны привлечь новую рабочую молодежь, связаться с нею на почве изучения старого.

Тогда события 1905 г., декабрьские события в Москве, станут не только предметом воспоминания, но и предметом самого глубокого серьезного изучения, изучения жизненного, практического, которое поможет нам познать ту задачу, которая является сейчас одной из самых важнейших: чтобы партия коммунистов все больше и больше связывала вокруг себя беспартийную массу, привлекала в ряды партии новое поколение рабочих, и чтобы каждый рабочий на заводе, еще не воспринявший всей нашей программы, почувствовал бы, что вот эта ячейка на заводе есть что-то свое, которая ему что-то дает и дает то, что надо. Вот, когда мы эту задачу выполним, тогда мы скажем: «Товарищи, работа стала легче, потому что все и каждый работает сознательно над укреплением того строя, ради достижения которого мы боролись в 1905 году».

Воскресенская. Товарищи, как раз сейчас эта самая связь, о которой говорил товарищ Владимирский, правильна, она перед нами встает каждый год. Вот уже 6-й год при Советской республике, когда мы вспоминаем вооруженное восстание 1905 года, когда всякий раз приходится вспоминать прошлые года, выдвигается какая-нибудь отдельная личность, когда вспоминаем тех женщин, которые стояли на баррикадах и приносили еду, — мы этим выдвигаем лиц декабрьского восстания и считаем, что без этих ежегодных напоминаний о наших жертвах нам обойтись нельзя и не следует. Сегодня,

присутствуя в вашем районе, я вспоминаю одну фабрику, на Вятской улице, бывш. Ралле (может быть, кто-нибудь из вас с этой фабрики); мне пришлось в эти декабрьские дни там быть более продолжительное время, чем в другом месте. Я не организатор, а все время агитатор, и передо мной проходят разные заводы и фабрики, и вот на фабрике Ралле я не могу не отметить той волны под'ема, того революционного движения, которое на моих глазах выростало среди темной массы, нетронутой революцией.

Когда мы первый раз пришли на эту фабрику и произнесли два слова «долой самодержавие», что уже тогда было ясно и для наших врагов, то при этих двух словах так заволновалось большинство женщин, что казалось, что они меня сдернут с табуретки, но их захватили правдивые слова—выслушали и не сдернули . Это было до октябрьской забастовки. Она прошла, ложный манифест получен. За это время в самом разумении и психологии работавших происходит великая перемена: после окончания забастовки, когда убедились в ложности манифеста, то стало ясно, что только революционным путем можно осуществлять то, что обещано. С этого момента на той же фабрике Ралле мы выступали уже смелее со словами «долой самодержавие». Отношение к партии стало менее остро, и мы выдвигали методы классовой борьбы, солидарности в ней. Когда на двух фабриках хозяева вызывали казаков—во время собрания в столовой—эти же самые работницы, они же накрыли меня каким-то тулупом, какой-то шалью и смешали меня со своей массой, и мы вышли мимо казаков со двора.

Потом я хочу представить другую картину, как эта же самая фабрика выдвинула прекраснейшую боевую дружину, и я не могу не вспомнить двух братьев Миловых. Если кто-нибудь есть из этой фабрики, вы им передадите. Два брата Миловы—сыновья одной старушки, которая сейчас жива. Особенно выделялся младший из них, 16—17 лет, кудрявый, рослый, широкоплечий, у которого был такой прекрасный голос, что когда он пел Стеньку Разина, то все женщины плакали. Этот самый юноша шел в эту революцию перед этой фабрикой, перед стариками, как главарь. Это были предвозвестники наших комсомольцев. Он уже открывал ход вперед, он еще не понимал, что значит партия большевиков в целом, и теоретически не сведущ, но уже весь был интуитивно и революционер и коммунар. Если бы понадобились те усилия, которые нужны для коммунара, он бы годился в эту работу. И когда умные хозяева Ралле, французы, решили, что их время сейчас спрятаться, их время хоть ложно, но показать доверие рабочему классу (на самодержавие они не могли опираться, несмотря на манифест, самодержавие не стало крепче),—эти же самые хозяева сделали самое лучшее: они отдали ключи от фабрики рабочим и больше уже казаков не призывали. И когда далее захваты революционные делались все сильнее, когда после выпущенного приказа Дубасова все ворота в 5 часов держать на запоре, особенно в проходных дворах (как раз этот приказ был утром в 4 часа), мы возвращались с собрания по Долгоруковской улице, железные ворота лежали на баррикадах. Значит, с одной стороны, страх перед Дубасовым, а с другой стороны, революционный под'ем настолько сильный и вера в борьбу настолько прочная, что этот приказ оставался на бумаге. Когда вслед за тем началось разоружение полиции, эта же фабрика разоружала полицию, и тот же самый околоток снимал селедки и покорно отдавал кобуру,—все эти картины ясно показывают, в каком положении тогда был пролетариат. Это только Москва и один Бутырский район. Распространите это далее—возможно ли было избежать вооруженного восстания? Оно было ясно и неизбежно.

Вот почему из многих воспоминаний я выдвинула, как самое яркое, воспоминание на одной фабрике, на котором можно проследить, как

эволюция нарастания революционного движения происходила в рабочем классе.

Я не могу не вспомнить о фабрике Реномэ. Я помню там работавшего упаковщика Николая Леонова. Это второй комсомолец, которому цена дорогого алмаза. Помню, как он со всей горячностью юности вошел во фракцию большевиков, поддался пропаганде. Когда мы уезжали после подавления восстания в далекий уголок Московской губ., Дмитровского уезда, около фабрики Лямина (я как раз везла наших комсомольцев—Леонова, Барышева и Кузьму Милова), эта комсомольская молодежь сумела тогда предупредить рабочих на фабрике Лямина, спасти, что можно, несмотря на то, что там ждали Мина—страшного расстрельщика.. Далее, когда уже было потушено восстание, и началась реакция, этот Николай Леонов не пропал, он оказался настолько одаренным, что когда мы перешли на нелегальное положение и открыли курсы, он оказался самородком с такой светлой головой, что сдал через 2 года на аттестат зрелости при гимназии, имея жену и ребенка. Откуда он это взял? Я как сейчас вижу его фигуру: он упаковщик, в валенках, он знал только ящики, он—крестьянский сын. 2 года тому назад его раздавило поездом. Я не могу не сказать о текстильной фабрике Анонимного общества на Вятской улице. Когда мы были на нелегальном положении без ночлега, я помню, какая-то девушка Маня шла впереди и вела за собой бессознательных, как она усвоила классовую борьбу. Ведь первый метод осуществления был метод об'единения рабочих, метод спайки между собой, как во всякой стачке, и затем революционный захват власти. Еще воспоминание. Я не могу не вспомнить самую Красную Пресню. Я не могла знать настроений на Красной Пресне между рабочими. Каждому, более интеллигентному работнику казалось, что Пресню нужно убедить от ее порыва биться до конца. Надо было видеть с каким энтузиазмом и с какой верой говорили революционеры Пресни, и замечательнее всего то, что там женщины подбивали мужчин, и когда налетели драгуны, женщины открывали свою грудь и говорили: «Бейте нас, если вы звери», и заставляли этим отступать.

Я помню одну ночь: какое-то полуподвальное помещение около фабрики, на самой фабрике вражеские штыки. Дело было ночью, я помню, как меня выдвинули на первые баррикады, когда уже орудия слышались, и мне в последний раз пришлось сказать последние слова. Потом меня увели (так как я не боевик).

Сегодня я не хочу больше утруждать вашего внимания. Сказать можно было бы многое, если бы говорить о том, как происходил самый захват агитацией темных масс. Я помню такие сцены: мы проникали всюду. Чайные, трактиры были нашей базой. Сливаемся с публикой, в полушубках, платках, занимаешь место за чайным столом. Вдруг встаешь, начинаешь говорить и слышишь, как в соседней комнате ломовики (ведь это самые страшные по своей реакционности; они всегда готовы были покрывать нас, социалистов, вчистую), как они постепенно приходили к нам из своей половины, слушали и как потом выражали сочувствие. Чувствовалось, что нити связаны. Вот относительно крестьянства, которое целыми обозами потянулось, когда начались забастовки. Это крестьянство, уезжая в деревню, может быть, привозило туда страх, а не бодрость, потому что все, что только готово было биться и проникаться методом классовой борьбы, все это оставалось здесь на местах, и крестьянство даже не тронулось с места, так что в этом отношении у нас в декабрьские дни об'единенный состав крестьян и рабочих сохранился. Вот в общем, что я могу сказать из своих воспоминаний. Из этого тогда еще можно было видеть, что те самые посевы комсомольцев, которые тогда уже были, что они в будущем станут руководителями новых комсомольцев, что сейчас и происходит.

Оканчивая, я одно скажу, что будем жить мы 7—8—9—10 лет и далее, будем вспоминать это восстание, но кроме книжек, которые будет изучать наше поколение, нам необходимо живые образы сохранить, и они не все запечатлены, и не все прошли в печать. И я считаю, что наши воспоминания нужно для потомства очертить с яркостью и полнотой. Каждый год нас приближает к тому, что наши труды возьмет молодежь, как и наши знамена, в свои руки, и нам очень важно, чтобы в их основе было отчетливо и ясно, — что без 1905 года не было бы и 1917 года. Велики жертвы, но они были всегда, и мы их приносим сейчас. Поэтому я должна закончить свои воспоминания именно тем, чтобы сказать: «Слава грядущей молодежи, да здравствуют наши комсомольцы, да здравствует их будущее, которое придет на смену!»

Седой. Товарищи, принципиальное об'яснение декабрьскому вооруженному восстанию дал тов. Владимирский, который тогда являлся старым партийным работником и членом Московского Комитета (б.), и не раз своим словом и своим указанием оказывал нам, тогда рабочей молодежи, ту или другую помощь. Я, товарищи, постараюсь в пределах того, что в моей памяти осталось, осветить некоторые факты и некоторые об'яснения и указать на некоторые вещи, которые, по-моему, нужно было расширить. Тов. Владимирский в своей статье пишет: «Сотни этих декабристов Красной Пресни, понесшие в 1905 г. поражение против старого мира...». Я вас могу уверить, товарищи, что в числе декабристов Пресни 1905 года были не только рабочие Красной Пресни, но были и рабочие Замоскворечья, жел.-дор. района, были рабочие центра и рабочие, примыкающие к Красной Пресне. Почему, товарищи, мы теперь, и вот уже несколько лет, обращаем внимание на Пресню? Да потому, что Пресне удалось просуществовать не 3 — 4 дня декабрьского восстания, как другим районам, а, благодаря целому ряду счастливых случайностей, гораздо дольше. Поэтому нужно сказать, что Пресня являлась тогда центром, впитавшим в себя все лучшие рабочие элементы Москвы, которые не имели уже практического применения в других районах, ранее сложивших оружие. Это— раз. Второе: тов. Владимирский совершенно правильно наметил вопрос о том, что декабристы должны сыграть колоссальную роль, какую играют все время старые коммунары, старые борцы Парижской Коммуны. Но старая Коммуна в Париже тоже занимала определенный участок, она впитала в себя все лучшие элементы, которые были в 1871 году, и она не принадлежала только Монмартру или Бастилии. Эти коммунары принадлежали к цвету парижских борцов 1871 года, против которых направил свои усилия генерал Галифе. То же, товарищи, и здесь: волею судеб все лучшее влилось в пресненские боевые дружины, против которых и были направлены усилия полковника Мина его помощника Римана и целого ряда других.

Поэтому, товарищи, Пресня являлась фактически результатом той борьбы, которую вела вся Москва, вся рабочая Москва, и не только вся Москва, но и другие города и организации, как, например, Сормово, Коломна, Рязанская ж. д., где всюду декабристы играли передовую роль. Москва была лишь об'единяющим центром. Декабристы, это—был тот революционный кол, который вколачивался в сердце и грудь тогдашнего самодержавия и капитала, и нам нужно добиться, чтобы всюду, где было движение 1905 года, на них, на декабристов, смотрели, как на ветеранов революции, и чтобы подрастающее поколение, изучив это движение, поняло, что декабрьское восстание является преддверием революции 1917 года.

Товарищи, трудно говорить обо всем, что было, и я буду говорить только практически. Рабочая молодежь и те солдаты, которые явились с русско-японской войны, и те рабочие, которые прошли определенную подготовительную работу в 1905 году, в конце ноября понимали отчетливо одно, а именно,

что если буржуазии всего мира в революции 1848 года удалось обмануть рабочий класс, то 1905 год уже имеет другой период, и рабочий класс так обмануть, как это удалось тогда, не удастся, и что рабочий класс в России, в Москве в особенности, шел по этому пути, по которому шла великая Французская Коммуна.

Нужно было видеть Московскую конференцию в доме Фидлера, где собрались делегаты всех фабрик и заводов, и других предприятий, где председательствовал тов. Шанцер (покойный, его нужно тоже сегодня помянуть), он без устали работал для организации рабочего класса; нужно было видеть этих рабочих (а их было приблизительно около 500), когда они подсчитывали, сколько у кого имеется револьверов, сколько пик, кистеней и пр. Вот каким оружием мы тогда располагали; но, однако, все тогда прекрасно понимали, что мира между двумя врагами нет и не может быть, и что Рубикон перейден.

З. Седой (Литвинов).

Здесь, товарищи, следует поставить вопрос, каково же было тогда настроение рабочих масс? Я лично думал, что не нужно вооруженного восстания, мне казалось, что мы будем разбиты, а все-таки таково было влияние этой массы, таково было настроение, таково было сознание неизбежности и отсутствие иного пути при создавшихся условиях, что я невольно становился в рамки и выполнял веление партии и организации. И выполнял не я один, а десятки таких, как я. Тогда и мы, колеблющиеся, выполняли так, как долг нам, большевикам, повелевал. Каждый говорил, что пика, хотя и плохое оружие, но драться надо, и были убеждены, что победим не сегодня, так через год, не через год, так через пять, и в этой победе мы видели известный путь и право, по которому должны будем итти по требованию нашей рабочей партии.

После конференции, как «жуки расползлись по всей Москве» (по выражению одной газеты) все работники. И действительно, когда рассматриваешь эту картину, то чувствуешь, как будто красные жуки с шумом выползли из Фидлеровской школы по всей Москве и занялись определенным делом, и когда мне пришлось притти на «Прохоровку» и побывать у Грачева и на других заводах, то одно видал: куют пики, делают кистени, а кто просто отливает определенные свинцовые куски и пр. Жуки делали свое историческое дело, и вот каково было их дело. Я помню, ночью с Пресни с секретарем, т. «Наташей», и еще с двумя боевиками, оставив заместителем «Медведя», я пошел погулять по Москве. Да, погулять. Темно, мертвая тишина. Было жутко. Москва как-будто вымерла. Идем по Тверской. Всюду тьма. Окна закрыты. Идешь и думаешь, на кого наткнешься? У всех револьверы в кармане. Натыкаешься на суб'екта. «Что ты тут делаешь?»—«То же, что и ты». И видишь, что это просто спрятавшийся шпик-городовик. Дубасовские охранники тогда дрожали

и боялись в этой тишине и темноте. Перешли Замоскворечье, обогнули Крымский мост, и обратно, другой дорогой; потратили на это часов пять, и видели, что такое всеобщая забастовка, которая должна была перейти в вооруженное восстание. Заснувший город. Вот что представляла собою Москва. Утром побывали у Александровского вокзала, заглянули на Пименовскую, и потом опять на Пресню. Видно было, что город замер; все магазины закрыты, и лишь время-от-времени раздавался выстрел. Вот какая была атмосфера первых двух дней, когда была об'явлена всеобщая забастовка с переходом в вооруженное восстание, а потом началась уже борьба, взялись серьезно, стали строить баррикады. Мы думали, что баррикады просто так строили, на-авось; но один французский обозреватель, который рассматривал баррикады, по тому, как они были расположены, констатировал, что рабочие правильно строили баррикады. Не было нигде, даже на Б. Пресне, прямой линии для прохода через баррикады, и тот, кто рисковал пройти, должен был обязательно натолкнуться на тот или другой патруль дружинников.

Сколько же было дружинников в Москве? спросите вы.—Приблизительно, по тем сведениям, которые у меня имелись, было около 700—800 человек дружинников, вооруженных револьверами. В Железнодорожном районе было не более 100, а на Пресне, в Хамовниках и Бутырках и то, что мы получили в наследство, за исключением шмидтовской дружины, набиралось не больше 180—200, при чем тут нужно считать и те бульдоги и револьверы, которые были отняты от полицейских, и двухстволки, которые получили от населения, то старое оружие, которое мы могли получить в том или ином месте. С этой целью существовала оружейно-разыскная тройка. Это эс-эры, обещавшие сотни маузеров, бомб и пр., как и всегда, надули, наврали, и даже в последний момент, по своей нерешительности, «прохоровке» не смогли доставить более 15 человек вооруженных дружинников, и то среди них было немного человек, которые имели браунинги, а все остальные имели бульдоги, и если мы имели десятка три винтовок, то мы их получили в схватках, ибо нас не оставляли в покое.

Когда Мином была сожжена шмидтовская фабрика (там погибло 6 гробов убитых товарищей-дружинников), то мы, помня это, решили, если мы победим, то для всех убитых дружинников Пресни устроим такие похороны, которые превзойдут похороны тов. Баумана, а похороны тов. Баумана были грандиозны не только для России, но и для всей борющейся Европы. Вот как мы мечтали. И шмидтовская дружина, которая являлась лучшей дружиной, во главе которой стоял рабочий фабрики Шмидта Николай, эта дружина завоевала такую честь и так стала известна всем, что Мин поставил у Дорогомиловского моста специальную батарею затем, чтобы эту фабрику раз навсегда уничтожить со всем, что там было, и если они еще спокойно относились к прохоровщине и допускали переговоры, то со шмидтовской фабрикой было решено раз навсегда покончить. Они рассматривали ее, как цитадель наиболее вооруженную, как цитадель большевизма. И действительно, она была лучше вооружена, во-первых, потому, что хозяин ее сочувствовал большевикам и дал большие деньги на оружие; во-вторых, потому, что шмидтовские рабочие являлись наиболее квалифицированными работниками (столяры), среди них многие, которые перенесли русско-японскую войну.

Итак, как я уже сказал, у нас были отдельные схватки, мы разоружили участок, где отобрали фотографические карточки старых революционеров, уничтожили сберегательную кассу, закрыли все винные лавки. И вот, товарищи, эта небольшая группа дружинников сумела так поставить дело, что на Пресне и на прилегавших к ней районах не было ни одного случая пьянства. Я вспоминаю, как один дружинник приходил ко мне и просил: «Нельзя ли каждый день по шкалику?» (ведь мороз и холод). На что другие резко отвечали:

«У нас—борьба, а не пьянство, а за шкаликом пойдет один, другой и т. д., это надо оставить!»

Было всего 200 штук оружия, которое мы называли винтовками, которое можно назвать оружием, но посмотрите, весь этот район, начиная от Горбатого моста, половина Новинского бульвара, Москва-река, сахарный завод, до Александровской жел. дор., затем Грузинская площадь до Зоологического сада, все это был наш район, за исключением Кудринской площади. И тут опять тов. Владимирский прав: не только тысячи помогали строить баррикады, но тысячи помогали дружинникам занимать те или иные посты. Десятнику нужно было внимательно следить, чтобы эта шашка (селедка), отнятая у городового, переходила строго по очереди от одного дежурного к другому, и тот, кто отдежурил сегодня, не дежурил завтра, и мы имели громадное количество дружинников. Я подсчитал как-то, что сменных было около 700 человек на Трехгорной одной, постоянных сменных, которые приходили ко мне и говорили: «Теперь моя очередь», и в особенности в жуткую ночь, когда мы на Пресне ожидали всяких каверз со стороны казаков и драгун,—тут буквально не было отбоя (приходили с других фабрик).

На 4-й или 5-й день мне принесли две газеты. Я помню, как жутко было в тот момент, как тяжело было видеть эти газеты (одна газета «Новое Время», другая «Русский Листок», начавший выходить в Москве). Именно мы, окруженные кольцом, имевшие лишь небольшую возможность на пятый день получить сведения, видали воочию лучше других, что положение становится обостренным. Я могу вас уверить, что руководящая группа рабочих, приблизительно человек 120, ни минуты не думала о том, чтобы без разрешения тех организаций, которые стояли во главе восстания, положить оружие. Мы имели в своем составе боевой комитет из пятерки, которая управляла всей Пресней и прилегавшими к ней частями (Бутырской, Хамовнической и отчасти Сущевско-Марьинской). И эта пятерка состояла из следующих лиц: от большевиков—тов. «Леший», от меньшевиков—«Захар», который на второй день начал путать, а от эс-эров—«Мартын» которого я должен был попросить, чтобы его убрали, и его заменили эс-эром Ильиным, который изменил революционному движению и который состоял в 1920-х годах комиссаром при Махно. Вот какова роль многих деятелей. Затем в эту пятерку входил представитель от Районного Совета: эс-эр Дмитриев (многие прохоровцы должны его помнить, этот Дмитриев был очень толковый, развитой рабочий, который прошел зубатовскую школу, затем оторвался от нее, был эс-эром), а потом, когда рабочая жизнь поставила перед ним вопрос держать знамя высоко, он не выдержал, совершил известную гадость, стал выдавать то, чего никто не мог знать.

У нас был финансовый комитет, казначеем которого был тов. Иванов. Был и продовольственный, который стряпал обеды для дружинников в Серебряковской школе, доставлял хлеб и прочие продукты.

Была комендатура, которая вела допросы, аресты и обыски. Сюда дружинники приводили всех задержанных, пытавшихся пройти через баррикады; некоторые, после проверки документов, отпускались, иные арестовывались впредь до разбора дела (были и курьезы: останавливали часто своих же). Там было вынесено постановление и приведено в исполнение о расстреле помощника начальника охраны Войлошникова, пом. пристава Сахарова и одного казачьего офицера.

Недавно мне один товарищ сказал, что в истории партии имеются громадные материалы о декабрьском вооруженном восстании, и что эти громадные стены материалов, полицейских по характеру, служат доказательством, что среди основных масс предателей не было. А если вы будете знакомиться с приговорами и актами, то увидите, что тогдашние провокаторы, жандармы,

шли буквально с завязанными глазами, они не знали, куда идут, и многие первоклассные участники были у них, а они как-будто их и не знали. Или наоборот: набрасывались на первого встречного, на ту или другую женщину или юнца, который тяпнул что-либо.

Я теперь перейду к финалу. Накануне знаменитой субботы мне на кухню принесли сведения, что Пресня окружена огневым кольцом. Эти сведения были собраны подростками. Кстати о них. Тов. Воскресенская говорила, и я могу подтвердить, что в Комиссаровской школе, где мы засели, и на Пресне, и в других местах молодежь играла очень большую роль. Если в первые дни восстания можно еще было ходить и даже разгуливать по Москве, то впоследствии этого нельзя было делать, а сведения о враге надо было собирать, и вот эти юнцы и подростки выполняли с точностью все указания: они приносили самые точные сведения. Они говорили, что «вот в таком-то переулке остановились казаки». Мы на плане отмечали: «там-то стоит батарея», «имеется столько-то пушек», а там-то «столько-то драгун». И мы были точно осведомлены, что эти донесения молодежи не подлежат никакой критике, эти донесения говорили, что не удалось нам разорвать сообщения между Тверью и Москвой и не удалось удержать связь между Москвой и Тверью, Москвой и Коломной. Эти разведчики принесли сведения, что в Сормове не говорят о победе. Эти же разведчики говорили, что нельзя в Москве буквально никого найти, что руководящий центр и даже «Леший» исчез, и Пресня осталась республикой с таким строем, каковой не укладывается в наши современные ученые конституционные рамки, и мы таким образом были предоставлены самим себе. Одно можно сказать, что если Москва в то время была необходима революционному движению, как центр, на котором фиксировалось все внимание, то Пресня фактически была центром .благодаря тому, что на нее стекалось все лучшее, на чем фиксировалось все внимание врагов, и мне теперь ясно и понятно, не только как участнику (когда бываешь участником, сплошь и рядом не видишь целого ряда вещей), а теперь, когда читаешь все то, что попало в печать, то видишь, почему на Пресню направлены были такие колоссальные силы, как Семеновский полк, Волынский, драгунский, и что Дубасов не хотел приступить к Пресне, пока не получит гвардию Николая II. Вы видите, какую колоссальную роль играла эта маленькая охрана дружинников революционной Москвы.

И вот, в субботу началась такая канонада, которую я встречал лишь на фронте в 1915—1916 г.г. Я все-таки, признаться, не ожидал и, откровенно говоря, не знал, что можно выпустить такое огромное количество металла: стреляли, убивали, что-то трещало, сыпалось... Тут было не мало работы и для мобилизованных докторов и сестер из семей рабочих, которые, кстати сказать, честно исполняли свои обязанности. То, что было раньше, в первые дни восстания, это все было игрушкой, но то, что было в субботу,—нечто колоссальное. Я являлся (я не хочу хвалиться, но так сложилось дело) как бы единственным руководителем всего военного дела, однако, не отдавал себе отчета, что это такое: не то буря, не то ураган, все гремит, трубы летят, пробираешься от поста к посту, и чувствуешь, что сшибут. Наконец, понял, что песенка Пресни спета. У «Медведя» (на его обязанности был участок, прилегающий к Городскому району) впереди был заложен фугас. Он заявляет: «Взорвать его и уходить; пробирайтесь кругом, к Чортову мосту!..», Пожар. Выходит дружинник Николай и говорит: «Что дальше делать?»—«Пробирайтесь в штаб-квартиру». Но тут же прихожу к заключению, что пора давать приказ расходиться. Только успел распорядиться, докладывают, что загорелась шмидтовская фабрика. Иду обратно Семеновцы наступают уже к Б. Пресне. Взорвали фугас. Это их остановило немного и показало, что и нас нужно опасаться. Этот фугас, шагах в 30 от бань, сыграл свою роль и заставил их быть

настороже. Это же и мне дало время отдать приказ уходить с Пресни. Все были в таком состоянии, что скоро ушли, и осталась только секретарь, тов. «Наташа», которая потом сообщила мне, как постепенно, ощупью, в воскресенье семеновцы обходным путем шли, или, вернее, ползли на четвереньках со стороны Охотничьего переулка на Б. Пресню. Я узнал, что у них были жертвы у Горбатого моста (кажется, один фельдфебель, которому Дубасов устроил торжественные похороны). На Прохоровскую фабрику семеновцы обрушились уже на второй день. Вооруженное восстание закончилось.

Насколько нелепо и безрассудно действовали те, которые расстреливали Пресню, показывает следующий факт: за несколько дней был издан приказ в Москве о том, что все жители осажденных частей имеют право выходить для приобретения хлеба утром до 12 часов. Я отдал приказ дружинникам расходиться в 11 час. утра, пока было еще возможно пройти незамеченными среди народа и не быть арестованными. Многие ушли с Пресни, в том числе и я. Я пошел по направлению Москвы-реки. Мне дали адрес одного присяжного поверенного (ныне он далек от движения, это—Муравьев), я должен был спрятаться на его квартире. И вот я пошел по диагонали и попал к еврейскому кладбищу. Вхожу на кладбище, а сторож умоляет: «Да не ходите, не ходите!» Спрашиваю: «Почему?». «Проклятие будет на вас, вы не знаете, ведь сегодня суббота». Я все-таки был там, запутал свои следы и ушел дальше. По дороге я встретил одного товарища, который узнал меня и сказал: «Я тебя спрячу в лучшем месте, чем тебя может спрятать Муравьев». И я был спрятан под крылышком у Дубасова,—у одного статистика. Но какой был ужас, когда они на третий день узнают, что я ранен; тогда догадались—кто я, и меня нужно было поспешно увезти в другое место, более надежное. На этот раз я попал в рабочий квартал. Здесь меня не допрашивали, кто я, и выдержали до времени.

В заключение нужно сказать следующее: рабочая Москва и передовой авангард рабочего восстания в 1905 году сыграли свою историческую роль. Были у нас, товарищи, ошибки, были недостатки, но в одном нас нельзя обвинить и никто не обвинит, а именно в том, что обязанности свои, в пределах тех возможностей, которые были у нас, мы выполнили, мы их выполнили и выполнили в интересах рабочего класса и никакого другого. Выполнили, как сумели, как смогли.

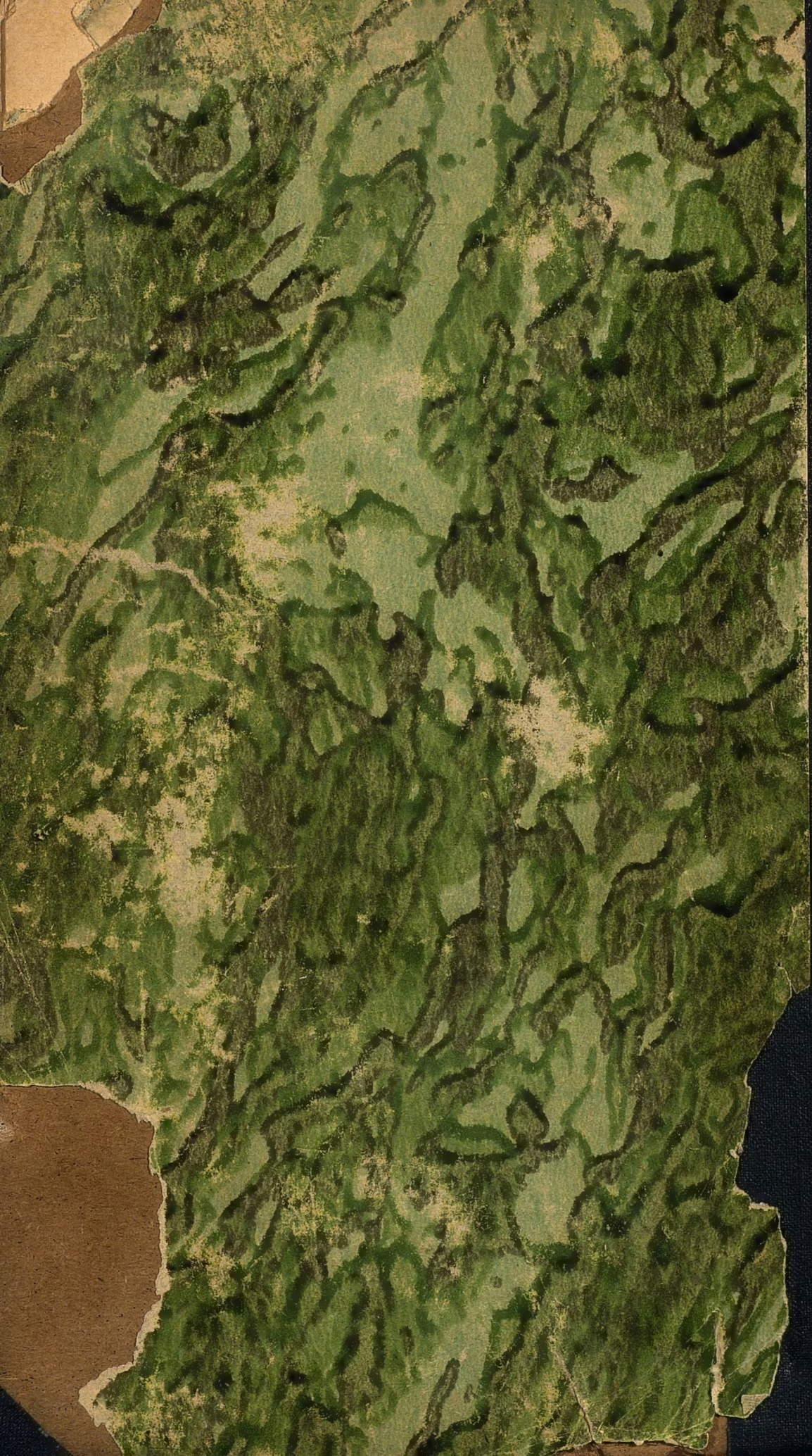
Теперь мы видим, дорогие товарищи, что нашу историю начинают все больше и больше писать, изучать, кроме отдельных статей, целые организации (сама партия берет историю декабрьского восстания в свои руки). Рабочий класс, несмотря на свои слабые силы, в сравнении с вооруженным врагом, которого мы тогда имели перед собой, сделал огромное дело и тем вложил свою лепту в ту революцию, которая более счастлива, более победоносна и более велика и которая называется революцией 1917-го года. И мы можем с гордостью сказать, что в революции 1917-го года есть большая страница, выписанная из истории революции 1905 года.

Рабочему классу путь был продиктован его бытием, и пусть история извлечет урок не только для российского подрастающего поколения, но и для западно-европейского пролетариата, который будет видеть перед собой эти две стороны одной и той же монеты, для того, чтобы не повторять ошибок 1905 года, как мы не повторяем ошибок 1848 года, и для того, чтобы открыть новую историю революции всего мира, смести капитал с лица земли и водрузить Красное Знамя во всем мире...

1-50
М-28
1-50
59/1666

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
В. Невский. Творчество масс	5
З. Доссэр. На Пресне и в Московском Комитете в декабрьские дни 1905 г.	9
В. Костицын. Декабрьское восстание 1905 года	21
М. Виноградов. Декабрьские дни в Миусском подрайоне и других местах	48
М. Николаев. Воспоминания начальника шмидтовской дружины	70
М. Краснов. На «Прохоровке» в 1905 году	101
И. Колокольников. Пережитое	109
Н. Сидоров. Воспоминания дружинника ф-ки Шмидта	118
А. Савельев. Отрывок из прошлого	122
В. Буйволов (Ракитин). Воспоминания уполномоченного от воинских частей	126
И. Прошин. На заводе Мамонтова в 1905 году	130
А. Савыков. Декабрьское восстание на нашем заводе	133
О. Зверева-Васильева. В дни декабрьского восстания	135
Н. Шорохов. Кушнеревцы в 1905 году	137
В. Лепешкин. На фабрике Ралле в дни восстания	140
П. Селезнев. В главных мастерских Брестской ж. д. в 1905 году	143
Е. Розанов (Николаев). Воспоминания начальника боевой дружины Брестской ж. д.	146
И. Королев (Батышев). На Брестской железной дороге в 1905 году	150
«Наташа». Воспоминания секретаря боевого штаба дружин	158
Е. Салтыкова (Старостина). Воспоминания работницы Трехгорной м-ры	160
В. Забрежнев. За массой	162
А. Шестаков (Никодим). Великие дни прошлого	168

Приложение:

Вечер воспоминаний декабристов 1905 года. Речи, произнесенные на вечере воспоминаний декабристов 1905 года: Владимирского, Седого, Воскресенской.